

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Е.Н. Соколов

ДЕНЕЖНАЯ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В 1917 – НАЧАЛЕ 1921 г.

Монография

Рязань 2012

УДК 33
ББК 65.02
С59

Печатается по решению редакционно-издательского совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина» в соответствии с планом изданий на 2012 год.

Рецензенты: *П.В. Акульшин*, д-р ист. наук, проф.
Е.А. Кирьянова, д-р ист. наук, проф.

Соколов Е.Н.

С59 Денежная и бюджетная политика Советской республики в 1917 – начале 1921 г. : моногр. / Е.Н. Соколов ; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – 224 с.

ISBN 978-5-88006-735-0

Исследуется один из аспектов зарождения экономической системы советской государственной модели в России. На основе широкого круга источников анализируется денежная и бюджетная политика Советского правительства. Рассматриваются основные мероприятия большевистского государства в области денежного обращения и бюджетной работы в условиях тяжелейшего социально-экономического и политического кризиса, порожденного революционными событиями и Гражданской войной.

Монография адресована ученым историкам и экономистам, преподавателям вузов, а также аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами становления советской общественно-экономической системы в России.

денежное обращение, финансовая политика, бюджет, Народный комиссариат финансов, Совет Народных Комиссаров.

ББК 65.02

ISBN 978-5-88006-735-0

© Соколов Е.Н., 2012
© Оформление обложки Ваняшин А.Ю., 2012
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Октябрьская революция и появление советской государственной системы – одни из самых знаковых событий XX в. То, что происходило в нашей стране начиная с 1917 г., вышло далеко за рамки исключительно российского исторического процесса и во многом определило вектор мирового развития на протяжении всего прошлого века. Поэтому большевистская революция до сих пор является одним из самых изучаемых событий не только в России, но и за рубежом. Однако даже наличие громадного количества исследований не позволяет утверждать, что тематика, связанная с появлением первого в мире «государства рабочих и крестьян», исчерпана. Эпоха революции и Гражданской войны и в настоящее время вызывает противоречивые оценки, оставаясь полем острых дискуссий.

Одним из главных аспектов радикальных перемен, происшедших в России, становится формирование экономического фундамента новой советской государственной системы. Сложные процессы в период революции и Гражданской войны охватили и финансовое хозяйство молодой республики. Зарождение новой общественно-экономической системы проходило в условиях тяжелейшего кризиса одной из главных составляющих хозяйственного механизма любого государства.

В монографии рассматриваются два ключевых аспекта становления финансовой системы Советского государства. На основе комплексного анализа с привлечением большого количества ранее не публиковавшихся архивных материалов анализируется денежная и бюджетная политика Советского государства с октября 1917 по март 1921 г., т.е. с момента Октябрьской революции и до изменения экономической политики при переходе к нэпу. В работе также затрагиваются и некоторые вопросы деятельности царского и Временного правительств, что необходимо для анализа финансового положения России к моменту прихода к власти большевиков.

Предметом исследования стали основные мероприятия Советского государства в этих тесно взаимосвязанных областях финансового хозяйства республики. Подробно анализируется процесс принятия решений по важнейшим проблемам денежной и бюджетной политики и прослеживаются последствия проведения их в жизнь. Большое внимание уделено идеологическим, политическим и экономическим предпосылкам, определявшим в конечном итоге общее направление деятельности Советского правительства в этих областях финансового хозяйства.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ЭПОХИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

1.1. Распад финансового хозяйства России

Участие России в Первой мировой войне самым негативным образом отразилось на ее экономическом положении. Потребовался перевод хозяйства империи на военные рельсы, который сопровождался нарастанием кризисных явлений. Такого напряжения экономика России не выдерживала и в стране постепенно нарастали экономические проблемы. К началу 1917 г. в России имелось уже множество элементов, разрушавших систему товарно-денежного хозяйства. Громадный рост расходов и резкое сокращение доходных поступлений, а также явно обозначившаяся тенденция к натурализации экономики непосредственно отражались на финансовом положении империи. Все попытки улучшить ситуацию серьезных успехов не приносили. В руках царского правительства оставался лишь один надежный инструмент – эмиссия, позволявший хоть как-то выходить из финансовых затруднений. Именно она и стала главным источником покрытия расходов на ведение войны.

На 1 июля 1914 г. в обращении России находилось кредитных билетов на сумму в 1 630,4 млн руб., а на 1 марта 1917 г. – на 10 044 млн руб. Таким образом, до Февральской революции на финансирование войны было выпущено около 8,5 млрд руб.¹ Доход от эмиссии, который получало царское правительство в 1914 и 1915 гг., к 1916 г.

¹ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917 – 1927). М., 1928. С. 71.

значительно сократился, а индекс цен за этот год вырос на 100 % при росте денежной массы на 6,2 %².

Своеобразным рубежом для финансовой системы России стал 1917 г. За этот год в стране сменили друг друга три режима и произошли две революции. «Как известно, финансы страны и ее денежное обращение не любят ни войн, ни революций...»³.

После прихода к власти Временного правительства постепенный распад финансовой системы принял обвальный характер. На 1 ноября 1917 г. в обращении находилось бумажных денег на сумму в 19 577,9 млн руб., т.е. было выпущено новых кредиток на сумму около 9,5 млрд руб.⁴ Такой темп эмиссии при продолжающемся падении производства, развитии в деревне тенденций к натурализации хозяйства и углубляющемся недоверии к «керенкам» вызвал рост цен в размерах еще больших, чем возрастала эмиссия. Со второго месяца после прихода к власти Временного правительства рост цен опережает рост эмиссии в 2 – 3 раза, а в июне – в 4 раза. В августе – сентябре в связи с реализацией урожая темп роста цен несколько отстает от темпа эмиссии, в октябре цены вновь поднимаются в среднем на 37 %, эмиссия вырастает на 11,4 %.

Падение ценности рубля сокращало реальную зарплату рабочих и служащих. Временное правительство делало попытки регулирования цен и распределения некоторых товаров. Но на деле в этой области наблюдалась полная бессистемность. Это приводило к огромным разрывам в заготовительных ценах, с одной стороны, и розничных – с другой, и вызывало резкое недовольство населения⁵. Попытки связать свободные средства, накопившиеся в стране, и прежде всего у крестьянства, с помощью «Займа Свободы» большого эффекта не дали.

Своеобразный промежуточный итог деятельности Временного правительства в финансовой области был подведен на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г.

Член коалиционного правительства И.Г. Церетели в своей речи доказывал, что нет таких финансовых мероприятий, которые помогли бы в настоящий момент преодолеть кризис и привести в нормальное

² Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917 – 1925). М., 1940. С. 8.

³ Преображенский Е.А. Теория падающей валюты. М. ; Л., 1930. С. 116.

⁴ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 71.

⁵ Атлас З.В. Указ. соч. С. 9 – 10.

положение финансы государства. Далее он вынужден был отметить, что до сих пор проекты финансовых преобразований только разрабатываются и сформулировал их основные принципы. Министр труда М.И. Скобелев, полемизируя с В.И. Лениным по поводу его радикальной программы, заявил, что даже если реквизируют всю прибыль капиталистов, то этих доходов не хватит для разрешения финансовой проблемы⁶. Министр продовольствия А.В. Пешехонов, развивая мысль Скобелева, утверждал, что если изъять весь доход предпринимателей, то это дало бы только 3 млрд руб. Но, по данным министра, война требовала сначала 7 млрд руб. в год, потом 10 – 15 млрд, в 1917 г. – 20 млрд. Таким образом, с учетом инфляции половину национального дохода Россия тратила на ведение боевых действий⁷.

Рассматривая финансовую политику царского правительства, М.И. Скобелев подчеркивал, что основным источником покрытия расходов, связанных с войной за пределами России, являлись внешние займы, для расходов внутри страны – внутренние займы, «а главным образом этим источником служил выпуск бумажных денег». На долю эмиссии приходилось иногда до 40 % средств, получаемых царским правительством на ведение боевых действий⁸.

Первые дни после Февральской революции привели к замиранию хозяйственной жизни, денежное обращение замедлилось. Наблюдался стремительный рост зарплаты, резко увеличились расходы на создание государственного аппарата. Все это, по мнению Скобелева, привело к тому, что «Временному правительству первого состава пришлось в первое время еще больше налечь на станок Экспедиции заготовления государственных бумаг, чем старому режиму... Мы, бывшие постоянными критиками всей финансовой политики старого режима... должны были констатировать... что та политика станка Экспедиции заготовления государственных бумаг... уже не может быть изменена в первые дни революции...». Выпуск денежных знаков из Госбанка с каждой неделей увеличивался, и были месяцы, когда этот поток превышал в несколько раз средний выпуск кредиток за последний год войны. По мнению министра труда, до сих пор в распоряжении Временного правительства нет другого способа получить денежные знаки, как все тот же

⁶ Первый Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Т. 1. М. ; Л., 1930. С. 61 – 63.

⁷ Там же. 134 – 135.

⁸ Там же. С. 223.

«злосчастный станок». Члены Временного правительства прекрасно понимали, что печатный станок – «это очень милый (источник)... в смысле легкости добычи средств, но и очень опасный для всей финансовой системы и для хозяйственной жизни страны. Это сладкий яд, при помощи которого можно, упиваясь, лишь только отравляться». Скобелев отмечал две интересные особенности финансового обращения этого периода: упрощение производства денежных знаков для увеличения производительности станка и непомерные запросы на деньги из провинции, которые Госбанк не мог удовлетворить⁹.

Министры-социалисты, оценивая финансовую ситуацию в стране, приходили к общему выводу, что серьезных изменений в нее они не внесли и повторяли приемы царской администрации, в основу которых был положен станок Экспедиции заготовления государственных бумаг (ЭЗГБ). Положение не претерпело изменений за весь недолгий период нахождения у власти Временного правительства. По-прежнему его финансовая политика базировалась практически исключительно на производительности печатного станка ЭЗГБ.

Осенью 1917 г. Министерство финансов подготовило для Временного правительства специальную записку с анализом сложившейся в стране ситуации. В ней говорилось, что с начала войны наметился значительный отлив денежных средств из касс Государственного банка. Огромные суммы потребовались на покрытие мобилизационных и других военных расходов, а также на поддержку промышленности, торговли и эвакуацию различных учреждений. Все это привело к необходимости резкого увеличения выпуска кредитных билетов. Путем крайнего напряжения в работе Экспедиции заготовления государственных бумаг, в том числе введением двух смен – дневной и ночной, удалось довести ее производительность с 500 – 600 тыс. листов на сумму 4 – 5 млн руб. в день в довоенное время, до 2 000 – 2 200 тыс. листов на сумму 20 – 30 млн руб. в сутки¹⁰. Кроме того, в обращение были выпущены упрощенные дензнаки 1-рублевого достоинства. Но предпринятых мер оказалось недостаточно.

Непрерывное возрастание спроса на кредитные билеты как со стороны населения, так и для нужд армии истощили их запасы. Со

⁹ Первый Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Т. 1. М. ; Л., 1930. С. 224 – 227.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 11.

второй половины 1916 г. обнаружился значительный недостаток денежных знаков в кассах Госбанка. В это время возрос спрос на билеты крупных достоинств. Экспедиция не смогла удовлетворить резко увеличившиеся требования особенно на крупные денежные знаки достоинством в 25 и 100 руб. В связи с недостатком этих денежных знаков в стране сложилось «острое положение». Усугубила ситуацию экономическая забастовка рабочих ЭЗГБ в декабре 1916 г.

Революция привела к двухнедельному перерыву в работе Экспедиции заготовления государственных бумаг, что еще более ухудшило положение дел. В день разбирали по 30 млн руб., но требования на деньги из провинции с каждым днем все росли и главным образом на крупные купюры в 1 000 руб., а также на билеты 5-рублевого достоинства упрощенного типа. В этот период Госбанк стал рассылать в некоторые свои учреждения, оказавшиеся в наиболее критическом состоянии, 4%-ные билеты Государственного казначейства, рекомендуя выдавать их взамен кредитных билетов. Но эти меры не улучшили сложившейся ситуации. После революции наблюдалось значительное увеличение жалования рабочим, солдатам и т.д. Это подстегнуло спрос на деньги. Начатый 22(9) июня 1917 г. выпуск билетов 1000-рублевого достоинства не дал ожидаемых результатов из-за невозможности выплачивать зарплату такими крупными купюрами. Со всех сторон посылались требования на мелкие кредитные билеты. В итоге 1000-рублевые купюры шли менее ходко, чем предполагалось.

Министерство финансов указывало на то, что в самое последнее время требования на деньги настолько выросли, что Госбанк вынужден удовлетворять их частично, по мере возможности. Количество таких неисполненных требований колебалось в пределах 600 – 800 млн руб. Кроме того, с мест начинали поступать донесения, что в кассах учреждений Госбанка остаются только дензнаки достоинством в 1 000 руб., которые клиенты не желают брать, требуя преимущественно билеты средних купюр в 10, 25 и 100 руб.

Министерство финансов решило выработать новые образцы кредитных билетов достоинством в 25 и 50 руб. упрощенного типа, которые можно было бы выпускать в большом количестве. Кроме того, ЭЗГБ в целях увеличения производства дензнаков разработала новые типы кредитных билетов уменьшенных размеров.

Для борьбы с нехваткой денег Государственный банк рекомендовал своим учреждениям: 1) выдавать серии Государственного ка-

значейства с начислениями на них текущих процентов по купонам; 2) предлагать получателям по операциям открывать текущие счета с тем, чтобы они могли затем рассчитываться со своими клиентами посредством чеков; 3) войти в соглашение с крупными фирмами, а также с казенными и частными учреждениями о передаче Госбанку образующихся у них излишков наличности. Затем было предложено тем отделениям Государственного банка, где наблюдается наибольший отлив денежных знаков, рекомендовать всем кредитным учреждениям, крупным торгово-промышленным фирмам и ломбардам принимать в платежи серии Государственного казначейства.

Но все эти мероприятия не улучшили положение с денежными знаками. Потребность в них постоянно росла. Финансовое ведомство указывало на громадное увеличение сравнительно с мирным временем и даже с первоначальным периодом войны спроса на деньги для покрытия огромных расходов, «вызываемых исключительно обстоятельствами данного времени». По техническим причинам ЭЗГБ не в состоянии выпускать достаточное количество бумажных дензнаков.

Крайний недостаток денежных знаков, главным образом средних достоинств, подтолкнул Министерство финансов к радикальной мере: в обращение наравне с кредитными билетами были выпущены особые казначейские знаки в 20 и 40 руб. Они печатались в значительном количестве на одном листе и их, по мнению финансового ведомства, можно было использовать как для крупных, так и для средних расчетов¹¹.

Новые денежные знаки в народе стали называть «керенками». Они не пользовались доверием среди населения, которое всеми способами стремилось от них избавиться. Выпуск казначейских знаков не успел серьезно повлиять на ситуацию в финансовом хозяйстве России, поскольку они появились в обращении незадолго до Октябрьской революции.

Недостаток дензнаков был настолько значительным, что в Министерстве финансов не надеялись решить эту проблему только с помощью керенок, поэтому планировалось проведение еще целого ряда мероприятий в области денежного обращения.

12(25) октября 1917 г. в Государственном банке состоялось межведомственное совещание по вопросу о приеме в платежи почто-

¹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 11 – 13.

во-телеграфными и железнодорожными кассами, наравне с кредитными билетами, билетов Государственного казначейства (серий), облигаций «Займа Свободы» и военных займов, а также гербовых марок. Управляющий Госбанком поставил в известность присутствующих, что спрос на денежные знаки того или иного достоинства значительно колеблется. Одно время требовались исключительно кредитные билеты крупных достоинств. Министерство финансов выпустило 1000-рублевые купюры. Теперь спрос на них упал и к банку предъявляются огромные требования на дензнаки преимущественно мелких достоинств. Напечатать необходимое количество таких денег Экспедиция заготовления государственных бумаг по техническим причинам совершенно не может. Поэтому управляющий Госбанком предложил использовать другие виды знаков вместо кредитных билетов, изготавливать которые можно в большом количестве. В качестве примера он привел казначейские знаки достоинством в 20 и 40 руб., производившиеся по образцу консульских марок. Присутствующие поддержали предложение управляющего банком. Собрание решило выпустить в обращение новые казначейские знаки в 2 и 4 руб.¹² Но претворить в жизнь это решение финансовое ведомство не успело.

В целом режим, существовавший в России с марта по октябрь 1917 г., не сумел разрешить экономических проблем страны. Ситуация из месяца в месяц только ухудшалась. Проблемы нарастали, как снежный ком. Кризисные явления усилились во всех отраслях экономики России и самым негативным образом отразились на финансовом хозяйстве страны.

В период нахождения у власти Временного правительства в финансовой области наблюдались некоторые тенденции, которые унаследовали и большевики: рост эмиссии, упрощение производства дензнаков, перманентный денежный голод, резкое увеличение расходов на создание нового государственного аппарата. Таким образом, то, что происходило в годы войны и в месяцы правления Временного правительства, по мнению Л.Н. Юровского, было не «примером» для последующей эпохи, а составляло первые звенья закономерного ряда¹³.

В октябре 1917 г. Россию потрясла очередная революция. К власти пришла более радикальная сила – партия большевиков. Первой

¹² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 9.

¹³ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 49.

проблемой в финансовой области для новых правителей России становится овладение банковской системой страны.

Большевики прекрасно понимали значение кредитного аппарата – овладение им означало установление контроля над экономической страны. Кроме того, они учитывали и негативный опыт своих французских предшественников. Классики марксизма, к последователям которых себя причисляли и большевики, считали одной из причин поражения Парижской коммуны медлительность и непоследовательность ее руководителей в решении финансовых проблем, не сумевших подчинить рабочему правительству Французский банк, что явилось крупной политической ошибкой. Ф. Энгельс писал: «Банк в руках Коммуны – ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников»¹⁴. Накануне Октябрьской революции Ленин утверждал, что большевики «кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки...»¹⁵.

Россия перед Первой мировой войной располагала разветвленной кредитной системой, главным звеном которой являлся Государственный банк. Он контролировал львиную долю оборотов финансового рынка России, являясь «банком банков». В последние 2 – 3 месяца существования Временного правительства общая сумма задолженности коммерческих банков Государственному составила не менее 1,5 – 2 млрд руб.¹⁶ Захват Госбанка означал установление контроля над деятельностью всех других кредитных учреждений России, так как последние зачастую держали в Госбанке свои активы и получали подкрепления наличностью.

Задачу овладения главным кредитным учреждением страны большевики выдвигали еще накануне Октябрьской революции. Но овладение Государственным банком для новых властей превратилось в серьезную проблему. Сразу после октябрьских событий на собрании товарищей министра финансов, директоров департаментов и начальников отделов Госбанка была принята резолюция об отказе подчиняться новой власти и входить в служебные отношения с ее представителями. Это привело к тому, что Совет Народных Комиссаров (СНК) не мог получить денег даже на канцелярские расходы¹⁷. Таким

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 197.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 137.

¹⁶ Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 41 – 42.

¹⁷ Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 74.

образом, буквально сразу после революции начался саботаж финансовых чиновников. Казалось, повторяется история времен Парижской коммуны. Однако большевики не намерены были повторять ошибки французских революционеров.

Рано утром 20(7) ноября 1917 г. во все воинские части Петрограда была разослана телефонограмма с требованием явиться в Смольный на гарнизонное собрание, на котором делегатам было сжато, но в сильных словах обрисовано сложившееся положение Советской власти. Говорилось, что для неотложных работ СНК нужны средства. Чиновничество Государственного банка денег не дает, поэтому их нужно взять¹⁸. Л.Д. Троцкий предложил достать первые 10 млн руб. путем посылки представителей от каждой роты в Госбанк¹⁹.

Части гарнизона должны были с музыкой войти в Государственный банк и заставить выдать требуемую сумму. Собрание закончилось в 11 часов 40 минут утра. В час дня войска с музыкой стали подходить к банку. Однако эффектный поход на Госбанк ничем не завершился – денег получить не удалось²⁰. Но солдаты и матросы остались охранять сейфы и кладовые банка. Через несколько дней большевики сумели получить ключи от всех денежных хранилищ²¹.

24(11) ноября Совнарком решает назначить в Госбанк правительственного комиссара и предоставить ему право «в виде временной меры» выдать СНК аванс в 25 млн руб.²² В тот же день из Государственного банка и Министерства финансов были уволены ряд высших чиновников без права на пенсию, с формулировкой в приказе: за отказ признать Совет Народных Комиссаров²³.

24(11) ноября 1917 г. становится переломным днем в отношениях Советской власти с Госбанком. Большевики от попыток договориться перешли к жестким мерам.

26(13) ноября В.И. Ленин издает распоряжение: «Служащие Государственного банка, отказывающиеся признать Правительство ра-

¹⁸ Хохряков А. Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 92 – 93.

¹⁹ Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918 г. : стенографический отчет. М., 1918. С. 150. (Далее: Труды I съезда СНХ.)

²⁰ Хохряков А. Указ соч. С. 93 – 96.

²¹ Атлас М.С. Указ соч. С. 73.

²² Там же.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 78 – 86.

бочих и крестьян – Совет Народных Комиссаров, и сдать дела по Банку, должны быть арестованы»²⁴. В тот же день приказом по Министерству финансов был назначен комиссар по Госбанку со всеми правами управляющего Валериан Валерианович Оболенский. Одновременно вышел декрет СНК о предоставлении В.В. Оболенскому права в виде временной меры выдать с текущего счета Государственного казначейства краткосрочный аванс Совнаркому в размере 25 млн руб.²⁵

После назначения Оболенского комиссаром служащие объявили забастовку. Они покинули банк и захватили с собой ключи от денежных касс, сейфов и шкафов с документами²⁶. Забастовку, начавшуюся 27(14) ноября 1917 г., возглавил Всероссийский профессиональный союз работников кредитного дела – «Банксоюз», более известный в литературе под названием «Банктруд» по названию своего печатного органа – журнала, издаваемого Центральным правлением профсоюза²⁷. Таким образом, саботаж перерос в открытую забастовку.

Через три дня после начала забастовки все ключи от Госбанка были силой захвачены комиссарами, назначенными в различные подразделения банка. 30(17) ноября удалось получить первую партию денежных знаков. Представители Совнаркома, комиссары Госбанка, несколько красногвардейцев и 16 человек низших служащих изъяли из кассы 5 млн руб., торжественно препровожденных в Совнарком и в течение 3 – 4 дней находившихся под охраной часовых в одной из соседних с кабинетом В.И. Ленина комнат²⁸.

Большевики повели борьбу с забастовщиками, пытаясь опереться на низших служащих. Увольнения из банка продолжались. Теперь изгонялись строптивные чиновники среднего звена²⁹. Используя политику кнута и пряника, большевики постепенно стали ломать забастовку. С начала декабря 1917 г. понемногу начали развиваться ссудные операции. На места бастующих к 22(9) декабря было принято 650 новых и вернулось до 400 бывших служащих центрального аппарата Госбанка³⁰. Но полностью ликвидировать забастовку не удавалось.

²⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 51.

²⁵ Там же. Д. 24. Л. 64 – 65.

²⁶ Атлас М.С. Указ соч. С. 73.

²⁷ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 15. Д. 342.

²⁸ Атлас М.С. Указ. соч. С. 73 – 74.

²⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.

³⁰ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917 – 1950 гг.). М., 1978. С. 16.

Главной задачей Советского правительства становится налаживание снабжения деньгами центральных наркоматов и губерний. И эта задача постепенно стала решаться. Если до декабря 1917 г. СНК весьма скупо выделял по 30 – 40 тыс. руб. из 5-миллионного фонда, который удалось получить в Госбанке, то с середины декабря 1917 г. отдавались распоряжения о выдаче сумм в несколько десятков миллионов рублей³¹. Это говорит о том, что касса Госбанка и казначейства к середине декабря находилась в полном распоряжении Советской власти.

Следующей задачей, стоявшей перед Советской властью, становится овладение частными банками. Несмотря на то, что перед Октябрьской революцией большевики выступали за национализацию и слияние в единый банк всех кредитных учреждений России, СНК не спешил проводить эту идею на практике. Советское правительство попыталось поставить под свой контроль частные банки, не подвергая их огосударствлению. Одна из причин такого решения заключалась в том, что финансирование заводов и фабрик в основном шло через эти кредитные учреждения.

13 декабря (30 ноября) 1917 г. Петроградской конторой Госбанка было созвано совещание представителей частных банков для согласования их работы в области кредитования промышленности и для уточнения вопросов о подкреплении их наличностью. 14(1) декабря 1917 г. удалось прийти к соглашению. Советская власть делала уступку Комитету акционерных банков и «Банктруду», не назначив в банки комиссаров, как это намечалось в первоначальном тексте соглашения³².

Большевики соглашались выделять наличные средства частным банкам при условии ежедневного предоставления Госбанку и Всероссийскому совету народного хозяйства (ВСНХ) кассовой ведомости, в которой указывалось: кому произведена выдача (адрес и род занятий), с какого счета и на какой предмет она произведена. Вводились ограничения на выдачу наличных. Кроме того, представители Госбанка и ВСНХ получали право посылать своих представителей в частные банки для просмотра любых книг и документов. Первую выдачу определили в 15 млн руб. наличными, все последующие подкрепления должны были составить 8 млн руб. в день.

³¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 7, 12, 14, 22, 25, 28, 30, 31, 32, 34, 36.

³² Атлас М.С. Указ соч. С. 81 ; Ривкин Б. Указ соч. С. 84.

15(2) декабря 1917 г. частные банки согласились на эти условия, и 17(4) декабря они приступили к работе ³³.

Но попытка поставить под контроль частную кредитную систему закончилась провалом. Банкиры представляли в Госбанк не соответствующие действительности справки и ведомости, а расходовали полученную наличность по своему усмотрению. Направлялись деньги и контрреволюционным организациям. Например, в «период контроля» Комитет акционерных банков передал несколько сот тысяч рублей Чайковскому, возглавлявшему мятеж против большевиков в Архангельске ³⁴. Бегство капиталов из частных банков в этот период еще более возросло. Этому в немалой степени способствовало регулярное снабжение банкиров наличными из Госбанка ³⁵.

Еще до соглашения с большевиками, когда стало ясно, что денежной наличности для обслуживания клиентов надолго не хватит, частные банки решили выйти из положения путем образования независимой от государства эмиссии. Из провинции поступали сведения о том, что там такие попытки уже предпринимаются. 30 (17) октября 1917 г. появились денежные суррогаты в Екатеринбурге, 23 (10) ноября в Воронеже. В это же время в Астрахани было введено чековое обращение. 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) выпущены кредитные билеты Украинской Народной Республики в Киеве. Проекты введения местных бон вынашивались в Вятке, Екатеринославле, Одессе, Тифлисе, Ростове-на-Дону. Первоначально совещание представителей правлений частных банков в Петрограде 10 декабря (27 ноября) 1917 г. высказалось против выпуска бон провинциальными отделениями. Но денежный голод в провинции все более разрастался, и местные банковские комитеты стали прибегать к выпуску различного рода денежных суррогатов. Иногда комитеты ограничивались тем, что отправляли в обращение из имеющихся у них запасов наиболее подходящие для роли дензнаков государственные бумаги: купоны истекших сроков, билеты (серии) Государственного казначейства, облигации «Займа Свободы». Такая ситуация наблюдалась в Баку, Казани, Армавире, Ростове-на-Дону, Туле. В других случаях комитеты выпускали совершенно новые денежные суррогаты: особые чеки, боны и т.д. Таким

³³ Зак А.Н. Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917 – 1918 гг. Государственный кредитный билет – банкнота. Пг., 1918. С. 35 – 36 ; Атлас М.С. Указ соч. С. 82 ; Ривкин Б. Указ соч. С. 86.

³⁴ Атлас М.С. Указ соч. С. 82 – 83.

³⁵ Сокольников Г.Я. К вопросу о национализации банков. М., 1918. С. 4.

образом, вопрос о создании дополнительного эмиссионного аппарата обострился и требовал разрешения в срочном порядке³⁶.

30(17) ноября 1917 г. совещание банков признало необходимым образование «Союза российских банков», чтобы иметь возможность выпускать особые чеки на предъявителя. Решено было срочно составить проект договора между банками. Для этого избрали специальную комиссию из опытных юристов. Проект договора о «Союзе акционерных коммерческих банков в целях производства платежей при недостатке денежных знаков особыми расчетными билетами» был составлен и обсуждался на заседаниях совещания банков 2, 4, 5, 8, 9, 10 декабря (19, 21, 22, 25, 26, 27 ноября) 1917 г. В результате была избрана Организационная комиссия для скорейшего проведения его в жизнь, которая к 20(7) декабря 1917 г. подготовила все необходимое к выпуску чеков, и их начали печатать³⁷. Таким образом, частные банкиры пытались создать независимую от Советской власти денежную систему, при этом они по своему усмотрению пользовались и теми деньгами, которые получали от большевиков. «Периодом контроля» этот короткий отрезок взаимоотношений Советской власти и банкиров назвать сложно. Деньги через коммерческие банки продолжали бесследно утекать. Возникла реальная опасность, что они пойдут в том числе и на поддержку врагов нового режима. Так, 14(27) декабря 1917 г. в правление Азово-Донского коммерческого банка из его отделения в Ростове-на-Дону был направлен запрос, в котором говорилось, что по полученным сведениям Госбанк делает переводы на Кубанскую область. Ростовские банкиры просили направить в Екатеринодар или Армавир 18 млн руб., откуда есть возможность переправить эту сумму в отделение Азово-Донского банка³⁸. Опасность для нового режима в таких переводах заключалась в том, что в этот период в районе Ростова-на-Дону шло формирование антибольшевистских сил.

С таким положением Советская власть долго мириться не могла. В.И. Ленин поручил Г.Я. Сокольникову подготовить проект декрета о национализации частных банков³⁹. Большевики уже имели негативный опыт с попыткой поставить под контроль Госбанк. Поэтому под-

³⁶ Зак А.Н. Указ соч. С. 37 – 43, 46.

³⁷ Там же. С. 46 – 60.

³⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 670. Оп. 1. Д. 15. Л. 23.

³⁹ Генис В.Л. Упрямый нарком с Ильинки (вместо предисловия) // Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 5.

готовка к захвату коммерческих банков проводилась более тщательно и в тайне. Г.Я. Сокольников разработал проекты декретов о национализации банков и о ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках ⁴⁰. О подготовке этих документов в финансовом ведомстве республики не знали. По воспоминаниям Д.П. Боголепова, которого СНК 17(30) ноября 1917 г. назначил помощником народного комиссара по Министерству финансов на правах товарища министра и директора Департамента государственного казначейства ⁴¹, декрет о национализации банков «был проведен, помимо народного комиссара по финансовым делам, на особом частном заседании, которое состоялось в Совнаркомме... Главным инициатором этой меры был тов. Сокольников, который был назначен комиссаром над частными банками» ⁴². Одновременно создаются «Особые отряды по занятию банков» и их штаб, который возглавил Куделько ⁴³.

Захват частных банков, начавшийся в 7 часов утра 27(14) декабря 1917 г., носил характер боевой операции. «Особые отряды» оцепили банки. Телефонная связь между ними была прервана. Охрана никакого сопротивления не оказала. К 12 часам все банки оказались в руках красногвардейцев. В первую очередь большевики потребовали от членов правлений ключи от касс и кладовых. В случае сопротивления директоров и членов правлений арестовывали и доставляли в Смольный. 15(28) декабря таким же образом были заняты частные банки в Москве ⁴⁴. Таким образом, «период контроля», продолжавшийся 10 дней, закончился.

Декретом 27(14) декабря 1917 г. о национализации частных банков провозглашалась государственная монополия банковского дела. Объединенный с бывшими частными банками Госбанк стал называться Народным банком республики. Одновременно был принят декрет о ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках. Все обнаруженные деньги зачислялись на текущий счет клиента в Нарбанк, а золото в монетах и слитках конфисковывалось ⁴⁵.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 – 18 об., 19 – 21, 22.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 55 ; Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 583.

⁴² Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 4/39. С. 166.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 15. Л. 24, 30 – 31, 47.

⁴⁴ Там же. Л. 26 ; Атлас М.С. Указ соч. С. 87 ; Ривкин Б. Указ соч. С. 91.

⁴⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 230 – 231.

В ответ на такие действия служащие банков 28(15) декабря 1917 г. объявили забастовку, которую возглавил профсоюз работников частных кредитных учреждений «Кредиттруд», тесно контактировавший с «Банкосоюзом». Впоследствии, в начале июня 1918 г., эти две организации объединились в одну, вошедшую в литературу под названием «Банкотруд»⁴⁶.

Таким образом, к бастовавшим чиновникам Госбанка присоединились их коллеги из коммерческих банков. Советское правительство оказалось в тяжелейшем положении. Несмотря на то, что часть служащих вернулась на работу во второй половине января 1918 г., забастовка продолжалась еще 2 месяца – февраль и март. Лишь 3 апреля 1918 г. общее собрание служащих кредитных учреждений с участием представителей Советской власти решило прекратить сопротивление и приступить к работе. 6 апреля все сотрудники петроградских банков вышли на службу. К 20 апреля забастовка была ликвидирована и в Москве⁴⁷.

Саботаж чиновников Министерства финансов и забастовка в кредитных учреждениях окончательно разрушили остатки финансовой стабильности в стране. Практически с октября 1917 г. по март 1918 г. вся энергия Народного комиссариата финансов (НКФ) была направлена на борьбу с саботажем и на овладение старым финансовым аппаратом⁴⁸. Вот как описано сложившееся тогда положение в обзоре деятельности НКФ за 1917 – 1918 гг. Было время, когда почти единственными работниками в Наркомфине являлись нарком и два его помощника. Они и готовили финансовые законопроекты, и проводили их в жизнь. «Вся страна была отрезана от центра и предоставлена своей собственной участи». Просто поддержка хоть сколько-нибудь правильной работы финансового аппарата первые 2 – 3 месяца стала делом неизмеримой трудности. Рабочие требовали уплаты зарплаты, публика, ввиду недоверия к новому правительству, изымала свои вклады из банков и сберкасс, а работа финансового аппарата иногда просто замирала. Некому было посылать денежные знаки, распределять их по кассам и выдавать населению. «Можно было ожидать ежеминутного взрыва»⁴⁹.

⁴⁶ Банктруд. 1918. № 3. С. 14, 24.

⁴⁷ Атлас М.С. Указ соч. С. 104.

⁴⁸ Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического интернационала. М., 1921. С. 125.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 – 23.

В тот период, когда в центре шла борьба с саботажем чиновников и забастовкой банкиров, на местах происходило становление новых советских органов. Этот процесс потребовал значительных финансовых затрат. Вследствие забастовки в Госбанке, присылка денег на места была парализована. Органы новой власти оказались без средств к существованию. Вышестоящие инстанции были завалены требованиями о присылке денег. О серьезности положения сами за себя говорят тексты телеграмм: «Рабочие требуют расчета. Денежных знаков нет. Положение очень тяжелое. Голод повальный». «Положение рабочих катастрофическое. Денег нет, голод, заводам грозит остановка»⁵⁰. Таким образом с первых дней своего существования Советская республика оказалась в тисках денежного голода.

Первоначально Совнарком мог помочь только тем, что предоставлял советам максимальную свободу в добывании средств. 2 декабря (19 ноября) 1917 г. в губернии было разослано разъяснение, что советы в качестве власти на местах обладают также и налоговыми правами, поэтому все обращения к центру за субсидиями, не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения денежных средств на местах, будут оставаться без удовлетворения⁵¹. В.И. Ленин на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных комитетов 10 февраля 1918 г. заявил: «Требования эти – денег – страшно велики. Денег нет, вот где наша слабость, вот отчего мы слабы и отчего страдает наша страна. Есть еще много денег в городе и деревне у крупных кулаков»⁵². Таким образом, центр пока ничем помочь не мог и сам полагался на инициативу провинции.

Денежный голод обострялся. Экспедиция заготовления государственных бумаг не справлялась с резко возросшим объемом работы. Такая ситуация была характерна не только для большевистского правительства. Впервые острая нехватка денежных знаков имела место при Временном правительстве. Предшественники большевиков нашли весьма оригинальный способ борьбы с этим явлением. Временное правительство узаконило в качестве денежных знаков в апреле 1917 г. купоны долговых обязательств Государственного казначейства. Подтолкнула к такому решению забастовка на фабрике заготовления государственных бумаг в марте

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 44. Л. 15, 18.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 54; Декреты Советской власти. Т. 1. С. 110–111.

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 331.

1917 г. Она парализовала изготовление кредитных билетов. В сентябре 1917 г. вследствие усиления денежного голода Временное правительство объявило законным платежным средством истекшие купоны и облигации займов «Свободы» и «Военного»⁵³.

Местные советы после Октября часто пользовались «Займом Свободы» вместо дензнаков. Такая же картина наблюдалась и в столице. 29(16) ноября 1917 г. в Совнарком А.Е. Аксельрод поднял вопрос о том, что служащим Министерства финансов выплатили «обманным образом» жалование облигациями «Займа Свободы» с отрезанным процентом⁵⁴.

После аннулирования займов их облигации теряли всякую силу. Но на местах их продолжали использовать вместо денежных знаков. Экспедиция заготовления государственных бумаг никак не могла наладить производство необходимого количества дензнаков. Ее управляющий М.К. Лемке все время «терроризировал» Советское правительство, заявляя, что по техническим причинам денег не хватит. Он настаивал на выпуске в обращение в качестве дензнаков облигаций «Займа Свободы», в большом количестве лежавших в Экспедиции⁵⁵.

2 февраля (20 января) 1918 г. СНК согласился с предложением Д.П. Боголепова о выпуске разменных знаков нового образца и признал принципиально возможным выпуск мелких купюр «Займа Свободы» как вспомогательного денежного знака⁵⁶. Боголепов вновь поднял этот вопрос 11 февраля (29 января) 1918 г. Он предложил ввести в обращение «Займ Свободы» на правах кредитных знаков с точно установленным курсом. Совнарком опять признал принципиально желательным введение Госбанком в оборот облигаций «Займа» не свыше 100-рублевого достоинства и поручил детальную разработку вопроса коллегии НКФ, дав ей на это двухдневный срок⁵⁷. Но Наркомфин и работники Госбанка выступили против, считая, что это засорит денежное обращение и даст держателям 100-рублевых облигаций дополнительный доход⁵⁸. Совнарком не согласился с мнением финансового ведомства и 12 февраля (30 января) 1918 г. утвердил

⁵³ Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925. С. 18.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁵⁵ Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 20.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 59. Л. 1.

⁵⁸ Ривкин Б. Указ. соч. С. 147.

декрет о выпуске купюр «Займа Свободы» в качестве денежных знаков⁵⁹. 13 февраля В.И. Ленин отправил записку Н.П. Горбунову: «Декрет о выпуске облигаций “Займа Свободы” вместо денег надо сегодня... обязательно сдать в печать (чтобы завтра он был в газетах)»⁶⁰. 16 февраля 1918 г. декрет был опубликован⁶¹.

Так большевики узаконили первый общероссийский денежный суррогат. Вскоре им пришлось ввести в обращение и другие «заменители» денег. Правда, это делалось уже не в форме декрета. 3 марта 1918 г. Нарбанк объявил о законности хождения вместо денег купонов всех государственных процентных бумаг сроком по 1 декабря 1917 г. Затем циркуляром Народного банка от 9 мая 1918 г. были приравнены к кредитным билетам и серии государственного казначейства⁶².

Проведение в жизнь декрета о «Займе Свободы» и последующих постановлений о денежных суррогатах натолкнулось на ряд трудностей. Уже 21 февраля 1918 г. из Вятки обратились за разъяснениями по поводу выпуска в обращение «Займа Свободы». Из Николаева 23 февраля пришел запрос относительно неясно переданного по телеграфу постановления об облигациях «Займа Свободы»: «Здесь облигации Займа Свободы выпускались по курсу 85 руб. как суррогат кредиток»⁶³.

В обращении СНК Москвы и Московской области, направленном 23 апреля 1918 г. на имя В.И. Ленина, говорилось, что распоряжения как центральных, так и местных учреждений в разъяснение декретов об аннулировании займов, обращении мелких купюр «Займа Свободы», серий и краткосрочных обязательств Государственного казначейства «порой далеко уходят от первоначального смысла декретов». Указания давались Госбанком, Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), Московской конторой Госбанка, Саратовским отделением Госбанка и т.д. «Такие противоречивые толкования нас, работников на местах, ставят в невозможное положение. И растет среди рабочих и крестьянских масс прямое недовольство этой несогласованностью, разноголосицей в области денежного обращения. Только находясь на местах, соприкасаясь непосредственно с терпящими от такого разнокалиберного законодательства, — видишь... всю опас-

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

⁶⁰ Ленинский сборник XXI. М. ; Л., 1933. С. 158.

⁶¹ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 449 – 450.

⁶² Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 74.

⁶³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 44. Л. 38, 44.

ность для Советской власти оставлять дальше этот вопрос в его настоящем виде»⁶⁴. 27 апреля 1918 г. такую же записку с приложением к ней полученных противоречивых указаний различных ведомств народный комиссар финансов Московской области направил председателю Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) Я.М. Свердлову, председателю СНК В.И. Ленину, наркомучу финансов И.Э. Гуковскому, председателю ВСНХ А.И. Рыкову⁶⁵.

Главная проблема с облигациями «Займа Свободы» заключалась в их курсе по отношению к рублю: давать ли за 100 руб. номинала облигации 85 руб. или курс должен быть один к одному. Каждая организация в центре и на местах толковала это по-своему. Отсюда полная неразбериха с официальным курсом в различных регионах страны⁶⁶.

Другой проблемой стало то, что население и государственные органы в провинции отказывались принимать облигации «Займа» и другие узаконенные большевиками суррогаты в качестве денег. В феврале 1918 г. из Великих Лук в СНК пришла телеграмма, где говорилось, что служащие Николаевской железной дороги получили жалование облигациями «Займа Свободы». Но казначейство, почта, торговцы их не принимают. Подобная телеграмма пришла весной 1918 г. из Стародуба, где выдали суточные солдатам и пособия их семьям процентными бумагами: «Население таковых не принимает»⁶⁷.

Несмотря на то, что государство стало само узаконивать суррогаты, пытаясь вырваться из тисков денежного голода, проблему решить не удалось. Вследствие этого местные органы власти постоянно обращались в центр с просьбами разрешить им выпуск собственной «банковской валюты»⁶⁸. Эти просьбы нашли поддержку в финансовом ведомстве. На заседании Совнаркома 13 декабря (30 ноября) 1917 г. был заслушан доклад Г.Л. Пятакова о предоставлении местным конторам Госбанка права выпуска собственной разменной монеты⁶⁹. Однако СНК не согласился с данным предложением, высказавшись за необходимость централизованной эмиссии⁷⁰.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2841. Л. 1 – 7.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 15. Л. 90 – 92 об., 94 – 97 об.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2841. Л. 1 – 7.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 6, 20.

⁶⁸ Атлас З.В. Указ. соч. С. 19.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

⁷⁰ Ривкин Б. Указ соч. С. 146.

Но обращения с мест продолжали поступать. 26 февраля 1918 г. пришла телеграмма в НКФ, Нарбанк и Совнарком из Ташкента. СНК Туркестана обращался к центральной власти с просьбой разрешить выпуск для края бон мелких купюр в 3, 5, 10, 20, 50 руб. на сумму 15 млн руб.⁷¹ 30(17) января 1918 г. Совнарком обсуждал ходатайство Сибирской краевой конторы продовольственной организации из Омска о разрешении выпуска своих бон⁷². 29 марта 1918 г. СНК рассматривал проект Президиума Моссовета о выпуске местных бон⁷³. Однако правительство на все обращения отвечало отказом. Совнарком всеми силами старался сохранить централизованную эмиссию. Но на местах из-за острейшего денежного голода, разрыва связи с центром и парализации присылки подкреплений вследствие забастовки чиновников Госбанка и финансового ведомства не только выдвигались, но и претворялись в жизнь идеи выпуска своей «банковской валюты». В конце 1917 г. в различных регионах страны начинается самостоятельная эмиссия суррогатов кредитных билетов. В декабре 1917 г. в Пензе выпустили бонов на 35,3 млн руб., в Архангельске в конце 1917 г. – на 27 млн руб., в Астрахани в то же время – на 43 млн руб., в Оренбурге – на 60 млн руб., в Могилеве – на 1,3 млн руб., в Царицыне – на 65,8 млн руб. Печатались денежные суррогаты на Северном Кавказе в Армавире, Пятигорске, Екатеринодаре, Владикавказе, Ставрополе, Кизляре и Грозном. С конца 1917 г. начала свою эмиссию Центральная рада Украины⁷⁴.

Чтобы разобраться в этом море всевозможных «денег», уже 28 февраля 1918 г. за подписью управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича губисполкомам был разослан циркуляр с требованием немедленно выслать образцы денежных знаков, выпущенных ими после революции⁷⁵.

К весне 1918 г. многие регионы страны были «наводнены бонами»⁷⁶. Несмотря на борьбу правительства с выпуском денежных

⁷¹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 15. Л. 5^{“Б”}.

⁷² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 49. Л. 2 – 3.

⁷³ Там же. Д. 84. Л. 2 – 3 ; Ф. 670. Оп. 1. Д. 15. Л. 207.

⁷⁴ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 22 – 23.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 13.

⁷⁶ Отчет о работах первого Всероссийского съезда представителей Финансовых Отделов Областных, Губернских и Уездных С.Р. и К.Д., созванный по инициативе Отдела местного хозяйства Нар. К.В.Д. М., 1918. (Далее Отчет о работах I съезда финотделов.) С. 7 – 8.

суррогатов, этот процесс развивался независимо от его указаний. Начался быстрый распад единой денежной системы страны. Засорение оборота суррогатами шло ускоренными темпами. «Количество денежных знаков различного происхождения, различных наименований и видов стало необозримо»⁷⁷. Правительство республики сопротивлялось появлению местных эмиссий до осени 1918 г. Но в итоге вынуждено было санкционировать выпуск временных платежных средств в некоторых регионах страны.

В обстановке тяжелейшего денежного кризиса, отсутствия инструкций и помощи центра, под влиянием эйфории свободы, идеологии всеобщего равенства и уничтожения буржуазии на местах нашли «революционный» способ добывания средств – контрибуции. Инициатива в применении такой формы обложения принадлежала пролетарской столице. 22(9) ноября 1917 г. Петросовет принимает декрет о реквизиции у богатых классов теплых вещей для солдат на фронте. Вскоре появляется добавление к декрету, которым вводилось единовременное денежное обложение владельцев частных фабрик, заводов и других предприятий. Специальная комиссия, проводившая это решение в жизнь, обратилась к другим советам с призывом последовать примеру Петросовета⁷⁸.

Инициативу мест подстегивала и большевистская печать. Так, например, М.С. Ольминский в «Известиях» призывал советы к беспощадному обложению буржуазии: «Не ждите указки из центра! Беритесь сами за дело! Скорее организуйте новые налоги и сборы в пользу Советов!»⁷⁹

Призывы центра не остались без ответа. Контрибуции стали широкой волной разливать по городам и весям России. В большинстве случаев они являлись единственным источником получения денег для местных советов. По неполным данным на 1 апреля 1918 г. сумма взысканных контрибуций составила 380 млн руб. С 1 по 8 апреля 1918 г. было собрано еще 20 млн руб.⁸⁰ Характерны воспоминания об этом периоде бывшего комиссара финансов Рязского уезда Рязанской губернии С.Ф. Вышегородцева. Имея самое смутное пред-

⁷⁷ Юровский Л.Н. Указ. соч. М., 1928. С. 159.

⁷⁸ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 65 – 66.

⁷⁹ Ольминский М. Центральная крестьянско-рабочая касса // Известия. 1918. 13 янв. № 9.

⁸⁰ Арский Р. «Контрибуции» как финансовая система // Известия. 1918. 16 апр. № 75.

ставление о финансовой политике, он писал: «Первый раз пришел в банк, как в темный лес. Старые чиновники разбежались. А я хожу по комнатам, роюсь в бумагах и ничегошеньки не понимаю, что к чему. Никак главного ухватить не могу, первого основного звена. С чего начать? Вспомнил, что в земской и городской управах я, когда изъясил книги по налогам и страхованию и подумал, что это законное основание для обложения кулачества, промышленников, ростовщиков большим налогом за все годы войны... В 3-х дневный срок буржуазии предложили внести указанные суммы. Попытались уклониться, но деньги внесли. Уисполком вышел из финансовых затруднений. Врачам, учителям была выплачена зарплата, вдовам погибших солдат – пенсии»⁸¹.

Совнарком 16(3) декабря 1917 г. возложил финансирование советов на Народный комиссариат внутренних дел⁸². Именно это ведомство вследствие отсутствия возможности быстро наладить снабжение провинциальных властей деньгами решило подстегнуть их инициативу в самостоятельном добывании средств. В середине декабря 1917 г. нарком внутренних дел Г.И. Петровский разослал советам телеграмму: «Ввиду саботажа чиновников в центре проявить максимум самостоятельности на местах, не отказываясь от конфискации, реквизиций, принуждения и арестов»⁸³. 6 января 1918 г. (24 декабря 1917 г.) была опубликована инструкция о правах и обязанностях советов, в компетенцию которых входило и руководство финансовыми делами⁸⁴. В феврале 1918 г., ввиду обострения финансового кризиса, Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) циркулярной телеграммой призвал советы воспользоваться их правом обложения имущих классов: «Борьба требует громадных материальных средств, чего у пролетариата нет. К несению этой тяжести должна быть привлечена буржуазия. Все ею награбленное у народа должно пойти на спасение завоеваний этого народа. Поэтому приступите к общему обложению имущих классов. На защиту социалистического отечества рабочий несет свою жизнь, буржуазию же нужно заставить нести свои капиталы»⁸⁵.

Положение с финансированием советов первое время осложнялось еще и тем, что, по словам М.И. Лациса, не всем им можно было

⁸¹ Авангард. Орган Рязского РК КПСС. Рязанская область. 1967. 21 окт. № 126.

⁸² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁸³ Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 143.

⁸⁴ Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 24 дек. № 41.

⁸⁵ Вестник Комиссариата внутренних дел. 1918. № 8. С. 2.

доверять деньги. Часто суммы, направлявшиеся в провинцию, оказывались в руках противников Советской власти. Поэтому СНК принимает решение переводить деньги в губернские совдепы, а оттуда распределять их по уездам. Лишь как исключение можно было отправлять наличность прямо в уезды, если губсоветы еще не окрепли ⁸⁶.

Вскоре стали проявляться отрицательные стороны контрибуций – прежде всего бессистемность и произвольность в их применении. Это вызывало негативную реакцию населения, так как нередко под обложение попадали не только буржуазные слои города и деревни, но и среднее крестьянство, простые горожане и даже государственные служащие и предприятия. В центр посыпались протесты против применения контрибуций ⁸⁷.

Следующей отрицательной чертой стала полная бесконтрольность советов в расходовании полученных средств. После применения такого «обложения» очень трудно было рассчитать суммы поступления регулярных налогов. Благодаря контрибуциям уничтожался сам источник получения средств как для местных властей, так и для центрального правительства. Газета «Известия» писала: «Контрибуции расшатывают всю финансовую систему государства» ⁸⁸.

Такая форма обложения вела к децентрализации налогового дела, породила местничество и сепаратизм. Но этот легкий источник поступления денег быстро истощался. Очень скоро советы вынуждены были вновь обращаться за подкреплениями, попадая в финансовую зависимость от центра. Это несколько поубавило сепаратизм местных властей. Становилось ясно, что контрибуции не могут разрешить финансовых проблем провинции.

1.2. Поиск выхода из кризиса. Финансовая политика Советского государства весной 1918 г.

Весной 1918 г. происходит относительная стабилизация политической ситуации в России. На местах власть советов укрепляется.

⁸⁶ Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918. С. 43.

⁸⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 44. Л. 42, 76, 80, 175, 177.

⁸⁸ Арский Р. Указ. соч.

Первые контрреволюционные выступления подавлены. В этот период большевики пытаются найти выход из экономического кризиса с использованием элементов рыночных отношений. При этом они исходят из того, что крестьянство получило большое количество земли и значительную часть помещичьего инвентаря, а демобилизация армии давала деревне прилив рабочей силы. Эти условия могли привести к росту сельскохозяйственного производства. К тому же в то время не были потеряны Донбасс и Баку и имелся унаследованный от прежних режимов запас сырья и топлива. Все это давало надежду Советскому правительству на налаживание промышленности и установление адекватного обмена с деревней путем предоставления ей необходимых предметов широкого потребления. Заключив мир с Германией, большевики собирались вступить с ней в торговые отношения, рассчитывая на взаимовыгодной основе получить от нее то, в чем нуждалась наша страна⁸⁹.

Советское правительство решило воспользоваться благоприятно складывающейся ситуацией и в первую очередь попыталось наладить прочные экономические взаимоотношения с крестьянством. 26 марта 1918 г. появляется декрет об организации товарообмена. Его цель – обеспечить население городов сельскохозяйственными продуктами и укрепить денежную систему республики. Наркомпроду и кооперации разрешалось 25 % товарообменных фондов реализовывать за наличные и предписывалось принять меры, «способствующие извлечению возможно большего количества денежных знаков от деревенской буржуазии»⁹⁰.

С изменением экономической политики правительства, приостановке «красногвардейской атаки» на капитал и попытке проведения ряда антикризисных мероприятий вопрос о финансовом хозяйстве республики еще более обострился. Лозунгом дня становилось наведение хотя бы элементарного порядка в этой области.

Ситуация в финансовом хозяйстве республики к весне 1918 г. выглядела весьма плачевно. Забастовка банковских служащих нанесла страшный удар, выдержать который удалось благодаря громадной эмиссии и массовому применению контрибуций. Хаос наблюдался не только в провинции, но и в центре. Совнарком производил случайные ассигнования без сведения их в общую роспись

⁸⁹ Крестинский Н.Н. Наша финансовая политика. Пг., 1921. С. 11 – 12.

⁹⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1959. С. 23 – 24.

доходов и расходов⁹¹. Наблюдался разрыв связей центра с местными органами и «самостийность» советов в финансовой области, опирающаяся на сбор контрибуций с буржуазии. Наркомфин практически не контролировал сложившуюся ситуацию. Местные власти заваливали НКФ требованиями разъяснить им, что делать дальше, и не получали ответа.

К весне 1918 г. обозначился ряд обстоятельств, которые могли благоприятно сказаться на деятельности Наркомата финансов. К этому времени многие советы исчерпали свои «внутренние денежные резервы» – контрибуции – и просили высылки денежных знаков, несколько поубавив «самостийности». Прекращение забастовки банковских служащих давало возможность приступить к серьезным преобразованиям в финансовой области. Вследствие непомерной эмиссии и следовавшей за ней инфляции денежные капиталы буржуазии и интеллигенции таяли. Буржуазия переходила на полуголодное, а интеллигенция на голодное существование. Голод вынуждал их наниматься на службу к Советской власти, переходя на положение служилого класса нового государства. «Рабочий класс заставил буржуазию продавать ему приобретенные знания, опыт и административные навыки»⁹².

Второй период деятельности Советского государства в финансовой области связан с именем Исидора Эммануиловича Гуковского. На заседании Совнаркома 9 марта 1918 г. он был утвержден заместителем народного комиссара по делам финансов⁹³. Вскоре после этого Гуковский становится наркомом. Главной задачей, стоявшей перед новым главой НКФ, было наведение порядка в финансовом хозяйстве республики. В первую очередь Гуковский обращает внимание на контрибуции, считая их безусловным злом и полагая, что именно такие способы изыскания средств местными властями расстраивают всю финансовую систему государства. 21 марта 1918 г. еще за подписью старого наркома финансов В.Р. Менжинского был разослан циркуляр, запрещающий контрибуции⁹⁴. А 23 марта И.Э. Гуковский выступил в Совнаркоме со своим видением местных налогов и сборов⁹⁵.

⁹¹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 12.

⁹² Альский М. Наши финансы за время Гражданской войны и нэпа. М., 1923. С. 7.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 76. Л. 1, 18.

⁹⁴ Соколов Н.Г. Налоговая политика Советского государства в доколхозный период. Куйбышев, 1981. С. 13.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 80. Л. 2.

Запрет на взимание контрибуций вызвал возмущение на местах, так как они нередко являлись единственным источником поступления средств в кассы советов. В центр посыпались требования отменить циркуляр. Весьма характерна в этом плане телеграмма Малмыжского уездного совета Вятской губернии от 19 апреля 1918 г. В ней говорилось, что с запрещением чрезвычайного налога финансовое положение уезда становится катастрофическим. Поэтому уездный исполком просит СНК или немедленно принять меры к периодической доставке денежных знаков, или разрешить продолжить сбор с имущего класса⁹⁶.

Отмена права наложения контрибуций, когда регулярного налогообложения практически не существовало, а рассылка денежных подкреплений на места не была налажена, могла оставить местные советы без средств. Именно по этой причине 9 апреля 1918 г. Президиум ВЦИК принял решение отменить циркуляр НКФ как категорическую форму и предоставить местам право действовать, как они находят нужным, пока не будет выработан общий порядок⁹⁷.

На основе этого постановления Советское правительство отменило циркуляр Наркомфина о запрещении контрибуций⁹⁸. Газета «Правда» писала по этому поводу: «Декрет Совнаркома о праве местных Советов устанавливать местные налоги остается в силе. При взимании установить строгую отчетность. При неуплате установленного налога прибегнуть к обязательным общественным работам и лишь в крайнем случае к аресту»⁹⁹.

Таким образом, местным властям удалось отстоять свое право на применение контрибуций. Они продолжали им активно пользоваться, а в центральные органы не прекращался поток жалоб на неправомерное применение чрезвычайных способов обложения¹⁰⁰.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 50.

⁹⁷ Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва : стенографический отчет. М., 1920. С. 133 ; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 34. Д. 7. Л. 2.

⁹⁸ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 71.

⁹⁹ Правда. 1918. 21(8) апр. № 77.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 69. Л. 79 – 84, 92 – 94, 98, 99, 106, 107, 131, 143 – 145, 199, 201, 203 – 205, 216, 217, 220 – 222, 243 – 247, 249 – 251 ; Д. 70. Л. 107, 112 ; Д. 71. Л. 196, 230, 295, 300, 321 – 324, 345 – 347, 350, 354, 363, 377, 381 – 385, 395 – 396, 401 – 402, 417 – 418, 435 – 437, 471, 476 – 477, 508, 527 ; Д. 75. Л. 60, 88, 105, 111 – 112, 225, 236 ; Оп. 4. Д. 7. Л. 2 – 3 ; Оп. 5. Д. 1. Л. 299 ; Д. 14а. Л. 35 – 36, 44 – 45 ; Ф. 130. Оп. 2. Д. 69. Л. 73, 124 – 135, 159 ; Д. 70. Л. 77, 91, 120 – 121, 198 – 200, 216 – 218, 238, 254, 320, 349, 364, 366 – 368, 381, 388 – 390, 392 – 393, 429 ; Д. 76. Л. 2 – 16 ; Д. 1137. Л. 61 – 63 ; Д. 218. Л. 239 ; Ф. 1235. Оп. 94. Д. 15. Л. 421 – 428.

Хотя местные власти по-прежнему не собирались отказываться от своего права наложения контрибуций, весной 1918 г. четко обозначился переход к регулярному налогообложению. В мае 1918 г. из 617 волостных советов 14 губерний Европейской России 53,7 % получали средства путем подесятинных сборов, 13,1 % от продажи конфискованного помещичьего имущества и леса и только 21 % волостных советов облагали сельскую буржуазию контрибуциями¹⁰¹.

В целом контрибуции не дали большого финансового эффекта. До ноября 1918 г. в 57 губерниях местные советы взыскали 816,5 млн руб., из них в уездах – 69,7 млн, в волостях – 7,9 млн руб.¹⁰² Сумма, собранная местными органами, оказалась менее 1 млрд руб., в то время как в обращении в 1918 г. циркулировало денежных знаков приблизительно на 60 млрд.¹⁰³

Несмотря на то, что Наркомфин не смог добиться запрета контрибуций, другие мероприятия государственных органов по стабилизации финансового хозяйства республики, предпринятые весной 1918 г., начали приносить свои плоды. В мае 1918 г. финансовое напряжение удалось заметно ослабить. Так, в Петроградской конторе Нарбанка впервые после октября 1917 г. приход денег оказался больше расхода на 37,1 млн руб.¹⁰⁴ Наметилось значительное улучшение баланса прихода и расхода наличности и в провинциальных отделениях Госбанка. Смягчению финансового напряжения способствовало несколько мероприятий, проведенных большевиками. В начале 1918 г. были отменены всякие ограничения на выдачу наличных со счетов частных лиц, если деньги внесены в банк после 1 января 1918 г. Сбережения, внесенные до 1 января 1918 г., по-прежнему выдавались с ограничениями¹⁰⁵.

В апреле 1918 г. в «Основных положениях хозяйственной и в особенности банковской политики» В.И. Ленин призывал к принудительным текущим счетам или к принудительному держанию денег в банках¹⁰⁶. В связи с совещанием, созванным для разработки

¹⁰¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 7. М., 1967. С. 379.

¹⁰² Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства 1917 – 1925 гг. М., 1947. С. 79.

¹⁰³ Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 247.

¹⁰⁴ Торгово-промышленная газета. 1918. 11 июня. № 46.

¹⁰⁵ Атлас М.С. Указ. соч. С. 128.

¹⁰⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 218.

тезисов банковской политики, Ленин в апреле пишет записку о принудительном держании денег в банках: «1) Деньги класть в банк обязательно (под угрозой конфискации и отмены права на землю). 2) платить 4 % за вклады. 3) из вкладов 1/3 остается в местном отделении, а 2/3 в центральный банк»¹⁰⁷. По настоянию вождя в апреле в Москве и Петрограде был введен свободный чековый оборот через Нарбанк. Для развития безденежных расчетов создали расчетные отделы, которые принимали чеки и платежные поручения о перечислении денег. Платежи между хозяйственными организациями стали проводиться без наличных. Эту систему усиленно пытались ввести в провинции с целью сокращения потребности в получении денег из центра и ослабления денежного голода на местах¹⁰⁸.

Но, пожалуй, самую важную роль в процессе некоторой стабилизации финансового положения сыграл декрет от 2 мая 1918 г. «О соблюдении единства кассы». Он обязывал советские учреждения и должностные лица все денежные средства и ценности, находящиеся в их заведовании и на хранении, вносить в Нарбанк или Государственное казначейство. Все платежи производить через кассы Народного банка или казначейства по ассигновкам и чекам. Учреждения и должностные лица могли оставлять у себя лишь авансы, отпускаемые на мелкие операционные или командировочные расходы¹⁰⁹. Этот декрет имел важнейшее значение и во многом определил будущее направление финансового законодательства большевиков. Многие советские учреждения, в том числе советы, практически бесконтрольно пользовались теми денежными средствами, которые попадали к ним в руки путем сбора налогов, контрибуций и т.д. При этом они не уставали запрашивать центр о присылке им подкреплений. Путем введения декрета большевики попытались организовать контроль за расходованием средств, ассигнованных государством. Другой не менее важной целью являлась попытка стянуть в банк свободные денежные ресурсы.

Декрет «О соблюдении единства кассы» принес некоторые положительные результаты. Это сказалось, прежде всего, на денежном обращении. После снижения эмиссии в феврале – марте произошло ее увеличение почти вдвое, а в апреле – в 2,5 раза. Апрель дал наибольшую сумму за весь 1918 г. Темп эмиссии резко

¹⁰⁷ Ленинский сборник XXI. С. 166.

¹⁰⁸ Атлас М.С. Указ. соч. С. 130 – 131.

¹⁰⁹ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 211 – 212.

снизился в мае и держался практически на одном уровне все лето. В августе наблюдался наиболее низкий уровень эмиссии и цен. Произошло даже некоторое понижение цен по сравнению с июлем. Но эту тенденцию долго удержать не удалось, и с октября цены вновь стали расти, одновременно ускорился темп эмиссии¹¹⁰.

Удачный опыт реализации декрета от 2 мая был распространен с началом Гражданской войны и на национализированную промышленность. Постановлением от 30 августа 1918 г. ВСНХ обязал все национализированные предприятия хранить деньги на текущих счетах в Нарбанке. Заводы и фабрики обязаны были сдавать готовую продукцию соответствующим главкам и центрам, которые в свою очередь снабжали их сырьем, материалами и т.д. Расчеты же должны были осуществляться бухгалтерскими записями без использования денег¹¹¹.

Несмотря на то, что весной 1918 г. наметилась тенденция к некоторой стабилизации финансовой ситуации в республике, положение в данной отрасли хозяйства продолжало вызывать беспокойство новой власти. Кроме того, неясны были перспективы применения денег в будущем коммунистическом обществе. «Новый курс» большевиков весной 1918 г. и отказ от «красногвардейской атаки» на капитал породили недоумение в рядах сторонников Советской власти. Попытки же наладить денежное хозяйство повлекли за собой прямое непонимание политики партии. Такое положение вызвало острые разногласия по проблемам применения финансового хозяйства в социалистическом строительстве, в том числе и среди руководителей Советского государства. Правящая партия столкнулась с серьезной проблемой. Необходимо было срочно искать выход из «теоретического тупика», в котором она оказалась весной 1918 г.

Взгляды большинства членов правящей партии на вопросы финансового строительства во многом раскрыл Н.И. Бухарин в своей работе «Программа коммунистов (большевиков)», появившейся в 1918 г. Автор настаивал на необходимости идти по пути уничтожения торговли к общественному распределению продуктов рабочими организациями. Он утверждал, что «сейчас, вот сию минуту, деньги рабочей власти нужны и даже очень нужны». Поэтому во что бы то ни стало нужны конфискации денежных излишков у городской и деревенской буржуазии, «нужны время от времени контрибуции». Но автор высту-

¹¹⁰ Атлас З.В. Указ. соч. С. 30.

¹¹¹ Там же. С. 132.

пал против пестроты обложения на местах, высказывался за объединение всей налоговой машины. Пока же этого нет, то допустимы и контрибуции. «На безрыбье и рак рыба»¹¹².

Для стабилизации финансового положения страны Бухарин предлагал провести денежную реформу: «Целесообразна и хороша такая мера: обмен старых денег на новые». В ходе реформы предлагалось небольшие сбережения не трогать, а крупные конфисковать. До определенной суммы менять рубль за рубль, далее по прогрессивной схеме, а с определенной суммы конфисковать все. «Тогда была бы подорвана власть богатых, получены средства на нужды рабочего государства и все были бы более или менее уравниены в доходах»¹¹³.

Рассуждая о перспективах развития финансов в России, Бухарин утверждал, что чем дальше идет организация производства на новых началах, тем все более и более будет падать значение денег. С образованием единого «общегосударственного предприятия» и уничтожения рынка нужда в них отпадает. По его мнению, чем организованнее будет производство, тем меньше будут выплачивать работникам деньгами и больше натурой, потом деньги мало-помалу совсем отомрут. Без денег начнет совершаться обмен между городом и деревней. Бухарин был уверен, что отомрет и налоговая система, так как все постепенно станут работниками на службе пролетарской государственной организации, поэтому проще платить меньше, чем потом вычитать в виде налога. Когда производство и распределение будут до конца организованы, то деньги перестанут быть нужными вообще, в том числе и государственной власти, и финансовое хозяйство отомрет. Однако, как считал автор, до этого еще далеко: «Но уже сейчас мы делаем шаги, которые ведут нас по пути к уничтожению денежной системы вообще. Власти денег приходит конец»¹¹⁴. Эти утверждения весьма противоречивы. С одной стороны, Бухарин говорит о том, что до ликвидации денег еще далеко, с другой – указывает на шаги, которые большевики предпринимают для ускорения этого процесса. Можно сделать вывод, что автор рассматривал уничтожение денежной системы не в какой-то отдаленной перспективе, а в течение более короткого отрезка времени.

Будущее финансовой системы Советского государства Н.И. Бухарин связывал со своими взглядами на социализм, почерпнутыми

¹¹² Бухарин Н.И. Программа коммунистов (большевиков). М., 1918. С. 40 – 41, 45, 46.

¹¹³ Бухарин Н.И. Указ. соч. С. 45.

¹¹⁴ Там же. С. 45 – 47.

в основном из ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса: «Евангелием современного революционера является “Коммунистический Манифест”»¹¹⁵. Это будущее Бухарин видел в уничтожении рынка и торговли, общественном распределении продуктов, натуральном обмене города с деревней, вытеснении денег из оплаты труда и переходе к натуроплате. Он считал, что по мере организации производства и распределения на новых началах, с уничтожением имущих классов как источника обложения отомрет сначала налоговая система, а затем отпадет нужда в денежных знаках.

Однако не все разделяли теоретические изыскания Н.И. Бухарина. Среди представителей правящей партии весной – летом 1918 г. разгораются дискуссии по проблеме перспектив использования финансов в социалистическом строительстве.

Большинство разделяли теоретические выкладки Н.И. Бухарина и его идею отмирания финансового хозяйства по мере движения к социализму. Как важная ступень в этом процессе рассматривалась денежная реформа. Она должна была решить несколько задач: уравнять все население в доходах через конфискационный способ ее проведения, создать «социальное равенство» и попутно решить проблему финансового кризиса. Судя по статьям и выступлениям, близко по взглядам к этой группе стоял В.И. Ленин.

Другая часть партийцев считала, что финансам суждена более длительная жизнь, поэтому необходима их стабилизация и активное использование при социализме. Отмирание же денежного хозяйства – дело далекого будущего. Эта группа большевиков фактически отрицала один из теоретических постулатов марксизма, что при бесклассовом обществе денег быть не может, а уничтожение финансов и есть показатель построения нового строя. Относя себя к последователям коммунистической идеи, они как бы вступали в противоречие со своими убеждениями. Поэтому в этой группе не существовало единства в теоретическом смысле и представители данного лагеря часто вступали в жаркие споры друг с другом. Расхождения наблюдались по ключевым вопросам тогдашней финансовой политики: строительство банковской системы, необходимость проведения денежной реформы и т.д. Эта часть большевиков выступала за быстрейшую стабилизацию рубля, предлагая опереться на старые методы – собираемость налогов, сокращение расходов, нормализацию кредита и т.д. Самыми видными представителями данной группы были Г.Я. Сокольников и И.Э. Гуковский.

¹¹⁵ Бухарин Н.И. Указ. соч. С. 63.

Но уже с конца 1917 г. набирает силу третье направление – радикальное. Его представители отрицали вообще всякую необходимость денег при социализме и открыто боролись за их скорейшее уничтожение. Еще зимой 1917 г. Г.Л. Пятаков рассматривал распад кредитной системы как вполне закономерное явление в новом государстве¹¹⁶. Он считал, что хорошая революция означает плохие финансы¹¹⁷. Н.Н. Осинский писал: «Раз существует обмен, денежное обращение, нельзя говорить о социализме, нельзя создать социалистического производства»¹¹⁸.

Таким образом, подавляющее большинство представителей правящей партии, в том числе и ее лидер, выступали за ликвидацию денежного хозяйства или немедленно, или в ближайшей обозримой перспективе.

Но такое деление на три группы весьма условно. Фактически каждый из большевистских руководителей, кто соприкасался с проблемой финансов весной – летом 1918 г., имел свое собственное мнение по различным аспектам финансовой политики, что пагубно отражалось на деятельности провинциальных властей. В губерниях просто растерялись и не знали, кого слушать и что делать дальше. Финансовая политика погрязла в какофонии различных мнений, забуксовала в трясине бесконечных споров и фактически не двигалась с места.

В конце весны – начале лета 1918 г. главной задачей становится выработка единого направления финансовой политики, а также налаживание связи центра с местами. Кроме того, необходимо было создание аппарата, единообразно выстроенного снизу доверху. Для координации деятельности финансовых учреждений при советах и выработки общего плана действий по инициативе НКВД созывается Всероссийский съезд представителей финансовых отделов советов. Он проходил с 17 по 21 мая 1918 г. в Москве в здании Дома союзов (бывшем Благородном собрании).

Съезд начался с докладов делегатов. Общим впечатлением от всех этих выступлений можно назвать то, что вся страна рассыпалась на самостоятельные административные единицы, не связанные не только друг с другом, но и с центром. Делегаты описывали независимую политику местных властей в финансовой области.

¹¹⁶ Пятаков Г.Л. Пролетариат и банки // Правда. 1917. 5(18) дек. № 206.

¹¹⁷ Правда. 1918. 6(19) апр. № 75.

¹¹⁸ Там же. 20 мая (2 июня). № 109.

Можно выделить некоторые общие проблемы, с которыми столкнулись советы. В качестве общей беды большинство делегатов называло едва ли не полное отсутствие денежных средств на местах. Единственной губернией, которая регулярно получала вливания от правительства за этот период, была Московская. Для борьбы с денежным голодом местные власти пытались собирать старые налоги, причем каких-либо четких инструкций ни правительство в губернии, ни губернии в уезды не давали. Это привело к пестроте налоговых систем, форм и методов обложения не только по губерниям, но и по уездам. Положение усугублялось еще и тем, что крестьянство отрицательно относилось к уплате налогов, особенно на землю, заявляя, что, раз земля стала достоянием всего народа, она обложению не подлежит¹¹⁹.

Единственным выходом, который был найден из создавшегося положения, стали контрибуции. Представитель Саратовской губернии заявил: крестьянская беднота налогов не платит, буржуазия не платит, чиновничество при попустительстве центра саботирует, если не открыто, то втайне: «Контрибуции – это средство, которое сейчас поддерживает в провинции городское хозяйство и поддерживает советские учреждения, не получающие помощи извне»¹²⁰. Практически повсеместно советские органы существовали на контрибуции с имущих классов. Но способы и методы наложения такого сбора были разнообразны, а расходование полученных сумм бессистемно¹²¹.

Делегаты отмечали отсутствие связи с центром, который оставил места без инструкций и материальной помощи. Нередко даже полученные указания из Москвы были настолько противоречивы, что еще более запутывали дело. Одновременно отмечалось отсутствие связи волостных и уездных организаций с губернскими городами. Все это, по мнению делегатов, способствовало «кустарной» постановке финансового дела на местах¹²².

18 мая на вечернем заседании съезда выступил В.И. Ленин. Он определил финансовое положение страны как критическое и заявил: «Мы должны во что бы то ни стало добиться прочных финан-

¹¹⁹ Отчет о работах I съезда финотделов. С. 4 – 6, 11, 13 – 16.

¹²⁰ Там же. С. 10.

¹²¹ Там же. С. 10, 14 – 16, 12.

¹²² Там же. С. 5, 8, 12, 14 – 16.

совых преобразований... всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике»¹²³. Ленин наметил ряд мер, которые могли бы помочь выходу из кризиса: финансовая централизация; правильная постановка прогрессивно-подоходного и поимущественного налога; введение трудовой повинности и регистрация имущих классов¹²⁴.

Особо Ленин остановился на необходимости проведения денежной реформы. Он утверждал, что деньги опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Далее большевистский лидер раскрыл механизм проведения реформы: «Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть»¹²⁵. Вождь полагал, что эта мера вызовет отчаянное сопротивление буржуазии, но даст возможность дожидаться революции на Западе и провести необходимые реформы в стране¹²⁶.

В целом съезд не сумел наметить конкретных путей выхода из финансового кризиса. НКФ и особенно его руководитель подверглись жесткой критике. Делегаты говорили, что их надежды не оправдались, они ожидали получить готовые проекты преодоления финансовых проблем, между тем среди руководителей Наркомфина существуют крупные разногласия. Особое недовольство вызвали предложения представителей центра в области налогового дела и отрицательное отношение И.Э. Гуковского к контрибуциям¹²⁷.

Следующие серьезные столкновения по ключевым финансовым проблемам произошли через несколько дней на I съезде совнархозов, проходившем в Москве с 25 мая по 4 июня 1918 г.

С докладом от НКФ «Основные положения финансовой политики» на съезде выступал Г.Я. Сокольников. Он начал с того, что финансовая политика должна быть политикой переходного времени от капитализма к социализму, поэтому отказываться от денег, банков и других учреждений капиталистического строя пока не

¹²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 351

¹²⁴ Там же. С. 352 – 353.

¹²⁵ Там же. С. 354.

¹²⁶ Там же. С. 354 – 355.

¹²⁷ Отчет о работах I съезда финотделов. С. 32 – 36.

следует. Далее Сокольников предложил ряд мероприятий, которые, по его мнению, могли бы способствовать стабилизации положения в стране. Для борьбы с финансовым кризисом докладчик считал вполне возможным заключение договоров на получение займов у капиталистических стран. Сокольников также выдвинул идею принудительного внутреннего займа. Такую операцию он предложил провести при обмене старых денежных знаков на новые, превратив крупные купюры в облигации «Красного Займа». Касаясь проблемы финансирования национализированной промышленности, докладчик высказался за введение внутри нее простого товарообмена. Однако условий для этого пока не создано. Поэтому Сокольников предложил ввести особые чеки на Госбанк для расчетов между предприятиями. Он выдвинул идею «банкноты», которая имела бы хождение наравне с кредитными билетами, но выпускалась бы в более крупных купюрах. Докладчик считал необходимым наладить снабжение средствами промышленности не через банк, а только через ВСНХ. Этому-то ведомству он и предлагал предоставить «чеки – банк-ноты» для особого фонда финансирования национализированной промышленности¹²⁸.

На вечернем заседании 31 мая выступил нарком финансов И.Э. Гуковский. Он сразу заявил, что не знает, от чьего имени вел свои рассуждения Сокольников, «лично от себя или от какой-либо организации, но моя финансовая программа несколько иная». Далее нарком раскритиковал все предложения Г.Я. Сокольникова¹²⁹. В ходе своего выступления Гуковский высказался против проведения денежной реформы. Он утверждал, что за несколько месяцев новые дензнаки заполнят обращение и ими будут платить государству, а старые оставят для домашнего обихода, питая надежду на провал большевиков. Раскритиковал нарком и идею принуждения при выпуске новых денег, считая, что такое решение «может оказаться недейственным просто потому, что не будет реальной возможности заставить население осуществить это, ибо разыскивать эти деньги, зарытые в кубышках, мы едва ли сможем»¹³⁰.

Отвечая на поступившие записки, Гуковский вновь заявил, что считает контрибуции безусловным злом, так как деньги расходуют-

¹²⁸ Труды I съезда СНХ. М., 1918. С. 116 – 128.

¹²⁹ Там же. С. 129 – 130, 132 – 135.

¹³⁰ Там же. С. 131 – 132.

ся без всякой ответственности и при взыскании применяются недопустимые меры. Они дают ложное представление о легкости взыскания и отдаляют от организованной работы, которая необходима в настоящее время. Не успели собрать одну контрибуцию, рассказывал нарком, как накладывается другая, а затем обращаются в центр за деньгами, поскольку, рассчитывая на крупные суммы, советы создали много учреждений и не имеют средств на их содержание. Гуковский настаивал на том, что контрибуции нарушают общегосударственный план и бюджет¹³¹.

Выработать общее направление финансовой политики Советского государства весной 1918 г. не удалось. По этим проблемам велись постоянные споры. Они охватили и Наркомфин, среди руководителей которого также отсутствовало единство взглядов по ключевым финансовым вопросам. Это объяснялось в том числе и тем, что глава ведомства И.Э. Гуковский сам не имел определенной позиции по многим проблемам и проявлял колебания. Он так и не смог предложить четкого направления деятельности своего наркомата. Большое значение имело и то, что Гуковский расходился с большинством однопартийцев в теории. Большевики встали на позиции постепенного отмирания финансовой системы. Для них показателем построения социализма являлось уничтожение денег. Гуковский же отводил рублю гораздо более длительный срок существования. Неприятие вызывало и резко негативное отношение наркома к контрибуциям, а также его попытки преодолеть кризис путем стабилизации кредита, бюджета и укрепления налоговой системы. За это Гуковского обвиняли в проведении несоциалистической финансовой политики. Одной из принципиальных точек разногласий наркома с советским руководством была проблема проведения денежной реформы.

Важнейшей своей задачей большевики считали подрыв финансовой мощи буржуазии. Они полагали, что, несмотря на конфискацию заводов и фабрик, национализацию банков и т.д., в распоряжении капиталистов оставались еще достаточные денежные средства, хранящиеся в наличной валюте. Кроме того, становилось очевидным, что крестьянство активно аккумулирует деньги в своих «кубышках», пользуясь неравноправным обменом с городом сельхозпродукцией. Денежные знаки утекали в деревню, откуда не возвра-

¹³¹ Труды I съезда СНХ. С. 142.

щались. Это подстегивало денежный голод, а в политическом плане грозило расстроить планы большевиков на строительство равноправного общества. Необходимо было решать проблему, которая порождала множество гордиевых узлов как в политике, так и в экономике.

В.И. Ленин еще в конце 1917 г. выдвинул идею денежной реформы. В наброске программы экономических мероприятий в декабре 1917 г. он писал о замене денежных знаков¹³². Эту свою идею Ленин горячо отстаивал на протяжении всего 1918 г. Наиболее ярко он ее высказал на съезде финотделов в мае 1918 г. Можно определить целый ряд задач, которые, по мнению Ленина, решила бы денежная реформа. Путем замены денежных знаков на новые предполагалось уничтожить финансовое могущество буржуазии и соблюсти интересы трудящихся. Это и было первой и основной задачей реформы. После чего становилось возможным изъять все дензнаки дореволюционных образцов, а также денежные суррогаты, наводнившие страну, и восстановить единую финансовую систему республики. И, наконец, третья задача – дать в руки государства дополнительные ресурсы, не затрагивая интересы трудящихся, так как новые деньги следовало хранить в банках и получать по установленным потребительским нормам¹³³.

Подготовка к проведению денежной реформы началась уже с конца 1917 г. В это время управляющему Экспедицией заготовления государственных бумаг было отправлено распоряжение, в котором говорилось, что ввиду экстренной необходимости в ближайшее время увеличить производительность Экспедиции до возможно больших размеров и, принимая во внимание вероятность выпуска денежных знаков нового образца, Наркомфин поручает ему образовать специальную комиссию для технического обследования Экспедиции¹³⁴.

1 февраля (20 января) 1918 г. управляющий ЭЗГБ направил секретарю СНК Н.П. Горбунову контурные, вполне законченные рисунки кредитных билетов нового образца разного достоинства (1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб.). Стереотипы для их печатания были уже изготовлены и разрабатывалась комбинированная расцветка – основная и защитная¹³⁵.

¹³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 124.

¹³³ Ривкин Б. Указ. соч. С. 155 – 158.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2766. Л. 6.

¹³⁵ Там же. Л. 16.

11 февраля (30 января) 1918 г. в «Известиях» Совета рабочих и солдатских депутатов было напечатано объявление о приспособлении части типографий для печатания кредиток. На это предложение откликнулась государственная типография (бывшая Теодор Киббель)¹³⁶.

В Пензе в начале 1918 г. организовали еще одну Экспедицию, которая и должна была печатать денежные знаки образца 1918 г. для проведения обмена. Причем деньги, предназначенные для реформы, решено было не пускать в обращение, а накапливать. Разрабатывалась и техническая сторона реформы¹³⁷.

Вопрос о методах проведения обмена денег активно обсуждался весной – летом 1918 г. На имя Ленина поступали документы, где подробно описывался процесс замены старых купюр. Предлагалось, в частности, выпускаемые новые денежные знаки разослать на места и лишь после получения их всеми отделениями Нарбанка опубликовать в печати постановление об уничтожении старых дензнаков и обязательном обмене их на новые в течение шести месяцев. По истечении этого срока все прежние оставшиеся на руках купюры теряли свою ценность. При обмене предлагалось выдавать наличными в одни руки не более 2 000 руб., а сверх этой суммы заносить на текущий счет и декларировать неприкосновенность вкладов¹³⁸.

В мае 1918 г. на I съезде СНХ была создана комиссия по разработке технических вопросов денежной реформы. Она составила проект декрета об обмене старых кредитных билетов от 1 до 1 000 руб. на новые образца 1918 г. Предлагалось приступить к проведению реформы с начала осени 1918 г.¹³⁹

Пензенская экспедиция находилась под постоянным контролем Совнаркома. Уже при организации этого отделения 22 февраля 1918 г. было выдано удостоверение за подписью В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, где Экспедиции Совнарком предоставлял широкое право конфискации, реквизиции всего необходимого для устройства ее в городах Самаре, Саратове и Пензе¹⁴⁰.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2766. Л. 32.

¹³⁷ Ривкин Б. Указ. соч. С. 162.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2767. Л. 5.

¹³⁹ Гусаков Д. Планирование денежного обращения в СССР. Очерки теории, истории и организации. М., 1974. С. 17.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 118.

Работа Пензенской экспедиции была сопряжена с рядом трудностей. Прежде всего заведующий ЭЗГБ М.К. Лемке требовал точных указаний по производству новых купюр – размеры, цвет, рисунок, текст и т.д., но довольно долго не получал необходимых ясных заданий по этому поводу, а взять на себя их определение не решался, «совершенно не зная желания правительства». Единственное, что он предложил, это оставить на новых денежных знаках на двух купюрах высокого достоинства гравюры Петра и Екатерины, «являющиеся шедеврами гравюр-миниатюр и представляющие одну из совершеннейших защит». М.К. Лемке считал, что денежные знаки с этими гравюрами заслужили огромную популярность как в России, так и за границей. Луначарский поддержал эту идею, но Ленин высказался против сохранения портретов¹⁴¹. При переезде правительства из Петербурга выяснилось, что существуют новые образцы денег, заготовленные еще Керенским, именно на случай эвакуации из северной столицы. Они были отправлены в Пензу и легли в основу новых кредитных билетов¹⁴².

Вождь большевиков настойчиво проводил свою идею о денежной реформе. Так, 17 мая 1918 г. в одной из своих записок он упоминает об обмене денег¹⁴³. 10 июня 1918 г. от «Председателя СНК» была направлена телефонограмма И.Э. Гуковскому с просьбой ускорить выработку заданий на новые советские денежные знаки и в «ближайшем заседании» представить на утверждение Совнаркома¹⁴⁴. Однако, несмотря на настойчивые требования вождя, дело печатания кредиток тормозилось в самом НКФ. В июле 1918 г. Ленин обращает внимание на то, что Наркомфин все еще не подготовил образцы советских денежных знаков и требует немедленно их представить¹⁴⁵.

После такого давления со стороны вождя на заседании коллегии НКФ 12 июля 1918 г. с докладом о выработке текста и надписи на новых кредитных билетах выступил И.Э. Гуковский. Но было принято решение отложить этот вопрос до следующего заседания, «когда будет представлен более серьезный материал»¹⁴⁶.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Л. 97, 126, 98^А.

¹⁴² Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 21.

¹⁴³ Ленинский сборник XXI. С. 175.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 98^В.

¹⁴⁵ Ленинский сборник XXXV. М.; Л., 1945. С. 31 – 32.

¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

Во второй половине августа В.И. Ленин снова интересуется, дан ли, наконец, предварительный текст новых денег. В записке Ю. Ларину он указывает на нетерпимость мешкать с текстом новых образцов дензнаков и советует дать мелкие надписи на обороте на 20 – 30 языках ¹⁴⁷.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что к активному печатанию денежных знаков образца 1918 г. приступили только с конца августа – начала сентября 1918 г., причем не столько по причинам технического порядка. Пензенская экспедиция в июле 1918 г. производила по 95 млн руб. различных образцов денег в день ¹⁴⁸. В середине августа ушел со своего поста И.Э. Гуковский. По словам Ленина, именно он «упирался» в подготовке реформы ¹⁴⁹.

В 1918 г. обмен денег так и не был произведен. Но Ленин не отказался от своей идеи. Денежные знаки образца 1918 г. были пущены в оборот весной 1919 г.

1.3. Начало полномасштабной Гражданской войны. Формирование факторов, определявших денежную политику большевистского правительства в период «военного коммунизма»

С лета 1918 г. политическая ситуация в России резко ухудшается. Начало полномасштабной Гражданской войны повлекло за собой и изменение экономического курса. Республика постепенно втягивается в хозяйственную систему «военного коммунизма». Это не могло не отразиться на финансах.

Меняется руководство финансовым ведомством. На заседании Совнаркома 16 августа 1918 г. И.Э. Гуковский был освобожден от обязанностей наркома финансов, а на эту должность назначен Николай Николаевич Крестинский ¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Ленинский сборник XXI. С. 179 – 180.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 114, 116.

¹⁴⁹ Ленинский сборник XXXVI. М., 1959. С. 39.

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 182. Л. 2.

Новый руководитель Наркомфина кардинально меняет направление деятельности своего ведомства. Крестинский, как и большинство членов правящей партии, придерживался той точки зрения, что финансовое хозяйство будет отмирать по мере становления новой социально-экономической системы в России. Он стал проводить политику, которая должна была способствовать этому процессу. С осени 1918 г. она начала претворяться в жизнь. К концу 1918 г. Крестинский окончательно сформулировал программу деятельности возглавляемого им ведомства. В своих выступлениях на Всероссийском съезде заведующих финансовыми отделами советов, проходившем с 21 по 25 мая 1919 г. в Москве¹⁵¹, нарком ознакомил прибывших делегатов с основными ее положениями.

Свой доклад «Об общей финансовой политике» Крестинский начал словами: «Товарищи, в развитом коммунистическом обществе не может быть особого ведомства финансов и особой финансовой политики. Это понятие, чуждое развитому коммунистическому обществу»¹⁵². Однако далее нарком заявил, что в настоящее время Советское государство находится в переходном периоде. Сохраняется довольно многочисленный класс мелких производителей как в городе, так и в деревне, с которыми приходится поддерживать товарно-денежные отношения, и что «в этих случаях огромная роль выпадает не на долю финансовых органов, а на долю органов товарообмена и распределения (по нашей терминологии – органов Компрода)»¹⁵³. По утверждению Крестинского, компрод направляет промышленную продукцию в деревню и занимается скупкой там хлеба «пока на деньги, но в скором времени, будем надеяться, установит и непосредственный товарообмен». Поэтому, по мысли наркома, финансовые органы являются органами подсобными, органами обмена и распределения товаров, и должны в этот период дать государству как расчетно-кассовый аппарат, так и денежные знаки как орудие обмена, «которое в эту эпоху еще не отменено жизнью...»¹⁵⁴.

Исходя из своеобразия момента, Крестинский видел главную задачу своего ведомства в строительстве «ветвистой» системы касс Нарбанка и в деревне, и в городе, а также в уничтожении старых

¹⁵¹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 3.

¹⁵² Там же. С. 9.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. С. 10 – 11.

видов расчетов и создании новых, что, по его убеждению, «даст возможность приблизить момент аннулирования всех денег»¹⁵⁵. Нарком считал, что, если в одной кассе ведутся операции по выдаче жалования, покупке и продаже продуктов работы, уплате за жилье, их можно вести без денежных знаков. Крестинский утверждал, что это не безденежный расчет, но это намечает путь, по которому следует идти к уничтожению денег как орудия обмена: «Именно при помощи мелких касс и отделений Банка, проникающих во все поры хозяйственной и административной жизни, мы можем облегчить себе задачу введения безденежного коммунистического хозяйства»¹⁵⁶. По его мнению, если удастся выстроить разветвленный аппарат городских и сельских отделений и касс Нарбанка, уничтожить старые виды расчетов и создать новые, то «таким путем мы ускорим полное аннулирование денег, мы осуществим ту цель, которая поставлена Народному банку в программе нашей партии»¹⁵⁷.

Финансовое ведомство при Н.Н. Крестинском получило четкое направление своей деятельности. Под руководством нового наркома НКФ стал проводить линию на вытеснение денежного обращения из хозяйственной системы республики. Новый курс Крестинского не противоречил общему направлению экономической политики Советского государства, складывавшейся под воздействием разгоравшейся в стране Гражданской войны. Республика вступает на путь быстрого свертывания рыночных отношений. Советское правительство стремится максимально сконцентрировать в своих руках реальные ценности, чтобы материально обеспечить потребности армии в борьбе с многочисленными противниками большевистского режима. Ускоренная натурализация хозяйства республики приводит к вытеснению из государственной экономики денежных знаков. Именно этот процесс и нашел свое отражение в той политике, которую проводило финансовое ведомство под руководством Крестинского.

Одним из факторов, оказавших решающее влияние как на денежное обращение, так и на бюджет Советской республики, явилось решение проблемы финансирования промышленности. Во

¹⁵⁵ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 73, 79, 81 – 83, 85 – 86.

¹⁵⁶ Там же. С. 83.

¹⁵⁷ Там же. С. 79 – 84.

многом этому способствовал новый курс Наркомфина, который стал проводиться этим ведомством при новом наркоме.

Первоначально Советское правительство кредитовало и национализированные, и частные предприятия, но свою задачу оно видело в приоритетной поддержке национализированных заводов и фабрик. Однако способы снабжения денежными средствами государственной промышленности не были разработаны и по этим проблемам велись постоянные дискуссии.

На протяжении первой половины 1918 г. вопрос о финансировании национализированной промышленности неоднократно обсуждался в ВСНХ, НКФ и Нарбанке. Споры велись вокруг способов предоставления кредита – возвратного или безвозвратного, причем побеждала точка зрения, что безвозвратное финансирование более свойственно природе социалистических предприятий. Споры вызывал также порядок предоставления средств предприятиям. Появилась масса проектов, которые можно разделить на две группы: 1) финансирование только через Нарбанк (в основном эти проекты исходили из банка); 2) возложить финансирование на ВСНХ, а за Госбанком оставить лишь кассовое исполнение распоряжений этого ведомства (такие проекты предлагались представителями ВСНХ и НКФ, за них, например, выступали И.Э. Гуковский и Ю. Ларин)¹⁵⁸.

Проблема финансирования промышленности поднималась на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства. Судя по тезисам выступавших, мнения по этому поводу были разнообразны. В.В. Оболенский и В.П. Милютин ратовали за замену капиталистического кредита системой центральной общественной бухгалтерии и безденежными расчетами между национализированными предприятиями. Наиболее концентрированно эта точка зрения представлена в тезисах Ю. Ларина. Он утверждал, что финансирование промышленности должно всецело определяться совнархозами, а банки могут сохранить лишь функции регистрационных исполнительных касс. Необходимо ввести систему безденежных (чековых) расчетов между всеми государственными предприятиями и учреждениями и сметный порядок финансирования. Но были и другие мнения. Например, А. Логин выступал за организацию промышленных предприятий на коммерческой основе. Большинство же участников съезда высказывались за

¹⁵⁸ Атлас М.С. Указ. соч. С. 144 – 145.

«социалистический» способ организации промышленности¹⁵⁹. Под этим подразумевался перевод предприятий на сметный порядок финансирования, и, следовательно, промышленность должна была сесть на иждивение казны.

К середине 1918 г. система снабжения денежными средствами государственных предприятий так и не была разработана. Имея несколько центров финансирования (ВСНХ и его главки, Государственное казначейство и Нарбанк), предприятия пользовались этим и старались получить деньги, где только возможно¹⁶⁰.

Летом 1918 г. политико-экономическая ситуация в России меняется. Это потребовало новых подходов к проблеме промышленности и ее финансирования. Теперь все было поставлено на службу одной цели – победе в Гражданской войне.

Декретом от 28 июня 1918 г. Совнарком национализировал практически всю крупную промышленность¹⁶¹. Последовательно проводится строгая централизация в управлении государственными предприятиями, что повлекло за собой переход на сметное финансирование и распределение как денег, так и продукции через главки. В условиях складывающейся системы «военного коммунизма» банковское кредитование не имело экономического смысла, так как кредиты все равно не возвращались.

Порядок обеспечения денежными средствами промышленности был определен декретом СНК от 19 августа 1918 г. Нарбанк должен был прекратить дальнейшее кредитование предприятий, находящихся в полном управлении ВСНХ, и снабжать их только по сметам. Но делалась оговорка, что недавно национализированные предприятия, которые по декрету 28 июня 1918 г. временно оставались в арендном пользовании у бывших владельцев, кредитовались на прежних основаниях до особого распоряжения ВСНХ, которое должно было последовать с момента перехода предприятий в управление советских органов¹⁶². Но до конца 1918 г. ВСНХ так и не издал распоряжения о прекращении кредитования предприятий. Центральное управление Нарбанка 22 октября 1918 г. само предложило своим отделениям прекратить открытие кредитов и выдачу ссуд на-

¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 1. Л. 32, 35, 44, 48.

¹⁶⁰ Атлас М.С. Указ. соч. С. 149 – 150.

¹⁶¹ Декреты Советской власти. Т. 2. С. 498 – 504.

¹⁶² Там же. Т. 3. С. 226 – 227.

ционализированной промышленности. Однако фактически банк продолжал кредитование до конца 1918 г. и даже в начале 1919 г.¹⁶³

При новом наркоме Н.Н. Крестинском споры вокруг роли Нарбанка в финансировании промышленности, которые велись в недрах его ведомства, были закончены. НКФ занял вполне определенную точку зрения. 8 декабря 1918 г. коллегия Наркомфина признала Нарбанк центральной кассой и расчетным аппаратом национализированных предприятий. Однако НКФ выступал за необходимость присутствия представителя банка в комитете, решающем вопросы финансирования предприятий¹⁶⁴.

Проблема финансирования промышленности стала одной из основных тем на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства. Она обсуждалась на особой секции под председательством И.Э. Гуковского. 26 декабря 1918 г. с докладом по этому вопросу выступил Ю. Ларин. Он заявил, что необходимо упорядочить, упростить и ускорить финансирование промышленности. Поэтому государственные предприятия должны жить на «ассигновку по установленным сметам». Докладчик потребовал сосредоточить руководство всей промышленностью в органах ВСНХ. Он выступал за отмену налогов на государственные предприятия с 1 января 1919 г. и немедленное введение безденежных расчетов. По отношению к функциям Нарбанка Ларин доказывал, что он не является хозяйном предприятия и не имеет права влиять на его деятельность. Банк должен быть счетчиком, кассиром, исполнителем тех распоряжений, которые получает. Далее он объявил о том, что комиссия ВСНХ, готовившая резолюцию съезда, обсуждала выработанный НКФ проект по отчетности и отнеслась к нему отрицательно. Комиссия усмотрела в предложениях Наркомфина попытку сделать из Нарбанка орган, «который берет на учет все производство и организует над ним некоторого рода контроль»¹⁶⁵.

По докладу Ларина развернулась полемика. С разъяснением позиции своего наркомата выступил представитель Наркомфина Ф.Ф. Сыромолотов. Он заявил, что банк не оспаривает право финансирования промышленности у ВСНХ, но настаивает на необходимо-

¹⁶³ Ривкин Б. Указ. соч. С. 210 ; Атлас М.С. Указ. соч. С. 151 – 152.

¹⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁶⁵ Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 19 декабря – 27 декабря 1918 г. М., 1919. С. 266 – 270.

сти контроля Нарбанка «за всем оборотом», за распределением денежных сумм, товаров и продуктов. Сыромолотов считал контроль банка с этой стороны не только его правом, но и обязанностью.

Мнения делегатов разошлись по основным вопросам, поднятым в речах Ларина и Сыромолотова, прежде всего о роли Нарбанка. Выступавшие отмечали трудности, с которыми приходится преодолевать нормы «окоченевшего аппарата банка» в получении денег, кредитов и ссуд предприятию. Один из ораторов заявил: «Я боюсь... что мы при помощи Народного банка, этого старого аппарата, не облегчим всю ту неразбериху в денежном отношении, которая у нас существует, а, напротив, усилим». Другой выступавший сказал, что банк должен быть кассой, которая выполняет операции, диктуемые общим хозяйственным планом. Следующий оратор также уверял, что контроль и учет не могут быть предоставлены Нарбанку¹⁶⁶.

Дискуссия развернулась и по проблеме безденежного хозяйства и уничтожения денег, поднятой Лариным. Часть делегатов поддержала эту идею. Один оратор заявил, что необходимо остановить бессмысленную путаницу, «когда одно государственное учреждение платит другому... и деньги переходят из кармана в карман». Поэтому следует «установить принцип, чтобы национализированное предприятие не оплачивало того, что ему требуется, и не получало денег»¹⁶⁷.

Следующий делегат указал на то, что профсоюзы уже обсуждают вопрос о проведении в ближайшее время натурализации заработной платы. Вещи будут оцениваться не рублем, а определенной трудовой единицей. «Мне кажется, что, проведя эту систему, мы подойдем и к натурализации заработной платы, и окончательно отделаемся от денег, которые, безусловно, ведут нас в бездонную яму»¹⁶⁸.

Другие выступавшие высказались против немедленного упразднения денежных расчетов. Один из оппонентов Ларина заявил, что предложение о желательности упразднения денег считает нецелесообразным, так как «мы должны платить рабочим и служащим на фабриках и заводах деньгами». Следующий оратор указал на то,

¹⁶⁶ Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 19 декабря – 27 декабря 1918 г. М., 1919. С. 270 – 279, 283.

¹⁶⁷ Там же. С. 272 – 273.

¹⁶⁸ Там же. С. 277.

что бесплатное перераспределение продуктов между предприятиями – мера губительная, так как они идут не только на удовлетворение нужд национализированных предприятий, но также и распределяются между потребителями. Поэтому оценка продуктов неизбежна.

Делегаты съезда предложили изменить порядок прохождения смет и приемы составления требований. Они, по мнению выступавших, очень долго находились вне влияния ВСНХ и контролировались НКФ, Госконтролем и СНК. Пережитком называлось то, что все сметы стекались в Совнарком. Делегаты предлагали изменить порядок прохождения и утверждения смет, чтобы каждое ходатайство не направлялось в высшую инстанцию¹⁶⁹.

Ларин получил полную поддержку своего доклада со стороны председательствующего на секции И.Э. Гуковского, который высказался за систему сметного финансирования. Касаясь проблемы денег, бывший нарком финансов заявил: «Денежные знаки слишком недостаточны и неопределенны, чтобы служить той мерой, которой можно измерить отношения между вещами... Я думаю, что банк не сохранит денежных знаков». Таким образом Гуковский отошел от тех взглядов, которые он отстаивал, будучи во главе финансового ведомства. Теперь он утверждал, что Нарбанк является только кассой, производящей денежные расходы. Если же ему передать отчетность и контроль, то он не справится вследствие слишком большого объема задачи, поэтому, по мнению бывшего наркома, банку следует оставить только ведение кассовых операций¹⁷⁰.

Ю. Ларин в заключение заявил, что его проект согласован с проектом НКФ. Удалось договориться и по вопросу, что Нарбанк является центральной кассой ВСНХ, зависящей от него в той части, которая касается финансирования производства. В других материальных задачах он остается независимым¹⁷¹.

После этого заявления была принята одна из самых обширных резолюций съезда – «Резолюция по вопросам финансирования». В первом пункте документа прямо говорилось, что развитие социалистического переустройства экономической жизни требует отказа от прежних частнокапиталистических взаимоотношений в произ-

¹⁶⁹ Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 274, 276, 284.

¹⁷⁰ Там же. С. 278 – 281.

¹⁷¹ Там же. С. 284.

водстве и устранения в конечном итоге «всякого влияния денег на соотношение хозяйственных элементов. Искоренение частных финансовых учреждений, концентрация основных отраслей производства в руках государства и сосредоточение распределения в ведении государственных органов является достаточным основанием для последовательного устранения в хозяйственной жизни денежного обращения в тех размерах, в каких оно было до сих пор». Таким образом, съезд явно высказался за принятие курса на устранение денег.

Далее в резолюции отмечалось, что способы снабжения средствами предприятий отстают от жизни, поэтому необходимо переведение национализированной промышленности на сметное финансирование. Предусматривалось широкое применение безденежных расчетов и отмена с 1 января 1919 г. всех долгов и налогов на национализированные предприятия.

В области финансирования производства Народный банк становится «вспомогательным исполнительным расчетно-кассовым аппаратом при ВСНХ и всецело подчиняется в этом отношении его указаниям». У Нарбанка изымалось право контроля за расходами учреждений ВСНХ. Прохождение смет также предполагалось через «Выснархоз». За банком оставалась лишь функция статистики и обязанность выдавать по сметам необходимые деньги ¹⁷².

Решения II съезда совнархозов сыграли значительную роль в изменении порядка снабжения средствами советских учреждений и национализированных предприятий. 16 января 1919 г. Президиум ВСНХ рассмотрел на своем заседании резолюцию финансовой секции съезда СНХ и постановил войти в правительство с предложением утвердить ее как руководство к действию. Соответствующее обращение было направлено в совнарком ¹⁷³.

Резолюция съезда совнархозов резко понижала роль не только Нарбанка, но и НКФ в финансировании промышленности. Это была роль стороннего наблюдателя, безропотно выдающего деньги по первому требованию ВСНХ.

Резолюция II Всероссийского съезда совнархозов о финансировании промышленности обсуждалась на коллегии Наркомфина 29 де-

¹⁷² Труды II Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 396 – 399 ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 259. Л. 10 – 15.

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 259. Л. 7 – 9.

кабря 1918 г. Решено было принять ее при условии внесения в нее добавлений: а) на ближайший сметный период сметы составляются еще в денежной форме; б) НКФ участвует в утверждении всех смет ВСНХ и имеет право протеста вплоть до СНК¹⁷⁴.

Однако каких-то более серьезных действий, направленных против решений, принятых на II съезде совнархозов, со стороны финансового ведомства не последовало. Это говорит о том, что принципиальных разногласий с резолюцией съезда у НКФ не было. Та роль в снабжении средствами промышленности, которая отводилась наркомату, вполне вписывалась в общую концепцию Крестинского по превращению органов Наркомфина в расчетно-кассовый аппарат республики. Наркомфин принял самое действенное участие в разработке декретов, переводивших государственные предприятия и организации исключительно на сметное финансирование. Эти декреты законодательно закрепили решения, которые были приняты на II съезде совнархозов.

Толчком к разработке нового порядка снабжения средствами предприятий послужил вопрос о разрешении Центропланбежу расплачиваться с поставщиками наличными. Этот вопрос рассматривался в СНК 23 ноября 1918 г. Была создана комиссия из представителей ВСНХ, народных комиссариатов государственного контроля и финансов, которой поручалась «разработка общего вопроса о порядке расплаты». Всем заинтересованным комиссариатам предоставлялось право посылать в комиссию своих представителей¹⁷⁵.

На заседании Совнаркома 18 января 1919 г. председатель межведомственной комиссии при ВСНХ, образованной 23 ноября 1918 г., В.Я. Чубарь представил проект дополнения к постановлению СНК о соблюдении единства кассы и о расчетах между советскими учреждениями. Для рассмотрения предложенного документа была образована комиссия в составе В.Я. Чубаря, И.Э. Гуковского, К.И. Ландера, П.Н. Кирсанова, Н.Н. Крестинского, М.В. Ходеева, Я.В. Файнштейна, П.И. Лебедева-Полянского. Комиссия могла привлечь к работе технических специалистов, присутствие которых почитает необходимым. Созыв комиссии поручался Крестинскому¹⁷⁶.

¹⁷⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

¹⁷⁵ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 316 – 317.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 247. Л. 2 – 3, 7 – 8 ; Декреты Советской власти. Т. 4. С. 316 – 317.

23 января 1919 г. нарком финансов представил в СНК проект декрета «О расчетных операциях», который с поправками был утвержден¹⁷⁷. Принятый законодательный акт базировался на принципе единства кассы, который последовательно проводился НКФ. Цель декрета – устранить всякие денежные отношения внутри государственного хозяйства и оторвать его от вольного спекулятивного рынка. С 1 февраля 1919 г. все взаимные расчеты между советскими учреждениями, а также национализированными, муниципализированными и находящимися под контролем (на учете) ВСНХ, Наркомпрода и провинциальных совнархозов промышленными и торговыми предприятиями должны были производиться бухгалтерским способом без участия дензнаков. Расплата наличными допускалась лишь при мелких покупках на сумму не свыше 5 000 руб. Все расчетные операции между советскими учреждениями и предприятиями теперь должны были производиться исключительно через Нарбанк или Казначейство путем ассигновок, чеков или переводом сумм со счета на счет.

Однако декрет допускал и исключения. Советское учреждение или государственное предприятие, нуждающееся в каких бы то ни было товарах (продуктах, материалах, изделиях, предметах и пр.), обязано для их покупки обращаться к услугам соответствующих учитывающих, производящих или распределяющих эти товары органов. Но если в трехдневный срок (в случае особо сложных технических требований в течение двух недель) не получен ответ или получен письменный ответ о невозможности удовлетворить потребности потребителя, то учреждение-потребитель имело право обратиться к услугам частных поставщиков для покупки за наличный расчет¹⁷⁸.

Таким образом большинство советских предприятий переводилось на бюджетное финансирование под контролем Нарбанка. Однако на деле этого не произошло. Вследствие регулярных задержек с утверждением смет финансирование носило в основном характер авансовых выдач, лишь отдаленно связанных с разрабатываемыми сметами. Большая часть расходов промышленных предприятий и их внебюджетные поступления по-прежнему оставались

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 249. Л. 2 – 3, 6 – 7.

¹⁷⁸ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 315 – 316 ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 249. Л. 8 – 10 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 165. Л. 26 – 27.

в их полном распоряжении. Кроме того, выяснилось, что наркоматы и другие ведомства продолжали активно пользоваться разнообразными специальными средствами, фондами и капиталами, выпадавшими из сферы финансового контроля. Например, Наркомпрод получал деньги на продовольственные операции из бюджета, выручку же от продажи заготовленных продуктов не сдавал в доход казны, а сохранял у себя или оставлял в распоряжении местных продовольственных органов. Отчетность об использовании средств не велась¹⁷⁹. Следовательно, вновь нарушался принцип единства кассы.

18 февраля 1919 г. Наркомфин представил на заседании СНК новый проект постановления о финансировании промышленности. Его обсуждение перенесли на 20 февраля. Всем народным комиссариатам и Президиуму ВСНХ поручили присутствовать на заседании и принести письменные поправки к представленному документу¹⁸⁰.

20 февраля 1919 г. с проектом положения о финансировании промышленности выступал В.Я. Чубарь. Совнарком направил документ для доработки в комиссию в составе К.И. Ландера, А.И. Рыкова и Н.Н. Крестинского¹⁸¹. 4 марта 1919 г. после доклада наркома финансов Совнарком утвердил декреты «О финансировании государственных предприятий» и «О ликвидации обязательств государственных предприятий»¹⁸².

По декрету «О финансировании государственных предприятий» с 1 марта 1919 г. единственным источником денежных средств всех государственных предприятий становились ассигнования из кредитов по росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР. Таким образом промышленность республики переводилась на иждивение казны. Расходы государственных предприятий теперь должны были производиться только по сметам, а все без исключения денежные поступления подлежали сдаче в доход бюджета. Финансирование промышленности полностью переходило в ведение ВСНХ. В этом ведомстве сосредоточивалось составление смет всех государственных предприятий. Комиссариаты финансов и государственного контроля могли заявлять протест против той или иной части сметы, но не против всей сметы в целом. Если раз-

¹⁷⁹ История Министерства финансов России : в 4 т. Т. 2. М., 2002. С. 139.

¹⁸⁰ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 461.

¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 259. Л. 2.

¹⁸² Там же. Д. 262. Л. 2 – 3; 18 – 20.

ногласия не удавалось устранить, то вопрос передавался на разрешение СНК. Высший совет народного хозяйства предоставлялся специальный оборотный фонд для выдачи авансов предприятиям и для неотложных операционных расходов в размере 20 % полугодового бюджета этого ведомства ¹⁸³.

Второй декрет, принятый 4 марта 1919 г., «О ликвидации обязательств государственных предприятий» аннулировал все долги государственных предприятий. Одновременно предписывалось принадлежащие предприятиям наличные деньги и капиталы в кредитных учреждениях изъять из их распоряжения и перечислить в доход казны, за исключением сумм, отпущенных в сметном порядке на первое полугодие 1919 г. ¹⁸⁴

Таким образом снабжение промышленности денежными средствами стало производиться только через финансово-экономический отдел ВСНХ, которому подчинялись финансовые органы производственных отделов и главков. При этом составление и утверждение смет также сосредоточивалось в различных подразделениях Высшего совета народного хозяйства. Наркомфин был лишен возможности как-то повлиять на эту работу. Однако сметы в большинстве случаев носили весьма приблизительный характер и всегда составлялись со значительным опозданием. Поэтому главным источником поступления средств на нужды предприятий становился оборотный фонд ВСНХ. Но вследствие нехватки денежных ресурсов финансирование осуществлялось не в соответствии со сметами или действительными потребностями предприятий, учреждений и хозяйственных организаций, а в зависимости от возможности снабжения их дензнаками. В этих условиях контроль со стороны Нарбанка являлся чистой формальностью, так как он не имел права вмешиваться в деятельность подчиненных ВСНХ предприятий. Народный банк превратился в сметно-кассовый аппарат главного экономического ведомства республики ¹⁸⁵.

Декрет 4 марта 1919 г. «О финансировании государственных предприятий» фактически лишал НКФ всякого влияния на развитие

¹⁸³ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 458 – 461 ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп.1. Д. 262. Л. 35 – 38.

¹⁸⁴ Там же. С. 461 – 462 ; Там же. Л. 48 – 49.

¹⁸⁵ Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России 1 ноября 1917 – 1 июля 1920 г. М., 1920. С. 134 – 135 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 139 – 140.

промышленности республики. Наркомат должен был слепо исполнять волю всесильного ВСНХ. В условиях Гражданской войны никто уже не считался с необходимостью экономии денег в целях устойчивости рубля. Финансовое ведомство, поставленное в подчиненное положение в деле финансирования промышленности, уже не могло остановить печатный станок. Падение рубля пошло с катастрофической быстротой.

В течение 1918 – 1920 гг. крупная и средняя промышленность и отчасти кустарная оказалась под контролем государства. В финансовом плане национализация означала перевод снабжения предприятий средствами за счет бюджета. В условиях, когда практически вся промышленность была убыточной, это привело к тому, что она оказалась на содержании государственной казны.

Подобный процесс развивался и в кооперации. Анализ положения кооперативных организаций в 1920 г. приведен в записке «О кредитовании кооперации», составленной в НКФ в середине мая 1921 г. В ней отмечалось, что во всех отраслях и видах кооперации происходил процесс «оскудения» собственных средств и переход на государственное финансирование. Средства членов и так называемые «собственные средства кооперации» не увеличивались по номиналу. Кроме того, при постоянном падении покупательной способности рубля обесценивался и весь приток субсидий от государства. Этот процесс развивался и в кредитной кооперации, но особенно характерным он становится для потребительской кооперации. На место собственных средств приходило государственное финансирование. Кроме кооперативного отдела Нарбанка, Наркомпрод, Наркомзем, Главкустпром непрерывно ссужали кооперативам деньги как на содержание местного аппарата, так и в форме авансов под заказы. В записке делается вывод, что кооперация фактически существует на государственные средства.

Далее в документе говорилось, что, «переходя под тем или иным видом на содержание государства, кооперация пользовалась его поддержкой не всегда для развития своих полезных операций». Кредиты направлялись не на закупку оборудования и даже не на расширение оборотного капитала, а во все возрастающей степени шли просто на содержание аппарата. Первое время кооператоры боролись с этим явлением, но «в конце концов, оно вошло в быт, кооперативы уже не стеснялись просить у кооперативного отдела

ссуды на содержание служащих», т.е. ссуды безвозвратные и нехозяйственные. «Происходит кормление кооперации. Кооперация развратилась, стала бесхозяйственной, охотно питаясь за счет Советской власти (с дурной овцы хоть кллок шерсти)».

В записке отмечалось, что непрерывное падение ценности рубля давало легкую возможность, «покормившись за государственный счет», вернуть ссуду в конце года по номиналу, «т.е. фактически в размере 1/5». Немедленно затем «кооператив просил о новой ссуде, во много раз увеличенной». Развращение кооперации усугублялось тем, «что каждое ведомство давало кооперативам авансы под заказы (часто весьма в нехозяйственной форме)», но кооперативу ничто не мешало получить еще и кредит в НКФ на те же надобности. Авторы записки приходят к неутешительному выводу: «Так кооперация из хозяйственного оплота превращается в паразита»¹⁸⁶.

Из приведенного документа следует, что к концу 1920 г. кооперативные организации де-факто состояли на иждивении государства. Это предопределило их судьбу. 13 декабря 1920 г. реальное положение дел оформляется юридически принятием Совнаркомом декрета «О финансировании кооперации». С 1 января 1921 г. прекращалось снабжение кооперативов средствами на основе банковского кредита, и они переводились, как и другие государственные предприятия, на сметное финансирование¹⁸⁷. Следующим шагом по пути огосударствления кооперации становится постановление СНК от 4 февраля 1921 г. о ликвидации с 1 июня 1921 г. кооперативного отдела НКФ и его местных отделений¹⁸⁸.

Еще одним важнейшим фактором, оказывавшим постоянное влияние на денежное обращение и на всю финансовую политику Советского государства, было развитие нелегального рынка. Большевики под давлением разгоравшейся в стране Гражданской войны вступают на путь быстрого свертывания рыночных отношений. Однако экономическая система «военного коммунизма», которая постепенно складывалась в России, была соткана из противоречий. Официальный курс государства на уничтожение рыночных отношений приводит к парадоксальным результатам – бурному расцвету нелегального «черного» рынка.

¹⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 303. Л. 23 – 24.

¹⁸⁷ Декреты Советской власти. Т. 12. М., 1986. С. 29 – 32.

¹⁸⁸ Там же. Т. 13. М., 1989. С. 29 – 30.

Основным действующим лицом на внутреннем рынке России начиная с мировой войны оказалось крестьянство. Пользуясь исключительно благоприятной конъюнктурой цен на сельскохозяйственные продукты, оно усиленно накапливало деньги в порядке непосредственного хранения кредитных билетов не только до 1917, но и в 1918 и даже отчасти еще в 1919 г.¹⁸⁹ Значительная часть денежных знаков никогда не поступала в кредитные учреждения, а хранилась у населения¹⁹⁰. В этом процессе немаловажную роль играла крестьянская психология. Крестьянство и большинство населения в целом запаздывало реагировать на те процессы, которые происходили в финансовом хозяйстве страны. Несмотря на начавшееся падение валюты, в массах было полное доверие к ней¹⁹¹. «Не половина, а, вероятно, 2/3, если не 3/4 всех денежных знаков находились в 1918 г. в связанном состоянии в бутылках и иных “земляных банках” деревни. Деревня торговала, не покупая, город покупал, не продавая, или, вернее, продавал деньги за товар»¹⁹². Такое положение на рынке потребовало резкого увеличения денежной массы, обслуживавшей торговый оборот города с деревней. Это еще больше усугубляло денежный голод.

После Октября многие регионы неоднократно лишались как общественно-экономических, так и материально-транспортных связей с центром. Но разрыв связей с источником денег не упраздняет потребности в них. «Рынок берет денежные знаки без различия их происхождения, ибо он в них нуждается. Так был создан тот канал, через который небывалым потоком хлынули в оборот денежные суррогаты»¹⁹³.

Под воздействием мировой войны и последующих внутренних потрясений резко меняется конъюнктура внутреннего рынка. Снизился, а затем и прекратился спрос на второстепенные предметы первой необходимости и вырос спрос на продукты питания. Одновременно изменилось пропорциональное соотношение между теми продуктами питания, на которые спрос сохранился. Происходит медленное уменьшение в рационе населения хлеба, очень быстрое – мя-

¹⁸⁹ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁹⁰ Преображенский Е.А. Причины падения курса нашего рубля. М., 1922. С. 43.

¹⁹¹ Преображенский Е.А. Теория падающей валюты. М. ; Л., 1930. С. 40.

¹⁹² Преображенский Е.А. Причины падения курса нашего рубля. С. 43.

¹⁹³ Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). С. 18.

са, жиров, сахара и увеличение потребления круп и картофеля. Но наименее «эластичными» для рынка продуктами, т.е. такими, потребление которых и цены на которые резко и значительно менялись, являлись хлеб и соль. Они-то и становятся главными на рынках России ¹⁹⁴.

С одной стороны, обыватель выносил на продажу предметы личного потребления, а также накопленные им до революции ценности. Мелкая кустарная промышленность снабжала базары своей продукцией. Важным источником пополнения товаров становится к весне 1918 г. натуральное премирование рабочих. Кроме всего этого, рынок активно снабжается посредством хищений с государственных складов.

Уже весной 1918 г. большевики увидели опасность в выплате рабочим зарплаты натурой, что превращало последних в «кусочников», передающих государственные товары нелегальному рынку. Кроме того, их волновало «колоссальное расхищение товаров легальными и нелегальными путями» со складов ¹⁹⁵. Вопрос о хищениях поднимался даже в Совнаркоме. Нарком по продовольствию в своем выступлении в СНК 22 июня 1918 г. отмечал, что, когда склады были забиты тканями, а рабочие месяцами не получали зарплаты, началась стихийная, ничем не регулируемая продажа тканей фабрично-заводскими комитетами. «Продажа всякому, кто дает столь желанные денежные знаки» ¹⁹⁶.

С другой стороны, продукцию сельского хозяйства поставляли в города «мешочники». Первые признаки этого явления обнаружались через несколько месяцев после начала Первой мировой войны. Быстро оно набирает силу в 1917 г. Но повсеместное распространение мешочничество получило с 1918 г. ¹⁹⁷ Несмотря на официальную доктрину большевиков – борьбу с рыночными отношениями, рынок процветал. Большинство населения оказалось тесно с ним связано. «Мелкая нелегальная торговля продовольствием – “мешочничество” – получила столь широкое распространение, что в торговле никогда не участвовала активно такая значительная часть населения, как в те

¹⁹⁴ Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). С. 45, 47 – 48.

¹⁹⁵ Труды I съезда СНХ. С. 433 – 434.

¹⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 145. Л. 60.

¹⁹⁷ Атлас З.В. Указ. соч. С. 84 ; Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917 – 1921 гг. Мешочники. СПб., 2002. С. 23 – 34.

годы»¹⁹⁸. В роли мешочника побывал в 1917 – 1921 гг. почти каждый дееспособный россиянин¹⁹⁹. Выделяют два вида мешочников: мешочники-потребители, которые приобретали продовольствие для себя и своей семьи, и мешочники-спекулянты, покупавшие продукты для перепродажи в целях наживы. Но грань между ними была очень эфемерна, и происходило фактическое слияние этих двух видов мешочничества²⁰⁰.

Изменение экономической политики летом 1918 г. оказало огромное влияние на рынок. Национализация промышленности вычеркнула из товарооборота все ее ресурсы, кроме ремесленной. Начало централизованной государственной заготовки продовольствия привело к тому, что часть продукции деревни, которая шла на рынок, стала распределяться плановым образом. Городская торговля почти прекратилась, ускорился оборот денег, накопление в деревне приостановилось. В результате падение курса рубля пошло уже гораздо быстрее эмиссии²⁰¹.

Сокращение емкости рынка, превращение его из «легального» в «нелегальный» привело к резкому увеличению цен и потребовало еще большего количества денежных знаков для его обслуживания²⁰².

С началом полномасштабной Гражданской войны произошло окончательное разрушение единого национального рынка. Выделились местные, областные, губернские, уездные рынки со своими специфическими чертами и особенными факторами ценообразования²⁰³.

Мешочничество отрицательно отражалось на выполнении планов централизованных заготовок и подрывало государственную систему продовольственного снабжения республики. Четыре ведомства (Наркомвоенмор, Наркомпрод, Наркомпуть и ВСНХ) летом 1918 г. развернули борьбу с мешочничеством. В телеграмме, посланной всем совдепам и губпродкомам, предлагалось применять самые энергичные меры для борьбы с этим явлением. Но это не помогло, мешочничество продолжало развиваться. Мешочники спекулировали, используя разницу в ценах на основные продукты

¹⁹⁸ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 63.

¹⁹⁹ Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 107.

²⁰⁰ Атлас З.В. Указ. соч. С. 84 ; Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 107.

²⁰¹ Преображенский Е.А. Теория падающей валюты. С. 117 – 118.

²⁰² Преображенский Е.А. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 43.

²⁰³ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 13.

в разных регионах. А ликвидация стационарной частной торговли исключала возможность прямого экономического регулирования цен²⁰⁴.

На различные рынки случайные явления оказывали более сильное воздействие, чем в обычных условиях. Например, в одном городе местные власти больше нажимали на подпольных торговцев, а рядом – меньше, что на какое-то время вызывало резкое расхождение в ценах. Оказывало влияние на цены также состояние транспорта, количество полученных конкретной местностью денег, временное прохождение фронтовой или прифронтовой полосы и т.д.²⁰⁵ «Вольный» рынок находился под активным воздействием продовольственной политики государства. На цены подчас влияла не эмиссия, а те или иные декреты Советской власти или действия местных советских органов: мероприятия в области транспорта и связи, разрешение или запрещение провоза продуктов по железным дорогам частными лицами, регулирование приема почтой продовольственных посылок и т.п.²⁰⁶

Летнее наступление на мешочников четырех наркоматов потерпело поражение. Спекулянты оказались гораздо изобретательнее государственных органов. Вместе с тем накормить столицы новая власть не смогла. Положение с продовольствием было катастрофическим. 24 августа 1918 г. Моссовет, а 5 сентября Петросовет разрешили рабочим и остальным трудящимся ввоз в эти города по 1,5 пуда хлеба. «Полуторапудники» закупили и доставили в столицы свыше 4,5 млн пудов хлеба, что вдвое превышало назначенный план завоза хлеба, выполненный фактически меньше чем наполовину²⁰⁷. Впоследствии Совнарком отменил это постановление Моссовета и Петросовета, что отнюдь не привело к исчезновению мешочничества. В.И. Ленин признавал, что «половину хлеба городам дает Компрод, другую половину – мешочники»²⁰⁸.

Таким образом, борьба с рынком вылилась в «сражение» со «спекулянтами». Но рынок проявил исключительную живучесть и нашел возможность приспособиться и существовать в период военно-коммунистической системы. Правительство и местные органы

²⁰⁴ Атлас З.В. Указ. соч. С. 83 – 84, 87 ; Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 108.

²⁰⁵ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 36 – 37.

²⁰⁶ Атлас З.В. Указ. соч. С. 86.

²⁰⁷ Там же. С. 84.

²⁰⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 275 – 276.

периодически бросались в атаку на него и бесславно отступали, ухудшая положение населения или у себя в регионе, или в стране в целом.

Действия советских властей приводили к ответным мерам со стороны нелегальных снабженцев. В республике быстро развивается процесс «самоорганизации» мешочников. «Кустарное» потребительское мешочничество постепенно отмирает. Ему на смену приходят хорошо организованные коллективы «профессиональных» нелегальных снабженцев. Институт экономических исследований НКФ в начале 1920 г. отмечал, что мешочничество из «неорганизованного, стихийного, кустарного» приобрело вид «недурно организованного». В результате нелегальное снабжение последовательно «захватывает одну позицию за другой» и страна покрывается густой мешочнической сетью²⁰⁹.

Неприязнь большевиков к толкучке объясняется не только их установкой на построение нового безрыночного общества, но и тем, что она мешала проведению экономических и финансовых мероприятий. Рынок непрерывно обесценивал рубль, и новая власть не могла определить темпы обесценения денег. Это приводило к росту номиналов купюр. Но когда НКФ, вопреки требованиям рыночного оборота, пытался повышать номинал быстрее, чем происходило их обесценение на рынке, последний не принимал эти купюры. Денежный голод приобретал форму «разменного кризиса». Если же НКФ длительно сохранял прежний номинал, то происходило засорение оборота мелкими купюрами. В этом случае расплачивались на рынке «мешками» дензнаков²¹⁰.

Мешочничество тормозило проведение военно-коммунистических мероприятий, в частности продразверстки, и, по мнению большевиков, развращающе действовало на крестьянство и рабочий класс²¹¹. К этому добавилось то, что уже весной 1918 г. наблюдались факты отказа населения от приема бумажных денег при торговых сделках на рынке и переход к безденежному товарообмену²¹².

²⁰⁹ Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 142 ; Первушин С.А. Вольные цены и покупательная сила русского рубля в годы революции (1917 – 1921) // Денежное обращение и кредит. Пг., 1922. Т. 1. С. 58.

²¹⁰ Атлас З.В. Указ. соч. С. 60 – 61.

²¹¹ Там же. С. 94.

²¹² Там же. С. 88 ; Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 120.

Связь между регионами не прекращалась и потребность в кредитках не отпадала. В значительной степени благодаря нелегальным снабженцам. Мешочническое движение «не только способствовало сохранению товарообмена между городом и деревней, но и препятствовало окончательному распаду связей между отдельными регионами страны. Оно противодействовало полному разложению единого национального рынка. Профессиональные нелегальные снабженцы были вездесущи и преодолевали расстояния в сотни, иногда тысячи километров»²¹³. Линии фронтов не были для них непреодолимой преградой. Враждующие стороны пропускали наполненные мешочниками транспорты²¹⁴, что явилось одной из причин появления «лучших» и «худших» денег и развития такого явления, как «лаж». В немалой степени более высокая «ценность» «керенок» и «царских» купюр объяснялась их хождением по всей России независимо от политического режима, контролировавшего ту или иную территорию.

«Вольный» рынок, с одной стороны, подрывал финансово-экономическую политику Советской власти, но, с другой стороны, большевики сами не могли без него обойтись. Без рынка Советское правительство не получало бы доходов от денежной эмиссии. Снабжение государственных учреждений и предприятий также происходило не без участия вольного рынка²¹⁵. Население пополняло на толкучках свой скудный «классовый паек», появившийся в августе – сентябре 1918 г., что позволило ему продержаться до конца Гражданской войны.

Отношение большевиков к рынку было своеобразным. Они то «отпускали вожжи», то вновь набрасывались на базары и базарчики, конфисковывая товары, арестовывая и разгоняя торговцев.

К концу 1918 г. сложилось деление продуктов на нормированные и ненормированные. Первые заготавливались Наркомпродом (декрет от 21 ноября 1918 г.). Закупка их на рынках, провоз на транспорте и отправка по почте строго регламентировались, причем условия их реализации не раз менялись и торговля такими продуктами постоянно находилась под угрозой тех или иных запретов и преследовалась, поэтому велась нелегально с рук и «из-под по-

²¹³ Давыдов А.Ю. Указ. соч. С. 59.

²¹⁴ Там же. С. 150.

²¹⁵ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 63 – 64.

лы». Торговля ненормированными продуктами в период военного коммунизма не отменялась никогда и в отношении этих продуктов рынок нельзя считать подпольным²¹⁶.

Понятие нормированные и ненормированные продукты часто менялось и не имело четких определений. Этим пользовались и мешочники, и большевики. Когда надо, новые власти закрывали глаза на рынок, но в любой момент могли обрушиться на него, загнать в подполье, но не уничтожить. Олицетворением бессилия большевиков становится знаменитая «Сухаревка», располагавшаяся в Москве, не раз разгоняемая, но вновь возрождавшаяся как феникс из пепла.

Говоря об изучении влияния рынка на финансы России, нельзя не согласиться с выводами Р.Е. Вайсберга: «В период “военного коммунизма” фактически не было единого национального рынка; его заменили отдельные районные рынки, резко отличающиеся друг от друга под влиянием самых разнообразных сочетаний местных условий с общими условиями всей страны»²¹⁷.

Рынок оказывал громадное влияние на финансовое хозяйство страны. Вследствие его воздействия, а точнее развала, происходил подрыв денежного обращения, появлялся лаж на различные купюры, рождались свои закрытые «финансовые системы», где приоритет отдавался тем или иным образцам дензнаков, а иногда и заменителям денег в виде различных товаров, например, соли, хлеба и др.

²¹⁶ Атлас З.В. Указ. соч. С. 81 – 82.

²¹⁷ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 127.

Глава 2

ДЕНЕЖНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ 1917 – НАЧАЛЕ 1921 г.

2.1. Утверждение эмиссионного хозяйства. Попытка создания новой счетной единицы

Одной из сложнейших финансовых проблем, доставшейся Советской власти в наследство от предыдущих режимов, становится распад денежного обращения России. Как уже отмечалось, его первые признаки стали проявляться с началом Первой мировой войны. С приходом к власти Временного правительства ситуация резко ухудшается. За 8 месяцев своего существования новый демократический режим выпустил в обращение более 9,5 млрд руб. В результате покупательная сила рубля опустилась к октябрю 1917 г. примерно до 10 коп¹. В период с марта по октябрь 1917 г. появились параллельные валюты и народный лаж на различные виды дензнаков. Кроме того, именно в это время рост цен стал обгонять рост количества денег в обращении. Увеличение денежной массы на 1 % сопровождалось ростом цен на 5,4 %². Можно с уверенностью сделать вывод, что именно в период существования Временного правительства в экономике страны утверждается эмиссионное хозяйство, доставшееся затем в наследство Советской власти.

¹ Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917 – 1925). М., 1940. С. 9 ; Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914 – 1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 92.

² Русский рубль. Два века истории. XIX – XX вв. М., 1994. С. 185.

Большевистское правительство вынуждено было с самого начала своего пребывания у власти обратить пристальное внимание на денежное обращение. В течение первых полутора лет предпринимались шаги, направленные на борьбу с инфляцией, и попытки стабилизировать положение. В первую очередь большевики стремились по примеру «старых режимов» навести порядок в законодательной базе, регулирующей эмиссионное право Нарбанка.

Временное правительство расширило эмиссионное право Госбанка до 16,5 млрд руб.³ Большевики с приходом к власти вынуждены были сразу включить станок Экспедиции заготовления государственных бумаг, поскольку другого источника дохода не имели. 12 декабря (29 ноября) 1917 г. Совнарком поручил НКФ разработать проект декрета о расширении эмиссионного права⁴. 19 (6) декабря 1917 г. СНК обсудил вопрос о расширении эмиссионного права до 3 млрд руб. Но декрет не был принят, так как правительство усомнилось в основаниях проектируемой НКФ цифры⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что уже в начале декабря 1917 г. трудно было определить точные размеры проведенной эмиссии. Об этом говорит и то, что Совнарком 10 февраля 1918 г. вновь вернулся к этому вопросу и поручил НКФ собрать и представить точные данные о количестве выпущенных до этого времени в обращение денежных знаков⁶.

Неразбериха в вопросе выпуска кредитных билетов долго не позволяла вернуться к поставленной проблеме. Лишь 26 октября 1918 г. вопрос был поднят Н.Н. Крестинским в Совнарком. Нарком направил правительству записку «О расширении права Народного банка на выпуск государственных кредитных билетов», в которой писал, что в ближайшее время для покрытия государственных расходов источником может служить почти исключительно эмиссия. Вследствие этого Крестинский просил увеличить право выпуска денежных знаков на 33,5 млрд руб. По представлению наркома декрет был утвержден. Но СНК решил его не публиковать⁷.

³ Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России 1914 – 1924. М. ; Л., 1924. С. 50.

⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 9. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 59. Л. 4.

⁷ Там же. Д. 214. Л. 5, 72 – 73.

С решением не оглашать декрет не согласился главный комиссар Нарбанка Г.Л. Пятаков и в записке, направленной В.И. Ленину 29 октября, он отметил, что считает «крайне желательным» его публикацию. Пятаков хотел поставить население республики в известность относительно находящихся в обращении денежных знаков для уничтожения слухов, «что крайне важно в смысле укрепления доверия со стороны населения к нашим денежным знакам»⁸.

Но обращение Г.Л. Пятакова в Совнарком не возымело действия. Тогда комиссар банка направил докладную записку в НКФ. 8 ноября 1918 г. коллегия Наркомфина обсуждала вопрос об опубликовании декрета о расширении эмиссионного права. Посчитав соображения Пятакова правильными, она обратилась к СНК с просьбой разрешить публикацию документа⁹. 11 ноября НКФ отправил соответствующее прошение в Совнарком¹⁰. После таких настойчивых просьб 7 декабря 1918 г. декрет был опубликован¹¹. Таким образом Совнарком фактически узаконивал уже произведенные выпуски кредитных билетов сверх установленных предшествующими законодательными актами пределов эмиссионного права.

В обстановке усиленной работы печатного станка у большевиков стало складываться совершенно новое отношение к деньгам вообще. Эмиссия рассматривалась как особый вид налога, накладываемого на общество государством и «взимаемого без податных инспекторов, милиции и судебных приставов». Большевики прекрасно осознавали, что такой «налог» падает прежде всего на тех, кто получает зарплату, т.е. на рабочих и служащих. Но, по мнению Е.А. Преображенского, он более всего ложился на крестьянство «именно потому, что крестьянин продает больше, чем покупает...». Кроме того, крестьянство, увлекшись накоплением денег в ожидании поднятия их курса, способствовало замедлению темпа их обесценивания.

Падение рубля очень скоро стало восприниматься большевиками как естественный процесс, предсказанный К. Марксом. «Умирание» денег связывалось с агонией рынка. Причем большевиков теперь все более беспокоило медленное умирание рубля. Это они объясняли особенностью России, где существовал громадный мел-

⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 218. Л. 199.

⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 218. Л. 201.

¹¹ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 454.

кобуржуазный рынок, оттягивающий стихийную ликвидацию бумажек¹². Большевиков перестало волновать падение валюты: «На век нашего бумажного обращения математических величин хватит, а не хватит, – их можно выдумать»¹³. Таким образом, эмиссия стала восприниматься как способ уничтожения капитализма. Бумажные деньги поддержали новую власть в самый трудный период ее существования, «когда не было возможности прямыми налогами оплатить издержки гражданской войны. Слава нашему печатному станку!»¹⁴ Е.А. Преображенский считал, что, допустив немало ошибок, «мы в одном и притом важнейшем пункте были правы вполне: мы не жалели бумаги для наших денег»¹⁵. «Никакими контрибуциями советов, никаким чрезвычайным налогом мы не смогли бы так основательно очистить тайных денежных хранилищ Колупаевых и Разуваевых, как это сделало социалистическое государство усиленными выпусками бумажных денег»¹⁶.

Советская власть обесценивала всю массу обращавшихся денег и тем самым ослабляла финансовую мощь буржуазии. В тылу «красный печатник фабрики государственных знаков Наркомфина обстреливал из своих печатных станков тыл буржуазии и буржуазной интеллигенции, думавших отсидеться на своих денежных капиталах, пока не придет на белом коне белый царский генерал и не вернет им власть»¹⁷.

Большевики стали рассматривать финансовую систему как один из элементов борьбы с капитализмом. Они видели в эмиссии способ уничтожения экономической мощи буржуазии и своего укрепления у власти. В вопросы денежного обращения новая власть ничего нового не внесла. Она лишь довела до логического завершения все то, что проявилось в этой области при прежних режимах. Первое время Советское правительство пыталось бороться с инфляцией, но с началом полномасштабных боевых действий внутри страны, при параличе налоговой системы единственным

¹² Преображенский Е. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 29, 31, 40, 57.

¹³ Там же. С. 67.

¹⁴ Там же. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 69.

¹⁶ Там же. С. 41, 56.

¹⁷ Альский М. Наши финансы за время Гражданской войны и нэпа. М., 1923. С. 7.

источником получения денежных средств становился печатный станок ЭЗГБ.

С началом Гражданской войны обостряется проблема снабжения дензнаками отдельных регионов воюющей республики. Перед правительством все более остро поднималась проблема денежных суррогатов, которые стремились выпускать провинциальные власти, добиваясь от центра их официального «признания». До осени 1918 г. СНК и НКФ всячески препятствовали попыткам узаконить производимые на местах эмиссии. Но после начала Гражданской войны в некоторых регионах, которые оказались отрезанными от центра, положение резко ухудшилось – нерегулярное снабжение денежными знаками прекратилось вовсе. В такой обстановке Совнарком официально разрешил отрезанным от центра регионам производить самостоятельную эмиссию.

8 августа 1918 г. на заседании комиссии при СНК обсуждалось ходатайство чрезвычайной делегации ЦИК Туркестанской Советской республики о поддержке Туркестана деньгами. Комиссия передала ходатайство на рассмотрение в НКФ и Госконтроль. 24 августа комиссар финансов представил в Совнарком проект постановления, разрешавший Нарбанку в Ташкенте выпуск временных кредитных билетов на сумму не свыше 200 млн руб. 3 сентября 1918 г. оно было утверждено¹⁸. 17 сентября 1918 г. СНК предоставил право Туркестанскому отделению Народного банка выпускать кредитные билеты для Туркестана еще на 300 млн руб.¹⁹

1 октября 1918 г. Н.Н. Крестинский отправил в Совнарком записку, где сообщал, что представители Терской области обратились к нему с просьбой о снабжении края денежными знаками, поскольку из-за нарушения железнодорожного сообщения с Москвой снабжение ее деньгами затруднительно. Крестинский просил СНК разрешить Пятигорскому отделению Нарбанка произвести выпуск временных кредитных билетов Терской области на сумму до 50 млн руб. За образец этой эмиссионной операции нарком предлагал взять им же разработанный выпуск временных кредитных билетов Туркестанского края. Приложенный к записке декрет был утвержден СНК²⁰.

¹⁸ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 283 – 285.

¹⁹ Там же. С. 350 – 351.

²⁰ Там же. С. 387 – 388 ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 203. Л. 3, 26.

Таким образом, Советская власть, несмотря на попытки не допускать самостоятельную эмиссию регионов, вынуждена была осенью 1918 г. узаконить выпуск местных денег, фактически стимулируя распад денежного обращения России.

«Распад денежного обращения, пережитый Россией, заключался не только в том, что захирела ее основная денежная системы, но также в том, что наряду с основной системой появилось множество других». Местные эмиссии получили чрезвычайное распространение с весны 1919 г., когда «количество денежных знаков различного происхождения, различных наименований и видов стало необозримо...»²¹. Следует подчеркнуть особенность «русского распада», которая состояла в появлении обособленных денежных систем. Многие «правительства» выпускали свои рубли, имевшие собственный курс и являвшиеся по отношению к рублям Москвы как политически, так и экономически иностранными деньгами²².

Все ускоряющееся падение покупательной способности рубля привело к началу стихийного процесса замены денежного эквивалента на товарные. Наиболее серьезными конкурентами на роль исполнителей некоторых функций денег становятся печеный хлеб и соль. На первый из этих продуктов предъявлял повышенный спрос город, а на второй – деревня. Уже весной 1918 г. наблюдался отказ крестьян принимать деньги. Такие факты имели место в тех регионах, где деревня оказалась переполненной дензнаками, например на Кубани²³.

Острая нехватка денег на местах и падение стоимости рубля повлекли за собой проблему перехода на выплату заработной платы натурой. Движение за натурализацию зарплаты начали летом 1918 г. железнодорожники, создавшие «Продовольственное бюро» для самостоятельных закупок. «Никогда еще ценность денег не падала (по крайней мере психологически) так низко, как в тот момент, когда широкие народные массы решительно отвергли тактику повышения номинальной зарплаты и ребром поставили вопрос об оплате труда натурой»²⁴.

²¹ Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917 – 1927). М., 1928. С. 159.

²² Там же. С. 160.

²³ Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925. С. 119 – 120.

²⁴ Там же. С. 101.

Вопрос о введении новых способов оплаты труда волновал и советское руководство. На заседании СНК 5 июня 1918 г. выступил В.П. Ногин, который поднял проблему расплаты товарами. Правительство решило для выяснения этого вопроса организовать комиссию из представителей комиссариатов (финансов, продовольствия, труда) и ВСНХ²⁵.

Своеобразной формой нового способа оплаты труда можно считать введение «классового пайка». В августе – сентябре 1918 г. он стал выдаваться в Москве и Петрограде, а затем его распространили и на другие города республики. Население стало получать карточки четырех категорий, которые отоваривались исключительно продовольственными продуктами²⁶.

К осени 1918 г. проблема с выплатой зарплаты еще более обострилась. Выдвигались идеи замены денежных выплат натуральными, которые получили серьезную поддержку. На Всероссийской конференции рабочих строительного-транспортных заводов были одобрены тезисы Ю. Ларина, выступавшего за натурализацию зарплаты, которая должна охватить жилище, главнейшие промышленные и продовольственные продукты и некоторые культурные потребности. Ларин считал необходимым учреждение «Товарного фонда заработной платы», куда направлялись бы продукты каждой отрасли производства, а бесплатное их распределение возложить на комиссариат снабжения. Новую систему оплаты предлагалось ввести в Москве и Петрограде, а также в городах с населением свыше 20 тыс. человек²⁷.

Наркомфин не остался в стороне от этого вопроса и встал на сторону тех, кто настаивал на натурализации зарплаты. 7 сентября 1918 г. коллегия Народного комиссариата труда в связи с повышением твердых цен на хлеб приняла проект декрета о повышении на 100 % заработной платы и передала его на заключение НКФ. Наркомфин не поддержал этой инициативы. Проект декрета обсуждался на заседании СНК 10 сентября 1918 г. В соответствии с предложением Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) решено было увеличить зарплату на 50 %. Но одно-

²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 19. СНК РСФСР. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

²⁶ Атлас З.В. Указ. соч. С. 97 ; Внутренняя торговля Союза ССР за X лет. М., 1928. С. 36.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2681. Л. 1 – 2.

временно с этим правительство в принципе признавало желательным переход к натурализации заработной платы²⁸. 12 сентября 1918 г. коллегия НКФ, рассмотрев этот вопрос, приняла решение довести до сведения ВЦИК, что существенной пользы от повышения ставок не будет, так как прибавка попадет в карман спекулянтов и мешочников. Однако ввиду вздорожания жизни и того политического шума, который поднят по этому вопросу, НКФ «вынужден согласиться на это повышение», но обратил внимание ВЦИК, что единственный способ настоящего улучшения материального положения рабочих и служащих – это натурализация зарплаты и принятие срочных мер к ее проведению в жизнь²⁹.

Проект декрета о заработной плате с изменениями Совнаркома ВЦИК принимает 16 сентября 1918 г.³⁰ Но проблема натурализации была уже обозначена. 19 сентября 1918 г. коллегия НКФ рассматривает вопрос о выдаче аванса служащим учреждений наркомата на закупку предметов первой необходимости. Решено было отложить это мероприятие из-за ожидавшейся прибавки жалования и того, что по поручению СНК Народный комиссариат труда начал разрабатывать проблему натурализации зарплаты³¹.

В 1919 – 1920 гг. доля натуральной зарплаты постоянно возрастала. Кроме официальных выдач натурой, администрация национализированных фабрик, вопреки запретам и минуя официальную отчетность, вынуждена была выплачивать заработную плату продукцией своих предприятий. В противном случае рабочие могли просто разбежаться. Вся эта «оплата» тут же отправлялась на рынок и пополняла «товарные фонды» мешочников³².

С октября 1917 по начало 1921 г. в Советской республике быстро развивался процесс натурализации заработной платы. По данным З.В. Атласа, доля денежной зарплаты уменьшилась с 93,8 % во втором полугодии 1917 г. до 6,8 % в первой четверти 1921 г.³³ К концу 1920 г. встала даже проблема перевода всех видов окладов рабочих и служащих на натуральную оплату труда.

²⁸ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 348.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

³⁰ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 344 – 348.

³¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

³² Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917 – 1921 гг. Мешочники. СПб., 2002. С. 288.

³³ Атлас З.В. Указ. соч. С. 98.

Серьезного сопротивления населения постоянному росту выплат зарплаты натурой не зафиксировано. Рабочие и служащие прекрасно осознавали, что выгоднее получать реальные ценности, которые затем можно обменять на черном рынке на необходимые товары, чем ежедневно обесценивающиеся дензнаки. Вслед за гражданами Советской республики к выводу о крайней ненадежности рубля приходит и большевистское руководство.

1918 г. показал, что все попытки хотя бы приостановить падение покупательной способности дензнаков не принесли ощутимых результатов. Распад денежного обращения России продвигался ускоренным темпом. Каждая новая эмиссия сужала сферу применения денежных знаков. Обесценение валюты приводило к тому, что деньги постепенно теряли свои основные функции: кредитования, накопления и обращения. В условиях галопирующей инфляции рубль не мог стать надежным помощником Советского правительства в стабильном получении реальных ценностей, столь необходимых для победы в начавшейся Гражданской войне. Выходом из создавшегося положения становится введение 11 января 1919 г. продразверстки. С этого момента Советская власть получила стабильный источник притока материальных ценностей путем безвозмездного присвоения государством продукции крестьянских хозяйств. Официально принудительное изъятие продуктов, в первую очередь хлеба, происходило с оплатой по твердым ценам, но обвальная инфляция быстро превратила эту плату в фикцию³⁴. По подсчетам Д. Кузовкова, к апрелю 1920 г. государство выплачивало деревне менее 2 % стоимости ее продукции³⁵. Как утверждал Е. Преображенский, по продразверстке платили по твердой цене 30 – 40 руб. за пуд, т.е. в сущности брали хлеб даром³⁶. Переход к фактически бесплатному изъятию продовольствия имел самые печальные последствия для денежного обращения Советской республики. «Продразверстка, проведенная как система на почве обесценения денег, сама превратилась в условие их дальнейшего обесценения»³⁷.

³⁴ История Министерства финансов России : в 4 т. Т. 2. М., 2002. С. 117.

³⁵ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 179.

³⁶ Преображенский Е. Финансы и новая экономическая политика. М., 1921. С. 16.

³⁷ Альский М. Указ. соч. С. 33.

Как уже отмечалось, следующим шагом в том же направлении становятся декреты 23 января и 4 марта 1919 г., которые перевели национализированную промышленность исключительно на сметное финансирование. Советское правительство встало на путь вытеснения денег из сферы государственного хозяйства. В дальнейшем большевики будут последовательно проводить ту же линию. В 1919 – начале 1921 г. они целенаправленно продолжают освобождать государственное хозяйство от ставших столь ненадежными денежных знаков.

Такие действия можно признать вполне логичными и рациональными. В условиях Гражданской войны говорить о быстрой стабилизации валюты не представлялось возможным и прилагать усилия по восстановлению рубля было бессмысленно. Советское государство, как и население республики, стремилось сосредоточить в своих руках реальные материальные ценности, а не постоянно обесценивающиеся бумажки. Такая политика вполне вписывалась и в получившую популярность экономическую концепцию правящей партии о постепенном отмирании денег при переходе к социализму. Большевики вытесняли дензнаки на вольный нелегальный рынок и рассматривали их как не вполне надежный, но все-таки действенный инструмент получения необходимых материальных средств от ненационализированного сектора экономики. В Советской республике стал быстро раскручиваться маховик эмиссионного хозяйства.

Однако большевики понимали, что немедленно избавиться от денег в государственном секторе экономики невозможно. Кроме того, они были необходимы для обслуживания вольного рынка, с которым большинство населения республики имело самую тесную связь. Поэтому одной из основных задач финансового ведомства становится обеспечение необходимым количеством дензнаков хозяйства республики. При этом приходилось учитывать потребности денежного обращения в тех или иных видах денежных знаков, что во многом предопределило эмиссионную политику НКФ.

В начале 1918 г. каналы денежного обращения Советской республики оказались забиты кредитными билетами крупных достоинств. Это повлекло за собой хронический разменный кризис и спекуляцию. Наркомфину необходимо было восполнить острый недостаток в денежных знаках мелких достоинств. Осенью 1918 г. коллегия по управлению Народным банком начинает подготовку к выпуску разменных марок.

В докладной записке от 24 октября 1918 г. технический советник при Нарбанке П.М. Богданов, анализируя возможности ЭЗГБ по выпуску марок-денег, отмечал, что они «весьма удовлетворительно (гораздо лучше, чем «керенки» или «пензенки») защищены от подделок воспроизведением на оборотной стороне их посредством тоновой орловско-стружковской печати сложного узора цифр, розетки и предохранительной сети». Ежедневное производство новых денежных знаков выражалось значительной по тем временам суммой в 15 – 18 млн руб. Предполагалось, что марки-деньги будут печататься по 150 штук на листе, а сдавать их Экспедиция планировала, как и керенки, в неразрезанных листах по 25 или 50 экземпляров. В начале ноября 1918 г. главный комиссар Нарбанка Г.Л. Пятаков обратился с официальным письмом в ЭЗГБ, в котором указывал на необходимость изготовления марок-денег достоинством в 1, 2 и 3 руб. По его предложению они получили название «расчетных знаков Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»³⁸.

В конце 1918 г. Наркомфин направляет в СНК проект декрета и объяснительную записку «О выпуске в обращение государственных расчетных знаков». В записке говорилось, что обнаружившийся в начале 1918 г. усиленный спрос на наличные деньги, а в особенности на кредитные билеты мелких достоинств, потребовал от НКФ принять срочные меры к предотвращению надвигающегося кризиса. За исчерпанием свободных запасов и невозможностью по техническим причинам расширить производительность ЭЗГБ пришлось прибегнуть к выпуску суррогатов денежных знаков. В обращение поступили: по декрету 21 января 1918 г. краткосрочные обязательства и билеты серии Государственного казначейства, по декрету 16 февраля 1918 г. облигации «Займа Свободы» (до 100 руб. включительно), по распоряжению главного комиссара Госбанка А.П. Спунде от 9 марта 1918 г. купоны государственных займов сроком по 1-е декабря 1917 г.

Однако по способу изготовления облигации процентных бумаг, и тем более купоны, совершенно не приспособлены к целям денежного обращения. Они неудобны по формату, а главное не обладают необходимой для денежных знаков прочностью, поэтому быстро ветшают до полной негодности. Последнее обстоятельство

³⁸ Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917 – 1920 гг. СПб., 2009. С. 49 – 50.

с течением времени все более и более ослабляет значение суррогатов для обращения. Если принять во внимание, что наиболее быстро изнашиваются купоны, которые должны возместить в циркуляции недостаток кредитных билетов мелких купюр, спрос на которые со стороны населения чрезвычайно велик, то имеются все основания опасаться в ближайшем будущем нового и, вероятно, более острого, чем год назад, разменного кризиса. Экспедиция изготовления государственных бумаг не справлялась с выпуском мелких купюр. Поэтому НКФ еще летом 1918 г. ограничил обмен ветхих денежных знаков до минимума (они менялись лишь в случае окончательной негодности).

Вследствие указанных причин Наркомфин решил приступить к созданию денежных знаков упрощенного по сравнению с кредитными билетами образца типа марок достоинством в 1, 2, 3 руб. Выпуск предлагалось начать за счет сокращения производства рублевых купюр на 50 % и полного прекращения печатания билетов 3-рублевого достоинства. Записка объясняла это тем, что в результате инфляции кредитные билеты рублевых и 3-рублевых купюр давно уже утратили характер основных денежных единиц. Роль их в обращении стала чисто вспомогательной – служить орудием размена.

В записке говорилось, что Наркомат финансов, с одной стороны, стремится избежать в этой области новшеств, которые могли бы, как это имело место по отношению к керенкам, затруднить усвоение новых денежных знаков широкими слоями населения, а с другой стороны, исходит из соображений практичности и экономии³⁹.

В январе 1919 г. ЭЗГБ подготовила для отправки в Москву проект документа «о технической осуществимости изготовления разменных марок». В нем предлагалось производить новые деньги за счет прекращения печатания кредитных билетов 3-рублевого достоинства и сокращения до 50 % билетов рублевого достоинства, листами по 150 экземпляров и сдавать их Нарбанку неразрезанными листами по 25 или 50 экземпляров ежедневно на сумму 18 млн руб.⁴⁰

3 и 18 января 1919 г. описание расчетных знаков образца 1918 г. направляется в СНК⁴¹. Впервые на них появился герб РСФСР⁴².

³⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 44 – 45.

⁴⁰ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 49 – 50.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 34 – 35, 50 – 51.

⁴² Денежные реформы. Россия. СССР. СНГ (к вопросу о деноминации рубля). М., 1997. С. 5.

4 февраля 1919 г. Совнарком принимает декрет о выпуске денежных знаков 1-, 2- и 3-рублевого достоинства упрощенного типа ввиду недостатка в обращении кредитных билетов мелких достоинств⁴³. Первая партия новых денег, прозванных в народе «мотыльками» за малый размер (38 x 47 мм) и пестрые цвета, была передана Народному банку в начале февраля 1919 г., а полная сдача заказа началась уже в апреле⁴⁴.

Несмотря на появление «мотыльков», которые стали первыми советскими денежными знаками, продолжалась подготовка к выпуску государственных кредитных билетов, которая шла с начала 1918 г. под личным наблюдением В.И. Ленина⁴⁵. Председатель Совнаркома связывал с новыми деньгами большие надежды. Он предполагал использовать их для проведения денежной реформы.

По воспоминаниям известного советского скульптора С.Т. Конёнкова, уже в начале 1918 г. были предприняты попытки создания эскизов новых советских денежных знаков. С этой целью был организован конкурс, в котором принимали участие В.Д. Фалилеев, Е.В. Орановский, А.В. Щусев, И.В. Жолтовский, С.Т. Конёнков и др.⁴⁶ Но для создания совершенно новых дензнаков не было времени, поэтому в начале 1918 г. начались работы по изготовлению государственных кредитных билетов со старых клише, заказанных еще при Временном правительстве.

18 мая 1918 г. управляющий ЭЗГБ направил для представления на утверждение СНК 10 комплектов кредитных билетов 1000-, 500-, 250-, 100- и 1-рублевого достоинства образца 1918 г. В июне 1918 г. для рассмотрения в СНК отправили еще ряд комплектов новых дензнаков⁴⁷.

Однако подготовка к введению в обращение «пролетарского кредита» затягивалась. Весной и летом 1918 г. по причине того, что И.Э. Гуковский отрицательно относился к данному мероприятию, считая его бессмысленным. С приходом нового наркома возникли

⁴³ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 339 – 340 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 48.

⁴⁴ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 50 ; Глейзер М. История эмиссий расчетных знаков РСФСР образца 1919 г. // Советский коллекционер. 1980. № 18. С. 133 – 134 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 121.

⁴⁵ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 121.

⁴⁶ Коненков С.Т. Мой век. М., 1972. С. 212 – 213.

⁴⁷ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 42 – 43.

технические затруднения. Н.Н. Крестинский высказал ряд предложений, которые непременно следовало учесть. Его пожелания потребовали бы переделки почти половины всех готовых штемпелей и изготовления новых стереотипов. Крестинский предлагал заменить двуглавого орла «республиканского кредита» Временного правительства на советский герб, разместить на купюрах лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и эмблемы «фабрика и деревня», а также отпечатать на всех билетах какую-либо часть красной краской.

Осенью 1918 г. при обсуждении задания НКФ о выпуске в обращение «в кратчайший срок нового, художественного и хорошо защищенного “пролетарского кредита”» группа специалистов ЭЗГБ пришла к выводу, что подготовить при имевшемся личном составе гравиров новых кредитные билеты «по защите и художественности исполнения», не уступающие «романовскому», Экспедиции вполне по силам. Однако создание новых денег было процессом весьма трудоемким. Учитывая спешность задания, специалисты ЭЗГБ смогли предложить лишь использование разработанных в течение предшествующих 15 месяцев форм «республиканского кредита», задуманного еще Временным правительством.

Понимая, что выпуск новых денег может затянуться, руководство НКФ 28 октября 1918 г. провело в Петрограде совещание с участием управляющего ЭЗГБ Августа Зеке, назначенного на эту должность неделей ранее. На совещании вновь была подчеркнута необходимость активизации работ по подготовке «пролетарского кредита» и указано на возможность «использовать частью готовые формы республиканского кредита». Для ускорения работы решили вернуть из Пензы эвакуированных туда наиболее ценных специалистов петроградской Экспедиции и реквизировать необходимые машины в частных предприятиях Москвы. Совещание приняло постановление «О возвращении кредитной бумаги, отправленной из Петрограда в Москву». Решено было также дождаться прибытия типографских красок из Германии, заказанных для нужд ЭЗГБ через генерального консула РСФСР в Берлине В.Р. Менжинского⁴⁸.

Весной 1919 г. подготовительные работы по выпуску кредитных билетов образца 1918 г. были завершены⁴⁹. Новые дензнаки называли «пензенки» по месту их печатания или «пятакровки» по

⁴⁸ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 44 – 46, 48 – 49.

⁴⁹ Там же. С. 43.

подписи управляющего Нарбанком Г.Л. Пятакова. Н.Н. Крестинский утверждал: «На пензенских кредитках, кроме подписи тов. Пятакова, вообще нет ничего коммунистического»⁵⁰. На новых деньгах был помещен старый герб России – двуглавый орел, только без корон. По утверждению Н.Н. Крестинского, их образец, форму и рисунок разработали при Керенском, когда в августе он готовил сдачу Петрограда. По его указанию ЭЗГБ занялась изготовлением «эвакуационных кредиток». Их делали спешно и упрощенно, поэтому они не так красивы и хорошо защищены от подделок, как царские, но их защита была лучше, чем у керенок. Во время наступления немцев на Петроград в феврале – марте 1918 г. в Пензу эвакуировали часть Экспедиции (1 400 человек и печатное оборудование), работавшую именно над эвакуационными кредитками⁵¹.

12 мая 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) с докладом о выпуске в обращение новых кредитных билетов выступал Н.Н. Крестинский. Было решено: а) изучить доклад о выпуске с 1-го июня пензенок в целях постепенного изъятия кредитных билетов старых образцов; б) печатание и выпуск кредитных билетов и казначейских знаков старого образца прекратить 1 августа; в) аннулирование старых денег приурочить к 1 октября или 1 ноября, не вводя этого в декрет. Кроме того, Политбюро постановило издать декрет о принудительных текущих счетах⁵².

Из данного документа следует, что большевики планировали не просто выпустить в обращение новые дензнаки, а провести денежную реформу с полной заменой и аннулированием кредитных билетов старых образцов.

15 мая 1919 г. после выступления Н.Н. Крестинского СНК утвердил декрет о выпуске в обращение кредитных билетов образца 1918 г. Одновременно были приняты дополнительные постановления, не подлежащие публикации и ориентировавшие НКФ на подготовку к проведению денежной реформы, которая должна была изъять из обращения все прочие дензнаки. Наркомфину поручалось: а) с 1 августа 1919 г. производить выпуск кредитных билетов только нового образца; б) правила, порядок и сроки изъятия кре-

⁵⁰ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 28.

⁵¹ Там же. С. 28–29; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 43.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

дитных билетов и казначейских знаков старого образца объявлять после предварительного утверждения их СНК. Крестинскому поручалось «написать статью в газетах по данному вопросу»⁵³.

В опубликованном декрете СНК от 15 мая 1919 г. говорилось, что новые денежные знаки достоинством от 1 до 1000 руб. выпускаются «в целях постепенной замены имеющихся в обращении кредитных билетов ныне существующего образца, как совершенно не соответствующих по своей форме началам нового государственного строя России, а также для извлечения из оборота разного рода денежных суррогатов, выпускавшихся в связи с недо-статком кредитных билетов...». Одновременно правительство узаконило неограниченную эмиссию. Народному банку предоставлялось право выпуска кредитных билетов сверх установленной декретом от 26 октября 1918 г. нормы в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках⁵⁴.

Декрет от 15 мая 1919 г. является знаковым. Он знаменует собой окончательный переход советской экономики на рельсы эмиссионного хозяйства. Всякие, даже формальные ограничения на печатание денег были сняты, и их выпуск теперь определялся исключительно производственными возможностями ЭЗГБ.

В соответствии с этим же декретом начать выпуск «пензенок» предполагалось с 1 июня 1919 г.⁵⁵ Однако уже 19 мая СНК переносит этот срок на 20 мая 1919 г.⁵⁶ Такая поспешность объясняется тем, что территория, подконтрольная Москве, значительно расширилась. На Украине, на Дону и в других областях, где была установлена Советская власть, наблюдался тяжелейший денежный голод. К этому времени удалось создать запас новых дензнаков на сумму около 3 млрд руб. Катастрофическая нехватка денег во вновь присоединенных регионах вынудила большевиков немедленно выпустить в обращение часть накопленных пензенок⁵⁷.

На следующий день, 21 мая 1919 г., в докладе на съезде финотделов Н.Н. Крестинский подробно остановился на появлении но-

⁵³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 287. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 47 – 49, 57, 59 – 70, 73 ; Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 189 – 190 ; Известия ВЦИК. 1919. 17 мая. № 105.

⁵⁵ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 189.

⁵⁶ Там же. С. 200.

⁵⁷ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 29.

вых кредитных билетов. Он заявил, что выпуск пензенок отнюдь не означает отказа от первоначальных предложений Ленина и самого наркома об обмене денег старого образца на новые, сопряженный с аннулированием значительной части старых дензнаков, находящихся у крупных держателей.

Далее Крестинский изложил механизм готовившейся реформы. Предполагалось аннулировать все деньги, которые скроют крупные держатели и не предъявят их к обмену. Этой операцией государство планировало изъять несколько десятков миллиардов рублей, увеличив покупательные средства неимущего класса и уменьшив покупательные средства имущего. Крестинский полагал, что после реформы крестьяне вынуждены будут вести свои продукты в город, чтобы получить новые деньги. По мнению наркома, одновременный выпуск денег старого и нового образца не даст возможности провести обмен, но не явится отказом от идеи аннулирования старых денежных знаков.

Крестинский сообщил делегатам, что для удовлетворения все возрастающей потребности в деньгах приходится одновременно доводить до максимума производительность и петроградской, и пензенской Экспедиций. Однако напечатанные в Пензе деньги в обращение до сих пор не пускали. Это пришлось сделать под давлением обстоятельств. Нарком утверждал, что подготовка к аннулированию старых кредиток будет продолжена, но другим путем. Производительность пензенской Экспедиции быстро возрастает и имеется запас новых денежных знаков. Далее наступит время, когда печатание старых кредитных билетов прекратится и будут выпускаться деньги только нового образца. За это время государственные расходы станут производиться исключительно новыми деньгами. Через некоторое время на руках у трудового населения старых кредиток не останется. Вот тогда, по утверждению наркома, наступит момент для аннулирования старых денежных знаков. Выпуск кредитных билетов 1918 г., настаивал Крестинский, является не отказом от денежной реформы, а одним из первых необходимых шагов по пути к ней, правда в несколько ином направлении, чем это первоначально предполагалось⁵⁸.

Однако нарком заявил делегатам, что реформа не приведет к коренному оздоровлению финансовой системы. По его мнению,

⁵⁸ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 29 – 30.

«единственный способ оздоровления – это организация нашего народного хозяйства и полный отказ от денежных знаков». Все мероприятия, отнимающие денежные средства у более зажиточного класса, являются передышкой и могут только продлить период дальнейшего падения рубля и вздорожания жизни. «Но каждая такая передышка необходима, как был в области военной необходим, например, Брестский мир».

Несмотря на скептическое отношение к возможности достижения положительных экономических результатов вследствие замены старых кредитных билетов на новые, Крестинский считал, что проводить мероприятия по оздоровлению денежной системы необходимо, «потому что никто не знает часа, когда сын человеческий придет». По мнению наркома, действия НКФ «отдаляют момент окончательного краха нашей денежной системы и помогут нам продержаться до социалистического переворота на Западе»⁵⁹.

Из вышесказанного следует, что декрет от 15 мая 1919 г. воспринимался руководством Наркомфина как начало проведения денежной реформы. В наркомате первоначально хотели связать выпуск новых дензнаков с принудительным обменом прежде выпущенных кредитных билетов на новые, причем предполагалось суммы, превышающие известную норму, не выдавать на руки, а зачислять на текущие счета. Таким образом планировалось достигнуть крупного сокращения денежной массы. Однако невозможность заготовить в короткий срок достаточный обменный фонд и обострившийся недостаток денежных знаков привели к отказу от этого плана⁶⁰.

Выпуск пензенок позволил ослабить финансовое напряжение в регионах, вновь присоединенных к территории, подконтрольной большевикам. Значительные суммы были направлены на поддержку Советских республик, образовавшихся на окраинах бывшей империи. Так, Политбюро ЦК РКП(б) в ответ на ходатайство правительства Латвии о предоставлении ему кредита в 200 млн руб. 12 мая 1919 г. постановило выделить Латвии 50 млн⁶¹.

2 июня 1919 г. на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) было решено направить на нужды республики Лит-

⁵⁹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 30.

⁶⁰ Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. М., 1921. С. 49.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7. Л. 1.

вы и Белоруссии (Литбел) 200 млн руб. Кроме того, Н.Н. Крестинскому поручалось в течение июня выделить для Украины 2 700 млн руб. Половину суммы следовало отправить в Харьков, а другую половину в Киев.

На этом же заседании был определен порядок финансирования вступающих в союз с Россией Советских республик. Их сметы должны были составляться по всем ведомствам народными комиссариатами этих республик и по рассмотрению их Совнаркомом каждой республики представляться на окончательное утверждение в СНК РСФСР. Отпуск кредитов отдельным губерниям, входящим в состав национальных республик, помимо Совнаркома этих республик, не допускался. Порядок утверждения смет объединенных комиссариатов (военного, путей сообщения, совнархоза и финансов) постановили обсудить на особо избранной ЦИК комиссии и представить предложения на утверждение ЦК.

С принятыми решениями не согласился председатель Совнаркома Украины Х.Г. Раковский. Он возражал против посылки денег непосредственно в Харьков и заявил, что слагает с себя ответственность в связи с возможной финансовой дезорганизацией. Кроме того, Раковский остался при особом мнении, полагая, что утверждению СНК РСФСР подлежат лишь сметы четырех объединенных комиссариатов, остальные же должны окончательно утверждаться украинским Совнаркомом⁶².

Появление в обращении пензенок не привело к улучшению в финансовом хозяйстве республики. Население встретило новые деньги с недоверием. Нередки были случаи отказа крестьян принимать их в качестве платы за свои продукты. «Мотыльки» и «пензенки» внесли еще большую пестроту в обращение и не смогли утолить денежный голод⁶³.

25 июля 1919 г. Малая коллегия НКФ рассматривала вопрос о выпуске купюр достоинством в 5 000 и 10 000 руб. Представленный на заседании рисунок в техническом отношении был утвержден, но коллегия постановила новые расчетные знаки в обращение не выпускать, а вопрос перенести на решение СНК⁶⁴. Таким образом, НКФ не спешил с отправкой в оборот очередной партии совзнаков, однако

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 11. Л. 2 – 3.

⁶³ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 121 – 122.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 149. Л. 6.

осенью 1919 г. вынужден был вернуться к этой проблеме. В республике обострился денежный голод, к которому прибавился очередной виток разменного кризиса. Не хватало дензнаков как крупных, так и мелких достоинств⁶⁵. Разменный кризис явился прямым следствием того, что «мотыльки» к осени 1919 г. по своей реальной стоимости превратились в совершенно ничтожную величину. Их место должны были занять дензнаки более крупных достоинств⁶⁶.

29 сентября 1919 г. коллегия НКФ поручила И.А. Познеру разработать проект декрета о выпуске купюр достоинством в 5 000 и 10 000 руб. и расчетных знаков в 15, 30 и 60 руб. 3 октября 1919 г. проект был готов для передачи в СНК⁶⁷.

21 октября 1919 г. Н.Н. Крестинский представил в Совнарком описание государственных кредитных билетов в 5 000- и 10 000-рублевого достоинства образца 1918 г. и расчетных знаков 15-, 30- и 60-рублевого достоинства образца 1919 г. Декрет о выпуске новых денежных знаков был утвержден. Одновременно Крестинскому поручалось «опубликовать за подписью ответственного лица балльную оценку новых денежных знаков и керенок»⁶⁸.

В декрете от 21 октября 1919 г. говорилось, что «расчетные знаки Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» достоинством в 15, 30, 60 руб. и кредитные билеты достоинством в 5 000 и 10 000 руб. выпускаются в целях увеличения в обращении количества денежных знаков мелких достоинств⁶⁹ и облегчения крупных расчетов⁷⁰.

На новых купюрах образца 1919 г. на лицевой стороне был помещен герб РСФСР в упрощенном исполнении, а также надпись: «Подделка расчетных знаков преследуется по закону». Они, как и «мотыльки», получили название расчетных знаков и выпускались листами по 10 штук. На новых деньгах, чтобы повысить их авторитет среди населения, впервые была выполнена надпись: «Обеспечива-

⁶⁵ Декреты Советской власти. Т. 6. М., 1973. С. 214.

⁶⁶ Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. С. 49 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 122.

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 148. Л. 23, 25 ; Д. 150. Л. 77.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 19. Оп.1. Д. 322. Л. 3, 23 – 26, 29 – 34, 36.

⁶⁹ В «Собрании Узаконений» и декрете, утвержденном на заседании СНК 21 октября 1919 г., было указано «средних достоинств». (См.: Собрание Узаконений. № 52. Ст. 506 ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп.1. Д. 322. Л. 36.)

⁷⁰ Декреты Советской власти. Т. 6. С. 214.

ется всем достоянием Республики»⁷¹. Кредитные билеты в 5 000- и 10 000-рублевого достоинства образца 1918 г. имели более высокую степень защиты, чем расчетные знаки 1919 г. В частности, на них была восстановлена так называемая орловская сетка⁷².

Очередное вливание в обращение денежных знаков ослабило напряжение лишь на время. Зимой 1920 г. денежный голод вновь обостряется. Наркомфин был готов к такому развитию ситуации и не прекращал подготовку к новым эмиссиям. Уже 29 октября 1919 г., т.е. через 8 дней после выпуска в обращение очередной партии совзнаков, коллегия НКФ обсуждала вопрос о надписях и подписях на изготавливаемых расчетных знаках в 100-, 200-, 500-рублевого и кредитных билетах 5 000- и 10 000-рублевого достоинств. Было решено поставить на них год (1919 г.) и подписи народного комиссара финансов и кассира. Кроме того, постановили сделать на купюрах надписи на русском, немецком, французском, английском, китайском и арабском языках⁷³.

1 марта 1920 г. С.Е. Чуцкаев направляет в СНК записку «Причины выпуска новых денежных знаков». Объясняя необходимость очередной эмиссии, заместитель наркома финансов утверждал, что основной тип денежных знаков, выпускавшихся до сего времени, по форме и содержанию не соответствует как фактическим условиям денежного обращения, так и принципам нового строя. Это относится не только к «царским», но и к «пензенкам». Не существует упомянутого в тексте на дензнаках образца 1918 г. Государственного банка и размена на золото. Анахронизмом является и само название «кредитный билет», как предполагающее возможность размена на деньги, обладающие реальной ценностью. Кроме того, «пензенки» являются технически несовершенными и слабо защищенными от подделки. Наркомфин подготовил к выпуску новые денежные знаки под наименованием «расчетные знаки РСФСР». Они достаточно защищены, на них напечатан лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь» на семи языках (русском, немецком, французском, итальянском, английском, китайском и арабском), вместо грифа управляющего банком стоит подпись наркома финансов и отсутствует указание на размен расчетных знаков на золото⁷⁴.

⁷¹ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 52 – 53.

⁷² История Министерства финансов России. Т. 2. С. 122.

⁷³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 151. Л. 3.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 353. Л. 57.

4 марта 1920 г. после доклада Н.Н. Крестинского СНК утвердил декрет «О выпуске в обращение новых денежных знаков»⁷⁵. В декрете говорилось, что денежные знаки образца 1919 г. под наименованием «расчетные знаки Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» достоинством в 100, 250, 500, 1 000, 5 000, 10 000 руб. выпускаются в целях дальнейшей замены обращающихся в стране денежных знаков различных образцов знаками, соответствующими по своему внешнему виду новым советским формам государственного строя России. Денежные знаки старых образцов сохраняют платежную силу и имеют хождение наравне с вновь выпущенными расчетными знаками до специального постановления СНК⁷⁶.

9 марта 1920 г. С.Е. Чуцкаев разослал всем губфинотделам радиотелеграмму, в которой разъяснял: «Старые знаки сохраняют свою силу наравне с новыми до особого постановления Правительства»⁷⁷.

Расчетные знаки, появившиеся в марте 1920 г., в целом были аналогичны выпускам осени 1919 г. Их отличительной особенностью становится появление надписи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на шести иностранных языках (английском, немецком, французском, итальянском, китайском и арабском). Почти единственной защитой новых купюр служил водяной знак на белом фоне⁷⁸.

Осенью 1920 г. вновь стала ощущаться нехватка денежных знаков мелких достоинств. Республику поразила очередной разменный кризис. 24 ноября 1920 г. С.Е. Чуцкаев направил в СНК проект декрета о выпуске новых денежных знаков мелких достоинств вместе с объяснительной запиской. Заместитель наркома утверждал, что спрос на мелкие знаки возрос со стороны окраин, в частности Туркестана, где предстоит деноминация совзнаков. Кроме того, купюры небольших достоинств производятся (за исключением расчетных знаков 15-, 30-, 60-рублевого достоинства) в ограниченном количестве ввиду относительно сложной техники их печатания по сравнению с низкой ценностью. Изготовление новых образцов предлагалось значительно упростить, печатая простым типографским способом в одну краску⁷⁹.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 353. Л. 6, 59.

⁷⁶ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1974. С. 298 – 299.

⁷⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 88, 95.

⁷⁸ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 53 – 54 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 122.

⁷⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 259.

26 ноября 1920 г. Малый Совнарком единогласно принимает декрет о выпуске в обращение расчетных знаков РСФСР образца 1920 г. достоинством в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 руб. Как и в предыдущем декрете от 4 марта 1920 г., в данном законодательном акте указывалось, что денежные знаки старых образцов сохраняют платежную силу и имеют хождение наравне с вновь выпущенными до специального постановления СНК⁸⁰.

По оформлению новые деньги очень походили на расчетные знаки, появившиеся в феврале 1919 г. Фактически это был второй выпуск «мотыльков». Отличались совзнаки образца 1920 г. текстом. Вместо надписи «Обязателен к обращению наравне с кредитными билетами» на них значилось: «Обеспечивается всем достоинством Республики»⁸¹.

Кроме производства собственных дензнаков, большевики в 1917 – 1920 гг. продолжали печатать кредитные билеты, выпускавшиеся до Октябрьской революции. Деньги царского и Временного правительств также были поставлены на службу новой власти, став весьма эффективным оружием в руках большевиков. Деньги дооктябрьских образцов принимались населением по всей территории бывшей империи и повсеместно ценились выше, чем любые денежные знаки, выпускавшиеся местными правительствами. Москва пользовалась этим для решения своих как экономических, так и политических задач. Причем «агентурой» большевиков становится армия мешочников, с которой Советская власть на своей территории вела непримиримую борьбу. С их помощью по тылам враждебных Москве режимов распространялись печатавшиеся в огромных количествах дореволюционные дензнаки. Это приводило к тому, что разрушалось денежное обращение антисоветских режимов. Все попытки противников большевиков хотя бы стабилизировать эту область финансового хозяйства разбивались о потоки ничем не обеспеченных дензнаков, эмитированных Москвой. С помощью «экспорта инфляции» Советская власть вела экономическую войну со своими врагами.

При этом в период наибольших успехов белогвардейцев финансовое положение антисоветских режимов не улучшалось, а ухудшалось. Белые армии занимали районы, переполненные раз-

⁸⁰ Декреты Советской власти. Т. 11. М., 1983. С. 273 – 274 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 107.

⁸¹ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 50.

нообразными дензнаками как советскими, так и дореволюционными. И вся эта бумажная масса немедленно разрушала собственное денежное обращение антибольшевистских правительств. Таким образом, большевики превратили эмиссию в один из элементов Гражданской войны, а деньги, в том числе и дооктябрьских образцов, стали еще одним весьма действенным оружием в борьбе с противниками Советской власти.

При использовании дензнаков, выпускавшихся до Октябрьской революции, Советское правительство учитывало отношение к ним населения. В первую очередь это касалось «керенок» и «царских» денег. Наибольшую ценность для жителей бывшей империи представляли «романовские» кредитки. Поэтому большевики старались использовать их для решения самых значимых экономических и политических задач. «Рядовым бойцом» на денежном фронте стали «керенки». Их производство в отличие от «царских» кредиток не требовало больших технических и финансовых затрат, что давало возможность выпускать эти дензнаки в огромных количествах.

Масштабы эмиссии «керенок» были таковы, что в 1918 – 1919 гг. в Зауралье ходили слухи о передвижных фабриках, печатавших эти дензнаки в вагонах поездов, входивших в состав красных войск. Панические настроения охватили и правительство Колчака, считавшее, что большевики к апрелю 1919 г. выпустили «керенок» на 80 млрд руб. Однако такие предположения значительно преувеличены. По официальным данным НКФ, к концу 1920 г. керенок было выпущено в обращение на сумму 38,7 млрд руб.⁸²

Министерство финансов Колчаковского Всероссийского Временного правительства прекрасно осознавало всю опасность, исходившую от казначейских знаков 1917 г., и приняло решение в срочном порядке изъять их из обращения. С 15 мая 1919 г. на подконтрольной Колчаку территории начался обмен «керенок» на сибирские денежные знаки⁸³.

После прихода к власти большевики не отказались от эмиссии и «царских» кредитных билетов. Однако масштабы их производства, несмотря на самую высокую популярность у населения «романовских» купюр, были значительно скромнее, чем «керенок». Главным сдерживающим фактором для ЭЗГБ явилось то, что изготовле-

⁸² Алямкин А.В., Баранов А.Г. История денежного обращения в 1914 – 1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 190, 193 – 196.

⁸³ Там же. С. 197 – 206.

ние «царских» денег было сопряжено с большими материальными и финансовыми затратами. Именно сложное техническое исполнение купюр не позволяло довести производство «романовских» кредиток до масштабов выпуска «керенок» и совзнаков.

Осенью 1918 г. большевикам пришлось увеличить выпуск «николаевских» денежных знаков. С 15 сентября 1918 г. ежедневная средняя производительность ЭЗГБ по «царским» купюрам составляла: кредитных билетов достоинством в 1 руб. – 500 тыс. экземпляров, 3 руб. – 290 тыс., 5 руб. – 550 тыс., 25 руб. – 55 тыс., 50 руб. – 7 тыс., 100 руб. – 20 тыс. и 500 руб. – 21 тыс. Увеличение производительности Экспедиции было обусловлено несколькими обстоятельствами. Одно из них вытекало из условий «Русско-германского финансового соглашения», заключенного 27 августа 1918 г. и являвшегося дополнением к Брест-Литовскому мирному договору. Россия должна была уплатить Германии 6 млрд марок. Конtribusiю предполагалось направить в Берлин поэтапно пятью траншами. Первый из них требовалось отправить не позднее 10 сентября 1918 г. Он состоял из 43 860 кг чистого золота и 90,9 млн руб. кредитными билетами, причем большую часть суммы, а именно 60 млн руб., составляли «царские» купюры достоинством в 50, 100 и 500 руб., остальные 30,3 млн руб. – «думские» деньги в купюрах 250 и 1 000 руб. До конца сентября 1918 г. Советское правительство отправило в Берлин еще один транш: 50 675 кг золота и 113,635 млн руб. кредитными билетами (75,757 млн руб. в «царских» купюрах по 50, 100 и 500 руб. и 37,878 млн руб. «думскими» деньгами). Всего Германия получила 94 535 кг чистого золота и на 203,635 млн кредитных билетов (на долю «романовских» пришлось 135,757 млн руб.). Некоторые исследователи называют такую часть «бумажных» выплат Советской России «гигантской суммой», что является большим преувеличением. Чтобы напечатать указанную сумму в «романовских» купюрах, ЭЗГБ требовалось всего около 10 дней. «Думских» же денег только в сентябре 1918 г. было выпущено в обращение на 1,473 млрд руб. Изготовить 68 млн руб. для отправки в Германию Экспедиция могла всего за один день работы⁸⁴.

⁸⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 445 – 453 ; Сироткин В. Зарубежное золото России. М., 1999. С. 107 ; Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914 – 1925 гг. / под ред. Л.Н. Юровского. М., 1926. С. 160 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 61 – 62.

Всего за 1918 г. ЭЗГБ изготовила «романовских» купюр на сумму свыше 6 млрд руб. Более трети – 2,707 млрд руб. – приходилось на долю кредитных билетов 500-рублевого достоинства образца 1912 г. Реально в обращение было выпущено «царских» денег на общую сумму чуть более 5 млрд руб. Изготовлением дензнаков, помимо Петроградской фабрики, занимались также Московская, Пензенская и Пермская. Однако «романовские» купюры печатали только в Петрограде и Москве⁸⁵.

Большевики активно использовали «царские» деньги для организации борьбы со своими врагами на протяжении всей Гражданской войны. Ими снабжались части Красной Армии, прифронтовые советские органы, а также большевистское подполье для организации разведывательной и революционной работы на территории противника⁸⁶.

По свидетельству секретаря ЦК РКП(б) Е.Д. Стасовой, осенью 1919 г. в связи с крайне тяжелой обстановкой на фронтах не исключалось, что партии вновь придется уйти в подполье. На всякий случай советское руководство позаботилось о паспортах для всех членов ЦК, а также о том, чтобы обеспечить партию материально. С этой целью было напечатано большое количество «екатеринок», 100-рублевых «романовских» билетов с портретом Екатерины Великой. Их поместили в специально изготовленные оцинкованные ящики и передали на хранение в Петроград Н.Е. Буренину. Он закопал их под городом, в районе Лесного, а впоследствии, когда Советской власти уже ничего не угрожало, даже сфотографировал раскопку⁸⁷.

В 1919 – 1920 гг. спрос на «романовские» кредитные билеты значительно вырос. Единовременные субсидии «царскими» деньгами получали самые разные организации и учреждения: Всероссийский центральный союз потребительских обществ, наркоматы путей сообщения, иностранных дел, внешней торговли, полномоч-

⁸⁵ Наше денежное обращение. С. 76 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 62 – 63.

⁸⁶ Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и Гражданской войны (1918 – 1920). М., 1968. С. 259 ; Дальневосточная политика Советской России (1920 – 1922 гг.): Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета. Новосибирск, 1996. С. 114 ; Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 2. М., 1992. С. 308, 310.

⁸⁷ Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 157 – 158.

ный представитель Российской Республики в Бухаре, председатель делегации Хорезмской Республики Баба-Ахун-Селимов и т. д.⁸⁸

Несмотря на экономическую блокаду, Советская Россия вела внешнюю торговлю через различные организации и в первую очередь потребительскую кооперацию. Активно использовались «николаевские» деньги для закупок товаров, особенно на рынках Ближнего и Среднего Востока.

Царские кредитные билеты котировались на восточных рынках выше, чем совзнаки. Так, в телеграмме из Ташкента на имя В.И. Ленина от 10 ноября 1919 г. указывалось, что для торговли с Бухарой и Афганистаном необходимо присылать «царские» и «думские» деньги. В Бухаре 500 руб. образца 1912 г. оценивались тогда в 1500 руб. «керенками», а 100 руб. образца 1910 г. – в 400 руб. В Китае «царский» рубль котировался в 16 коп. золотом, «керенский» – в 14 коп., а туркестанский – в 1 коп.

К концу Гражданской войны курс русских денег, в том числе и «царских», значительно понизился. Уполномоченный отдела Внешторга Наркомата внешней торговли в Туркестане отмечал, что к марту 1921 г. на рынках «сопредельных стран», т.е. Афганистана, Персии, Китая и Бухары, «денежные знаки образца 1918 и 1919 гг. почти совершенно не котируются или расцениваются до того низко (приблизительно в 1/10 000 золотой копейки), что их выпуск на рынок совершенно невозможен». По-прежнему «выше всего» расценивались билеты в 500 руб. образца 1912 г., но и они к тому времени упали в цене и стоили в Афганистане 16 – 18 рупий, в Китае 3 – 4 тезы за 1 000 руб. Такое понижение курса русских денег, по мнению уполномоченного Наркомата внешней торговли, привело к тому, что «...закупки на нашу бумажную валюту до того удорожают приобретаемый нами товар, что операции вообще теряют для нас всякий смысл»⁸⁹.

Крупные суммы «романовскими» кредитками отпускались Советским правительством на поддержку компартий и реализацию идеи мировой революции. За финансовой поддержкой в 1919 г. неоднократно обращался лидер венгерских коммунистов Б. Кун.

⁸⁸ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 65.

⁸⁹ Макеев Д.А. Внешнеторговые связи Советской России со странами Ближнего и Среднего Востока в 1917 – 1922 годах // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 21 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 66, 68 – 69.

Средства в «николаевских» купюрах отпускались в 1919 – 1920 гг. идеологическим союзникам большевиков на Балканах, в Польше, Финляндии и т.д.⁹⁰

На подпольном валютном рынке эпохи Гражданской войны «царские» кредитные билеты котировались намного выше, чем любые другие виды денежных знаков. Такая картина наблюдалась по всей стране независимо от существующего в данной местности режима. Лаж на «николаевские» появился в годы Первой мировой войны и сохранялся весь период военного коммунизма. Он варьировался в зависимости от местных условий. В Петрограде в первой половине 1920 г. за «царскую» купюру в 500 руб. давали 8 000 руб. совзнаками, за «катеньку» (100 руб.) – до 1 500 руб. За «думские» деньги переплачивали в шесть раз, за «керенки» в три раза. В октябре 1920 г. 1 000 руб. «царскими» деньгами в купюрах по 500 руб. оценивались уже в 60 – 75 тыс. руб. совзнаками и в 4 000 – 4 600 руб. «керенками». Товары продавались за деньги старых выпусков дешевле, чем на совзнаки. Так, в Лужском уезде соль, керосин, муку, масло можно было купить на «царские» в 40 раз дешевле, чем на все прочие деньги⁹¹. На Дальнем Востоке в июле 1920 г. за один «николаевский» билет достоинством в 500 руб. давали 3 доллара, за 100 руб. – 70 центов. В то же время за 4 тыс. руб. совзнаками можно было получить лишь 1 доллар⁹².

Повышенный спрос на «романовские» кредитки подстегивали и эмигранты, которые скупали «царские» деньги перед тем как покинуть Россию. Кроме того, «николаевки» были необходимы для тех, кто вел торговлю со вновь образовавшимися на западной границе государствами: Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, где до появления своей валюты обращение состояло преимущественно из российских знаков дореволюционных образцов⁹³.

«Царские» дензнаки производились до 1922 г. Всего с ноября 1917 г. по 1922 г. в обращение было выпущено около 13 млрд «николаевских» рублей. До 1919 г. большевики печатали «царские» купюры всех достоинств, в 1920 г. – преимущественно 100- и 500-рублевые,

⁹⁰ Коминтерн и идея мировой революции. Документы / отв. ред. Я.С. Дабкин. М., 1998. С. 79, 82, 120, 143, 150 – 154 ; Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб. ; М., 2002. С. 363 – 367 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 67 – 68.

⁹¹ Атлас З.В. Социалистическая денежная система. М., 1969. С. 121 – 122.

⁹² Дальневосточная политика Советской России (1920 – 1922 гг.). С. 108 – 109.

⁹³ Наше денежное обращение. С. 17.

а позже – исключительно кредитные билеты в 500 руб. образца 1912 г. Такая структура выпуска объясняется как ростом инфляции, так и увеличением затрат на производство «николаевских» рублей⁹⁴.

Деятельность большевиков в области денежного обращения определялась одной главной задачей – победой в Гражданской войне. Для ее решения Советское правительство использовало все возможные средства. После попыток в 1918 г. стабилизировать валюту большевики пришли к выводу, что в условиях начавшейся Гражданской войны достичь этого не удастся. В 1919 г. они встают на путь чисто эмиссионного хозяйства. При этом Советское правительство, с одной стороны, проявляя прагматический и рациональный подход в области денежного обращения, сумело максимально использовать в своих интересах все мощности находившейся в их полном распоряжении ЭЗГБ. В конечном итоге оказалось, что падающая валюта независимо от типов дензнаков «воевала» на стороне большевиков. С другой стороны, такая политика вполне вписывалась в теоретический постулат правящей партии о постепенном отмирании денег при переходе к социализму. Поэтому в отличие от своих политических противников большевиков не пугало катастрофическое падение покупательной способности рубля. Они воспринимали это как естественный процесс, предсказанный еще классиками марксизма.

Однако у безудержной инфляции оказалась и обратная сторона медали: государственное хозяйство Советской республики теряло единицу учета. Падающий рубль перестал выполнять одну из своих основных функций – мерила эффективности производства и распределения.

В 1919 г. в Советской республике наблюдалось резкое ускорение темпа обесценения дензнаков. В первой половине года количество бумажных денег, выпущенных в обращение, увеличилось на 63,7 %. Во второй половине 1919 г. темп эмиссии вырос почти в 2 раза. Количество выпущенных в обращение денег возросло на 124,4 %. Такая же тенденция сохранилась и в 1920 г. Полугодовой темп выпуска дензнаков увеличился до 127 – 128 %. С начала 1920 г. масса бумажных денег в обращении растет в среднем на 1/4 – 1/3 ежемесячно. Одновременно последовал еще больший скачок общего уровня товарных цен. В первой половине 1919 г. он был в 32 – 33 раза выше, чем в первой половине 1914 г., во второй половине 1919 г. – в 65 раз.

⁹⁴ Ходяков М.В. Указ. соч. С. 69 – 70.

В 1920 г. товарные цены росли еще быстрее. В первой половине 1920 г. они были выше уровня цен первой половины 1914 г. в 147 раз, а во втором полугодии в 324 раза. В середине 1919 г., когда обесценение рубля стало приобретать обвальный характер, возникает проблема трудности учета в государственном хозяйстве, и особенно в области национализированной промышленности⁹⁵.

В марте 1919 г. при НКФ был образован Институт экономических исследований. Курировали его работу Ф.Ф. Сыромолотов, Д.П. Боголепов и А.И. Потяев⁹⁶. Всероссийский совет народного хозяйства обратился к только что созданному институту с просьбой представить свои соображения относительно методов организации учета в сложившихся условиях⁹⁷.

Одновременно эта же проблема стала разрабатываться и в главном хозяйственном ведомстве республики. Начиная со второй половины 1919 г. в среде, главным образом, членов президиума ВСНХ появляются проекты перехода к трудовой единице измерения ценностей⁹⁸.

Специалисты, сотрудничавшие с Институтом экономических исследований НКФ, отнеслись к созданию трудовой единицы учета скептически. Так, в своем докладе, прочитанном 15 сентября 1919 г., С.В. Воронин утверждал, что социалистическое хозяйство, построенное на противоположных капиталистическому началах государственной собственности на средства производства и централизованного руководства промышленной работой, «по-видимому, не нуждается в денежном механизме для своего оборота и должно отвергать значение цены как регулирующего фактора народно-хозяйственной жизни». Но и для нового экономического строя необходима какая-то единица учета. «В соответствии с общим трудовым характером социалистического общества, – полагал С.В. Воронин, – такая единица естественно представляется связанной с человеческим трудом, и именно в этом направлении работает над ее конструированием социалистическая мысль»⁹⁹.

⁹⁵ Денежное обращение и кредит. Т. 1 : Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914 – 1921 гг.). Пг., 1922. С. 3 – 4.

⁹⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 148. Л. 3, 4.

⁹⁷ Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 3.

⁹⁸ Там же. С. 458 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 88.

⁹⁹ Воронин С.В. Счетоводство государственных предприятий при падающем курсе рубля // Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 240.

Далее докладчик указал на то, что прогрессирующее падение покупательной силы бумажного рубля заставляет обратиться к вопросу о реорганизации учета и начать обсуждение возможности воспользоваться единицей ценности, так или иначе связанной с трудом. Отдав должное теоретическим рассуждениям, С.В. Воронин приходит к выводу, что в настоящее переходное время, когда еще не произошло полного обобществления хозяйства страны, введение трудовой единицы измерения ценностей невозможно ¹⁰⁰.

Однако на рубеже 1919 – 1920 гг. в связи с крайним расстройством денежного обращения правительство укрепило в мысли о скором уничтожении денег и замене их в государственном хозяйстве трудовой единицей ¹⁰¹.

В январе 1920 г. вопрос о безденежном учете был поднят на III съезде советов народного хозяйства. По этой проблеме не было принято никакой резолюции, однако в одном из тезисов доклада о финансировании национализированной промышленности говорилось: «Ввиду чрезвычайной неустойчивости денежной единицы (рубля) для учета хозяйственных операций необходимо поставить задачу хозяйственно-учетным органам об установлении твердой учетной единицы в хозяйстве и бюджете страны, взяв за основание измерения единицу труда». После съезда финансово-счетный отдел ВСНХ организовал изучение этого вопроса в специальной комиссии под председательством С.Г. Струмилина ¹⁰².

Таким образом, идея упразднения денежного обращения, смутно сформулированная во второй половине 1918 г. и не имевшая тогда конкретного содержания, получила к началу 1920 г. «более или менее положительные очертания» ¹⁰³.

В то время как Гражданская война близилась к концу, в академических и ведомственных кругах шла разработка вопроса о методах учета для советской хозяйственной системы после полной ликвидации денежного обращения. Проблемой введения безденежного учета в течение 1919 – 1921 гг. занимались наркоматы земледелия, финансов, ВСНХ, а также представители научной общест-

¹⁰⁰ Воронин С.В. Указ. соч. С. 241, 245, 247 – 249.

¹⁰¹ Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 4 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 124 ; Альский М. Указ. соч. С. 36.

¹⁰² Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 458 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 88 ; Финансовая политика Советской власти за 10 лет. М. ; Л., 1928. С. 41.

¹⁰³ Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 458.

венности: А.Л. Вайнштейн, Ю.Е. Варга, Х. Креве, С. Клепиков, В. Сабарьянов, М. Смит, С.Г. Струмилин, А.В. Чаянов, К.Ф. Шмелёв¹⁰⁴.

Весной 1920 г. было решено создать при Институте экономических исследований НКФ особую комиссию по вопросам денежного обращения. Проект ее организации и первая программа были подготовлены профессором М.И. Фридманом. Под его председательством комиссия начала свою работу 30 апреля 1920 г. Но летом 1920 г. Фридман заболел и вскоре скончался. Руководство перешло к профессору В.Я. Железнову.

Предполагалось обсудить широкий круг проблем, касавшихся денежного обращения, ценообразования, законов эмиссионного хозяйства, и в том числе вопрос о трудовой единице учета. В работе комиссии принимали участие известные ученые С.А. Фалькнер, З.С. Каценеленбаум, М.И. Фридман, Е.С. Лурье, Н.Н. Кутлер, С.А. Первушин, С.В. Воронин, В.Я. Железнов, О.Ю. Шмидт, Е.С. Евгеньев, П.П. Гензель, Л.А. Лунц, Н.Н. Любимов, А.А. Соколов¹⁰⁵.

Ориентация Советской власти в сторону упразднения бумажных денег породила множество проектов введения новых счетных единиц. В частности, в качестве эквивалента стоимости выдвигались идеи использовать хлеб и соль. Но в академических кругах шла разработка вопроса о создании «трудовых денег»¹⁰⁶. В течение 1919 – 1921 гг. было предложено несколько схем счетной единицы с различными названиями «энед», «трудо-час», «трудо-день»¹⁰⁷.

Ведущую роль в деле подготовки нового эквивалента ценностей играл Наркомат финансов. 26 января 1921 г. по представлению НКФ Малый СНК вынес обширную резолюцию по вопросу о разработке основ материального учета, где предлагалось «безотлагательно приступить к разработке счетной единицы, как общего мерила оценки, наиболее соответствующей трудовому строю». Эта задача возлагалась на Наркомфин¹⁰⁸.

Созданием новой счетной единицы занималась валютная подкомиссия при межведомственной «Комиссии НКФ по подготовке реформы по материализации бюджета и по выработке нового цен-

¹⁰⁴ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 88, 90.

¹⁰⁵ Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 4 – 8.

¹⁰⁶ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 122.

¹⁰⁷ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 95 – 122.

¹⁰⁸ Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. С. 50 – 51 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 88.

ностного измерителя». Здесь же были разработаны проекты декрета и положения «О трудовой единице учета в государственном хозяйстве РСФСР»¹⁰⁹.

Предлагалось с 1 января 1922 г. установить единую для всех отраслей государственного хозяйства и управления трудовую единицу учета, которая равнялась одному нормальному дню труда рабочего 1 тарифного разряда при выполнении им нормы выработки или задания в 100 %. «Означенная единица измерения труда называется «трудо-вой единицей», или «тредом», и обозначается «тред»»¹¹⁰.

Рабочая группа валютной подкомиссии обсудила и приняла проект декрета, составленный С.Г. Струмилиным. Положение «О трудовой единице учета в государственном хозяйстве РСФСР», подготовленное К.Ф. Шмелёвым и принятое рабочей группой, не успела рассмотреть валютная подкомиссия, поэтому одобрены были только первые пять параграфов проекта¹¹¹.

Однако разработка новой единицы учета запоздала. Ситуация в Советской республике радикально изменилась. В марте 1921 г. в экономической политике большевиков произошел крутой поворот. Теперь настоятельной необходимостью стало не введение «треда», а налаживание нормального денежного обращения.

13 мая 1921 г. с докладом «Основные вопросы учета в государственном хозяйстве пролетариата» на заседании секции по денежному обращению Института экономических исследований НКФ выступил К.Ф. Шмелёв. Одновременно на обсуждение были вынесены проекты декрета и положения «О трудовой единице учета в государственном хозяйстве РСФСР». По докладу и представленным документам Институт экономических исследований дал свое заключение. В нем говорилось, что выработка новой счетной единицы требует больших и сложных подготовительных работ, которые «независимо от своего основного назначения имеют громадную самостоятельную ценность для учета материального бюджета и нормализации производства». Таким образом, отдавалось должное проделанной работе. Однако, по мнению специалистов, «урегулирование денежного обращения представляет собою самостоятельную государственную задачу, разрешение которой стоит вне зави-

¹⁰⁹ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 88.

¹¹⁰ Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 414 – 416.

¹¹¹ Там же. С. 414, 415.

симости от установления в государственном хозяйстве трудового учета»¹¹². Из заключения Института экономических исследований следовало, что основное внимание правительство должно уделить не замене денег на новую счетную единицу, а стабилизации рубля.

2.2. Особенности денежного обращения. Проблема распределения денег

Со вступления России в Первую мировую войну экономика страны существовала в условиях «падающей валюты». Процесс обесценения рубля постепенно развивался при царском режиме, резко ускорился при Временном правительстве и достиг своего пика при большевиках. Инфляция породила весьма специфические черты денежного обращения, которые оказывали серьезное влияние на финансовое положение страны в 1917 – 1920 гг.

Одним из признаков разложения денежного обращения России становится разница между официальным и рыночным курсом различных образцов денежных знаков. В экономической и исторической литературе такое явление получило название денежный лаж.

После своего прихода к власти большевики застали бумажные деньги трех видов: «царские», «думские» и «керенки». Первые полтора года Советская власть выпускала только эти образцы кредитных билетов¹¹³. Но уже в 1917 г. большевистское правительство столкнулось с лажем на отдельные виды денег, и в первую очередь на «царские», которые особенно ценились, и на «керенки». Одной из причин возникновения лажа явилась неуверенность населения в прочности нового режима¹¹⁴. Кроме того, мероприятия большевиков по «национализации», «конфискации» и «аннулированию» ценных бумаг, казалось, оправдывали предположения населения о возможности изъятия из обращения тех или иных видов бумажных денег, что непосредственно влияло на рыночную котировку

¹¹² Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 423.

¹¹³ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 25.

¹¹⁴ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 80 ; Каценеленбаум З.С. Денежное обращение в России 1914 – 1924. С. 77.

различных купюр. Следовательно, в основе появления лажа лежало невежество и необоснованные страхи населения ¹¹⁵.

В период полномасштабной Гражданской войны с проблемой различных котировок разных видов дензнаков сталкивались все политические режимы, появившиеся на территории бывшей империи. Практически любые деньги или их суррогаты, оказавшиеся в обращении, получали на вольном рынке свою неофициальную стоимость. На цену дензнаков оказывало влияние большое количество факторов: 1) прочность политического режима в связи с его успехами или неудачами на фронтах; 2) хозяйственные и географические особенности региона, где выпускались или имели хождение дензнаки; 3) финансово-экономическая политика местных властей; 4) качество и количество эмитируемой валюты; 5) насыщенность местного рынка теми или иными видами дензнаков; 6) острота денежного голода; 7) наличие или отсутствие разменного кризиса; 8) физический износ купюр; и т.д. Ни один политический режим, существовавший в период Гражданской войны в России, не мог учесть всех обстоятельств, влиявших на рыночную стоимость денег на его территории. Остается удивляться, каким образом с этим морем дензнаков и курсов справлялись рыночные торговцы и мешочники.

Лаж породил специфическое строение денежной массы, которое станет характерным для всего периода 1918 – начала 1921 г. Одни «деньги» использовались как товар и средство накопления, другие – как орудие обращения ¹¹⁶. Бумажные дензнаки с более или менее устойчивой ценностью поступали на хранение, а каналы обращения заполнялись обесценивающимися «худыми» деньгами, задерживать которые никто не был заинтересован ¹¹⁷. В результате «лучшие» денежные знаки исчезли из обращения, что приводило к усилению денежного голода. Это явление наблюдалось на всей территории России независимо от политического режима, установившегося в той или иной ее части ¹¹⁸.

Причины, по которым население в 1918 – 1920 гг. относило одни дензнаки к «хорошим», а другие к «плохим», лежат в тех хо-

¹¹⁵ Каценеленбаум З.С. Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. М., 1918. С. 15.

¹¹⁶ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 25.

¹¹⁷ Преображенский Е. Указ. соч. С. 68.

¹¹⁸ Соколов А.А. Обесценение денег, дороговизна и перспективы денежного обращения в России. Екатеринодар, 1920. С. 115, 119.

зяйственно-политических условиях, которые породила Гражданская война. В первую очередь, это касается кредитных билетов дооктябрьских образцов. Несмотря на изменения политической конъюнктуры, население России было заинтересовано в сохранении единого экономического пространства бывшей империи ¹¹⁹. Хозяйственные связи между различными регионами страны, даже в условиях Гражданской войны, не прерывались. Денежные знаки дооктябрьских образцов обслуживали этот межрегиональный товарообмен и имели хождение по всей стране независимо от политического режима. Кроме того, сохраняя про запас «лучшие» деньги, население страховало свои накопления от смены власти, что на протяжении 1918 – 1920 гг. в отдельных местностях происходило неоднократно.

В течение Гражданской войны наиболее востребованными общероссийскими эквивалентами становятся кредитные билеты, появившиеся до Октябрьской революции: «царские», «керенки» и «думские». В некоторых регионах России такие же функции выполняли выпущенные в обращение денежные суррогаты: облигации «Займа Свободы», купоны государственных процентных бумаг и серии Государственного казначейства.

Каждый район бывшей империи имел свои особенности в строении денежной массы, что порождало крайнее разнообразие в предпочтении населения в тех или иных образцах денежных знаков. Например, на юге России «лучшими» деньгами считались царские кредитные билеты в 100 и 500 руб., за ними шли думские купюры в 1 000 и 250 руб. и третье место занимали краткосрочные обязательства Государственного казначейства вследствие того, что они принимались за границы. Однако рационального объяснения тому, что на юге России «романовские» сторублевки считались лучшими дензнаками, чем 500-рублевые билеты, или тому, что любой новый дензнак, перегнутый вдвое, ценился ниже неперегнутого, найти невозможно ¹²⁰.

В Средней Азии, помимо лажа на дореволюционные дензнаки, существовала различная оценка разных образцов советских денежных знаков ¹²¹. Здесь особо следует отметить крайне низкое качество туркестанских бон. 23 января 1920 г. из Ташкента в НКФ сооб-

¹¹⁹ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 117.

¹²⁰ Соколов А.А. Указ. соч. С. 115, 118.

¹²¹ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 80.

шалось, что для их печатания использовались краски для крыш и оберточная бумага. Вид бон был удручающий, а в банке вследствие быстрого физического износа этих купюр скапливались горы ветхих знаков¹²².

Наиболее ценными дензнаками население бывшей империи считало «царские» кредитные билеты. Феномен «романовских» денег зародился еще в 1917 г. Они стали первыми дензнаками, на которые появился лаж. В 1918 – 1920 гг. по всей территории России – от Балтики до Дальнего Востока – курс «романовских» кредитных билетов был заметно выше курса любой местной валюты. Кроме того, фактически уже никем не гарантированные «царские» дензнаки население более других стремилось использовать в качестве средства накопления. Авторитет «романовских» кредитных билетов был настолько высок, что именно их в качестве своей временной валюты предпочли молодые государства Прибалтики и Польша, образовавшиеся после распада Российской империи. Это увеличивало спрос на «царские» дензнаки в Советской России со стороны реэмигрантов и жителей приграничной полосы. Наркомфин вынужден был учитывать это обстоятельство и производить оплату (например, закупок сельхозпродуктов в районах Украины, пограничных с Польшей) «царскими» и «думскими» денежными знаками¹²³.

Денежные знаки старых образцов, наряду с золотом в монетах и слитках, в 1918 – 1920 гг. становятся постоянным объектом спекуляции. Советское государство вело с этим явлением непримиримую борьбу. Декрет «О спекуляции», принятый 22 июля 1918 г., запрещал скупку, сбыт и хранение платины, серебра и золота под угрозой 10 лет лишения свободы, принудительных работ и конфискации имущества. Постановление Наркомфина от 3 октября 1918 г. требовало сдачи иностранной валюты в кредитную канцелярию НКФ по установленным ею курсам. Вывоз валюты за границу был возможен только по специальному разрешению финансового ведомства¹²⁴. Но, несмотря на все усилия большевиков, нелегальный валютный рынок продолжал свое существование.

¹²² Атлас З.В. Указ. соч. С. 69.

¹²³ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 117, 119 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 80.

¹²⁴ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 79.

Подпольные операции с иностранными деньгами и золотом совершались довольно широко на окраинах бывшей империи, но на большей части территории страны такие сделки играли незначительную роль. В быстро развивающейся системе натурального хозяйства золото было бесполезно. К тому же основная масса населения Советской республики, оторванной от других государств, не нуждалась в валюте, а золотая 10-рублевая монета на вольном рынке была очень крупной и неудобной денежной единицей. В центральных районах страны, там, где власть всегда находилась в руках большевиков, курсы золотых монет и валюты были относительно низкими по сравнению со стоимостью отдельных товаров и средним уровнем цен¹²⁵. Так, фунт стерлингов в Москве 24 января 1918 г. стоил 43 руб. «царскими» деньгами, 1 мая 1918 г. – 55 руб., в октябре 1918 г. – 60 – 70 руб. Таким образом, курс поднялся за год приблизительно на 100 %, а товарные цены за тот же период выросли почти на 600 %¹²⁶.

По приблизительным данным З.С. Каценеленбаума, к середине 1920 г. курс рубля по отношению к фунту стерлингов в Москве упал в 1 000 – 1 200 раз по сравнению с довоенным временем, а покупательная способность рубля по отношению к товарам – в 6 000 – 7 000 раз. Следовательно, внутреннее обесценивание рубля превышало его внешнее обесценивание в 6 раз. Однако З.С. Каценеленбаум считал, что с учетом падения покупательной способности фунта в Англии в 3 раза, превышение внутреннего обесценивания российских дензнаков над внешним составило около 100 %¹²⁷.

Спрос на иностранные деньги и золото поддерживался теми, кто стремился покинуть Советскую Россию, и вместе с эмигрантами эти деньги и золото «дрейфовали» к границам республики¹²⁸.

В начале 1920 г. подпольная биржа действовала в Москве в подворотнях на Ильинке. Здесь торговали всем, в том числе чеками на заграничные банки, иностранными деньгами, процентными бумагами¹²⁹. Однако в целом на протяжении 1918 – 1919 гг. иностранная валюта в подпольных операциях на территории Советской России играла подчиненную роль вследствие отсутствия внешнего

¹²⁵ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 80 – 81.

¹²⁶ Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России 1914 – 1924. С. 77.

¹²⁷ Там же. С. 77 – 78.

¹²⁸ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 81.

¹²⁹ Архив русской революции. Т. 1 – 2. М., 1991. С. 224.

товарооборота. Положение несколько изменилось в 1920 г., когда на западной и других границах республики стала развиваться контрабандная торговля¹³⁰.

Главным объектом купли-продажи в конце 1917 – начале 1921 г. на подпольном валютном рынке становятся русские бумажные денежные знаки. Сначала в нелегальном обороте вращались в основном дореволюционные кредитные билеты. С появлением в 1919 г. советских дензнаков купюры старых образцов стали исчезать из обращения и вскоре «царские», «керенки» и «думские» сами превратились в главный объект спекуляции. Совзнаки на черной бирже быстро падали в цене по отношению в первую очередь к «романовским» деньгам. К 1920 г. они обесценились по отношению к «николаевским» в 12 раз¹³¹. На подпольной бирже цена 1 000 руб. «царскими» доходила временами до 50 – 60 тыс. советскими дензнаками¹³². Это стимулировало расширение нелегального валютного рынка. В 1919 – 1920 гг. в НКФ поступали сведения, что в спекуляции «николаевскими», «керенками» и советскими денежными знаками принимали участие не только частные лица, но и различные учреждения¹³³.

В какой-то мере повышенный спрос на дореволюционные дензнаки внутри страны поддерживался по той причине, что они принимались за границу. Так, старые рубли в качестве денег Эстонии, Латвии, Литвы и Польши до тех пор, пока они не ввели свои собственные денежные единицы, котировались на некоторых иностранных биржах¹³⁴.

Различная цена отдельных видов русских денежных знаков внутри России отражалась на их стоимости за границей. В 1918 – 1920 гг. рубли в больших количествах завозились в Константинополь. Здесь принимались думские, царские, керенки, а также донские и украинские дензнаки, которые ценились намного ниже общероссийских, поскольку не имели хождения на других заграничных рынках. Причем более или менее охотно брали лишь новые билеты. Потертые, с изъяном или согнутые, если и принимались, то по пони-

¹³⁰ Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России 1914 – 1924. С. 75, 77.

¹³¹ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 26.

¹³² Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России 1914 – 1924. С. 77 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 119.

¹³³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 71 ; Д. 182. Л. 145, 146.

¹³⁴ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 80 ; Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России 1914 – 1924. С. 77.

женному курсу. Каждый пароход, прибывавший в Стамбул, обесценивал русские дензнаки на местном валютном рынке. Вместе с тем на более отдаленных от России биржах Парижа и Нью-Йорка курс «романовских» и «керенок» был выше, чем в Константинополе¹³⁵.

Большое распространение получило хождение русских дензнаков в Китае, Бухаре, Иране и Афганистане в связи с тем, что в Гражданскую войну на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии наблюдался широкий размах контрабандной торговли.

На русско-китайской границе, как с одной, так и с другой стороны, прекратила свою деятельность таможня. Росту торговли способствовало еще и то, что на приграничной территории обоих государств свободно обращались как русские, так и китайские денежные знаки. Российский рубль еще до 1917 г. являлся основной денежной единицей в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и оставался здесь в обращении вплоть до 1922 г. Наряду с «романовками», манжурский рынок наводнялся «керенками», «колчаковками», «буферками», выпускавшимися Дальневосточной республикой, а также местными «хорватовками», выпускавшимися КВЖД и Русско-Азиатским банком, и другими денежными знаками. На территории русских приграничных районов в больших суммах обращалась китайская валюта – серебряные и бумажные «даяны»¹³⁶. В Китае царский рубль котировался в 16 коп., керенский – 14 коп., туркестанский – 1 коп.¹³⁷

В Средней Азии для торговли с Бухарой, Ираном и Афганистаном широко использовались керенки. Однако восточные купцы отдавали предпочтение «думским» и «царским» деньгам. Заключение сделок с использованием этих дензнаков оказывалось более выгодным для советской стороны, чем с применением керенок. Поэтому Наркомвнешторг направлял ходатайства об обмене совзнаков на денежные знаки старого образца. В телеграмме из Ташкента от 10 ноября 1919 г. на имя Ленина указывалось, что для торговых отношений с Бухарой и Афганистаном необходима присылка «думских» и «царских» денег. В Бухаре 500-рублевый «романовский» кредитный билет стоил 1 500 руб., а 100-рублевый – 400 руб. керенками¹³⁸.

¹³⁵ Соколов А.А. Указ. соч. С. 101, 102, 108, 118.

¹³⁶ Складовский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917 – 1974). М., 1977. С. 31 – 32.

¹³⁷ Атлас З.В. Указ. соч. С. 69.

¹³⁸ Там же.

Следует отметить, что на рынке Средней Азии активно действовали индийские купцы и, как афганские, персидские и бухарские торговцы, скупали русские денежные знаки, причем предпочтение также отдавалось «керенкам» и особенно «николаевским» кредитным билетам, которые в отличие от совзнаков имели хождение даже в Индии¹³⁹.

Наркомат финансов вынужден был считаться с особенностями денежного обращения, сложившегося на территории республики. На протяжении 1919 – 1920 гг. в НКФ неоднократно поступали требования об отправке на места тех или иных видов дензнаков.

Так, служащие станции Молодечно Риго-Орловской железной дороги на общем собрании 26 марта 1919 г. обратились в Комиссариат путей сообщения с просьбой, ввиду неприема местным населением керенок, выплачивать им жалование в половинном размере кредитными билетами старого образца. Это обращение комиссариат передал в Наркомфин¹⁴⁰.

5 ноября 1919 г. коллегия НКФ рассмотрела ходатайство управляющего Астраханским отделением Нарбанка о снабжении банка керенками 20- и 40-рублевого достоинства в размере 50 % от всей суммы высылаемых дензнаков. Было решено удовлетворить просьбу, учитывая сложившиеся в губернии исключительные условия в связи с военным положением¹⁴¹.

Несмотря на то, что к началу 1920 г. большевики установили свою власть на большей части бывшей Российской империи и, следовательно, законным платежным средством стали совзнаки, требования на высылку денежных знаков старых образцов, в первую очередь «царских», продолжали весь год поступать в НКФ. Постоянные проблемы возникали по линии хозяйственных ведомств. Крестьяне часто отказывались сдавать свою продукцию за советские дензнаки¹⁴².

Наркомфин проводил гибкую политику в отношении дореволюционных денежных знаков. Наркомат активно использовал в интересах государства их «популярность» среди населения России и за границей. Но в целом эмиссионная политика НКФ была на-

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 60. Л. 41 об., 57.

¹⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 58.

¹⁴¹ Там же. Д. 148. Л. 33.

¹⁴² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 182. Л. 63 ; Атлас З.В. Указ. соч. С. 69 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 119.

правлена на замещение в обращении денежных знаков старых образцов на советские рубли. В основе этого лежали не только экономические, политические, но и технические причины. Эмиссия кредитных билетов 1918 г. и расчетных знаков 1919 г. требовала меньших материальных издержек, чем производство дореволюционных денег. Поэтому Наркомфин стал переходить на выпуск более простых в техническом отношении советских дензнаков. В 1919 г. купюры кредитных билетов 1918 г. составили 74,8 % эмиссии, расчетные знаки РСФСР 1919 г. – 2 %, дензнаки прежних правительств – 23,2 %; в 1920 г. кредитные билеты 1918 г. – 36 %, расчетные знаки 1919 г. – 63,5 %, дензнаки прежних правительств – 0,5 %; к концу Гражданской войны доля расчетных знаков выросла до 96,6 %, а кредитных билетов значительно сократилась и составила 3,4 %¹⁴³.

Успехи Красной армии привели к тому, что на рубеже 1919 – 1920 гг. боевые действия против белогвардейцев были перенесены на окраины страны. Большая часть Российской империи оказалась в зоне хождения советской валюты. Для обеспечения хозяйственных нужд присоединенных территорий потребовалась усиленная работа печатного станка Экспедиции заготовления государственных бумаг. В результате ускорилось падение покупательной силы совзнаков. Это привело к тому, что советский рубль окончательно вытеснил из обращения «царские», «думские» и «керенки», которые продолжало использовать население в качестве подпольного суррогата капиталистических ценностей. Таким образом, на рубеже 1919 – 1920 гг. дореволюционные деньги были почти полностью тезаврированы¹⁴⁴. К началу 1921 г. удельный вес дензнаков старых образцов составил 8,9 % всей денежной массы, из них, по данным М.В. Ходякова, доля «романовских» кредитных билетов равнялась 2,4 %¹⁴⁵.

Безудержная эмиссия совзнаков в 1919 – 1920 гг. обесценивала не только большевистскую валюту, но и тезаврированные населением кредитные билеты, сводя на нет все накопления в старых дензнаках¹⁴⁶. Окончание Гражданской войны и упрочение Советской власти в России привели к тому, что в течение 1921 – 1922 гг.

¹⁴³ Атлас З.В. Указ. соч. С. 67.

¹⁴⁴ Первушин С.А. Вольные цены и покупательная сила русского рубля. 1917 – 1921 гг. Пг. ; М., 1922. С. 10, 30 ; Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 26.

¹⁴⁵ Атлас З.В. Указ. соч. С. 68 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 69.

¹⁴⁶ Атлас З.В. Указ. соч.

внутренний лаж окончательно исчез¹⁴⁷. Во второй половине 1922 г. все денежные знаки дореволюционного времени, периода Временного правительства и эпохи военного коммунизма были изъяты из обращения¹⁴⁸.

Одним из следствий расстройств денежного обращения в 1917 – 1920 гг. становится хронический денежный голод. Недостаток денежных знаков впервые проявился в начале Первой мировой войны. Сначала стала ощущаться нехватка дензнаков мелких достоинств. Во второй половине 1915 г. из обращения исчезли серебряные монеты. Взамен были выпущены мелкие разменные марки. С течением времени денежный голод все усиливался и в середине 1917 г. «жалобы на недостаток денег неслись уже со всех сторон». Финансовое управление выбивалось из сил, стремясь напечатать достаточное количество дензнаков. «Усилия эти имели успех в том отношении, что, в то время как производство всех других продуктов и изделий в России падало, производство бумажных денег неуклонно возрастало. Все-таки денежных знаков не доставало». Чтобы справиться с затруднениями в обращении стали выпускать денежные суррогаты: купоны, серии и краткосрочные обязательства Государственного казначейства, а также облигации «Займа Свободы». Кроме того, были размещены заказы на производство русских дензнаков за границей¹⁴⁹.

После прихода к власти большевиков проблема нехватки денег обостряется. В первые месяцы существования нового режима рассылка кредитных билетов была парализована забастовкой служащих, охватившей Госбанк и центральный аппарат финансового ведомства. Таким образом, на рубеже 1917 – 1918 гг. республика вступает в эпоху перманентного денежного голода, который временами то усиливался, то ослабевал, но никогда не исчезал.

Денежный голод становится «визитной карточкой» эпохи военного коммунизма. В его основе лежала реакция рынка на эмиссию. Ее реальная ценность снижалась, и нехватка денег в итоге принимала хроническую форму. Недостаток денежных знаков экономика республики испытывала всегда на протяжении 1917 – 1921 гг.,

¹⁴⁷ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 80 ; Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России 1914 – 1924. С. 76.

¹⁴⁸ Первушин С.А. Указ. соч. С. 55 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 69.

¹⁴⁹ Соколов А.А. Указ. соч. С. 109 – 111.

однако можно выделить периоды, когда это явление проявлялось в наиболее острых формах.

В первую очередь, необходимо отметить сезонность усиления денежного голода. Весной увеличивался спрос на дензнаки вследствие необходимости проведения полевых работ. Не меньшие трудности возникали осенью во время реализации урожая и заготовки сырья для промышленности¹⁵⁰.

Во-вторых, следует выделить военно-политический фактор: победы Красной армии и расширение территории, подконтрольной Москве. В освобожденные от антибольшевистских режимов регионы требовалась немедленная отправка огромного количества дензнаков как для поддержания экономики, так и для упрочения советского режима.

Иногда сезонный и военно-политический факторы проявлялись одновременно, и тогда денежный голод приобретал наиболее острые формы. Ярким примером такого явления становится положение с дензнаками весной 1919 г.

Денежный голод явился одной из причин, которые подталкивали Советское правительство к усилению натурального снабжения населения, промышленности и Красной армии необходимыми продуктами. Однако получался обратный эффект: чем больше развивалось натуральное распределение и снабжение и суживалась роль денег в народном хозяйстве, тем более возрастала потребность в денежных знаках. Это объясняется тем, что с расширением сферы бесплатного отпуска продуктов и услуг населению уменьшалось поступление денег в казну. Одновременно увеличивалась потребность в деньгах для оплаты той части этих продуктов и услуг, которые само государство не могло получить бесплатно или по твердой цене.

Денежный голод оказывал непосредственное влияние и на структуру денежного обращения Советской республики. Наркомфин пытался бороться с этим явлением путем резкого повышения номиналов купюр выпускаемых дензнаков. Так, с третьего квартала 1919 г. прекращается эмиссия денежных знаков ниже рубля, в четвертом квартале 1919 г. появляются кредитные билеты достоинством в 5 000 и 10 000 руб., которые сразу заняли 16,4 % всей эмиссии, компенсируя с избытком прекращение выпуска дензнаков достоинством меньше 1 руб. и сокращение удельного веса эмиссии других (став-

¹⁵⁰ Атлас З.В. Указ. соч. С. 56, 59, 61.

ших низкими) купюр от 1- до 40-рублевого достоинства. Такая тенденция сохранялась на протяжении 1919 – 1920 гг. Эмиссия денежных знаков крупных достоинств вытесняла выпуски дензнаков мелких и средних номиналов¹⁵¹.

Народный комиссариат финансов, изменяя соотношение совзнаков в структуре денежного обращения, порой сталкивался с серьезными затруднениями. Когда наркомат повышал номинал быстрее, чем происходило обесценение дензнаков на рынке, последний не принимал эти купюры. Как средство обращения они ему были не нужны, а совзнаками как средством сбережения к тому времени население уже не пользовалось. Денежный голод приобретал форму «разменного кризиса». В результате граждане Советской республики сталкивались со спекуляцией при размене крупных денежных купюр и испытывали серьезные проблемы при оплате продуктов¹⁵².

В Самаре крестьянам давали на ссыпных пунктах 1 000-рублевые купюры, соединяя их в группы. Это порождало недовольство, ропот и спекуляцию при размене, а в Наркомфин местные власти направили требование об увеличении выпуска 20-, 25- и 40-рублевых купюр¹⁵³.

15 мая 1920 г. в НКФ пришла шифротелеграмма из Пятигорска с просьбой в срочном порядке выслать денежные подкрепления в мелких купюрах¹⁵⁴.

В сентябре 1920 г. в Наркомфин поступили сведения, что в Кубанской области плохо принимаются советские дензнаки 5 000- и 10 000-рублевого достоинства вследствие затруднительности их размена. Екатеринодарский областной финотдел принял меры для устранения этого явления. Но борьба со спекуляцией при размене была возможна лишь при условии достаточного количества средних купюр. Центральная канцелярия НКФ обращала внимание отдела денежных и расчетных знаков на необходимость при ближайшей отправке подкреплений на Кавказ увеличить количество дензнаков среднего достоинства¹⁵⁵.

¹⁵¹ Атлас З.В. Указ. соч. С. 59 – 62.

¹⁵² Там же. С. 60 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 25.

¹⁵³ Атлас З.В. Указ. соч.

¹⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 54.

¹⁵⁵ Там же. Л. 171 ; Д. 187. Л. 182.

Но в случае, если Наркофин длительно сохранял прежний номинал, то происходило засорение оборота мелкими купюрами и покупатели на рынке расплачивались «мешками» денежных знаков¹⁵⁶.

Зимой 1917 – 1918 гг. в Петрограде выпущенные вместо тазаврированной медной монеты разменные знаки в 1, 2, 3 и 5 коп. стали складывать в пакетики пяточки и гривенники и обращались они только в таком виде. Летом 1918 г. сначала в Петрограде, а затем в Москве и других городах разменные марки в 10, 15 и 20 коп. также начали складывать в пакетики по 3, 5 и 10 руб. и передавать из рук в руки в качестве новых платежных единиц. Это было крайне неудобно для оборота, и население стремилось от них избавиться. Постепенно мелкие платежные единицы устранялись из обращения, а их место занимали более крупные купюры¹⁵⁷.

Прямым порождением денежного голода стала проблема снабжения деньгами государственных и хозяйственных органов. С нехваткой дензнаков центральные и местные советские учреждения столкнулись сразу после прихода большевиков к власти, что явилось следствием забастовки в Госбанке. Но и после нормализации работы главного кредитного учреждения страны проблема не получила своего разрешения. На протяжении 1918 – 1920 гг. задача налаживания регулярного снабжения деньгами советских учреждений и предприятий становится одной из основных в деятельности Наркомфина.

Первые месяцы 1919 г. ознаменовались очередным витком обострения денежного голода. В центральные ведомства значительно возрос поток сообщений о тяжелом финансовом положении и просьбы о немедленной высылке денег. Так, в начале февраля 1919 г. в НКФ пришла телеграмма из Рязани, в которой говорилось, что в городе уже 20 дней ждут перевода средств на ремонт флота в Рязанском затоне¹⁵⁸. 24 февраля 1919 г. Воронежский губпродком сообщал, что местный Нарбанк в течение 10 дней не выдает денег. Просили выслать 50 млн в Воронежское отделение. В противном случае это грозит прекращением заготовок продовольствия. В телеграмме из Смоленска от 17 марта 1919 г. говорилось об отсутствии

¹⁵⁶ Атлас З.В. Указ. соч. С. 61 ; История Министерства финансов России. Т. 2. С. 25.

¹⁵⁷ Денежное обращение и кредит. Т. 1. С. 159 – 160.

¹⁵⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 182. Л. 181.

денежных знаков в Смоленском отделении Народного банка. Просили срочно пополнить кассу. Иначе заготовка и сплав дров могут прекратиться. 16 апреля 1919 г. в СНК пришло требование о срочной высылке денежных знаков в Самару. 7 мая 1919 г. аналогичная телеграмма была отправлена из Петрозаводска ¹⁵⁹. 30 мая 1919 г. уполномоченный ВЦИК Ландер сообщал о тяжелом финансовом и продовольственном положении в Смоленске и о роспуске за неимением денежных средств мобилизованных добровольцев ¹⁶⁰.

Острая потребность в деньгах наблюдалась при заготовке хлеба и сырья, крайний недостаток дензнаков сказывался на работе пищевой и тяжелой промышленности, транспорта. В связи с топливным кризисом огромные средства требовались на заготовку топлива. Из-за отсутствия денежных знаков весной 1919 г. во многих регионах республики посевная кампания оказалась под угрозой срыва. Недосев 1919 г. частично был связан с перебоями в финансировании местных организаций. Не полностью получала полагавшиеся ей по сметам деньги и Красная армия. Вследствие этого выплата незначительного по реальной величине жалования красноармейцам и денежного пособия их семьям не производилась по несколько месяцев. Успехи на фронтах и расширение советской территории также требовали значительных финансовых вливаний ¹⁶¹.

В начале 1919 г. перед Советским правительством остро стояла задача распределения денежных знаков. Вопросам снабжения деньгами местных советских и хозяйственных органов уделял особое внимание В.И. Ленин. Он интересовался даже техническими деталями: упаковкой дензнаков, охраной и т.д. ¹⁶²

Механизм снабжения деньгами не был отлажен. Отсутствие в отдельных районах денежных знаков во многом объяснялось плохой организацией и бюрократической неповоротливостью центральных ведомств. 11 июня 1919 г. в связи с телеграммой председателя ВЦИК М.И. Калинина из Смоленска о необходимости присылки дензнаков в Минскую и Смоленскую губернии В.И. Ленин запрашивал Наркомфин: «Сколько? Когда послано? В чем причина того, что мы имеем, а дать не умеем» ¹⁶³.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 261. Л. 43, 46, 48, 49.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 512. Л. 453 – 455 об.

¹⁶¹ Атлас З.В. Указ. соч. С. 56 – 57.

¹⁶² Ленинский сборник XXIV. М., 1935. С. 8, 92, 93, 94.

¹⁶³ Там же.

Еще в 1918 г. складывается своеобразная система распределения денежных знаков, которая станет характерной для всего периода военного коммунизма. Наркомфин разверстывал наличность, произведенную в Экспедиции заготовления государственных бумаг, по «вертикали» и «горизонтали». По «вертикали» эмиссия распределялась между центральными ведомствами, откуда наличность направлялась местным подведомственным им учреждениям и предприятиям. По «горизонтали» деньги разверстывались между провинциальными финорганами, которые их распределяли по своему усмотрению. Вертикальная схема породила «бронировку» денежных знаков на местах, которая стала широко применяться в 1918 г. Ведомство, имея право на получение дензнаков или сдав наличность в банк, требовало гарантии обратной выдачи этих денег. Таким образом, Нарбанк лишался права использовать бронированные суммы как ресурс для кредитования. Это сыграло значительную роль в свертывании кредитных операций банка и превращении его в орган распределения денежных знаков.

Бронировки поглощали большую часть эмиссии и вызывали резкое несогласие с этим местных органов. Такая система приводила к тому, что денежные знаки часто не использовались учреждениями, которым они предназначались, обесцениваясь, они лежали без движения в кассах и не могли быть пущены на другие нужды. Поэтому на практике советы регулярно производили перебронировку присланных им сумм без ведома, а иногда и вопреки распоряжениям центра. Это приводило к постоянным столкновениям между Москвой и провинцией¹⁶⁴. Например, 13 апреля 1918 г. Ю. Ларин разослал на места телеграмму, где именем СНК воспрещал всем совдепам изменять назначение переводимых в губернию для определенных целей денежных знаков без разрешения ВСНХ под угрозой отстранения от должности и отдачи виновных под суд¹⁶⁵. Многие ведомства (Наркомпрод, ВСНХ, Наркомпуть, Наркомвоенмор) требовали исключить свои органы из практики перебронировок центральных ассигнований местными исполкомами¹⁶⁶. Но это не приносило ощутимых результатов.

Система бронировок объективно усиливала денежный голод и вносила дезорганизацию не только в денежное обращение, но

¹⁶⁴ Атлас З.В. Указ. соч. С. 71 – 72 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 69.

¹⁶⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 15. Л. 51.

¹⁶⁶ Атлас З.В. Указ. соч. С. 72.

и в кредитную и бюджетную работу НКФ. Очень скоро это привело к тому, что Наркомфин рассылал на места кредитные билеты вагонами, исполком распределял «груз» между своими отделами, а отдел – по подведомственным ему учреждениям. «Деньги выдавались независимо от того, были ли открыты учреждению “кредиты”, а открытые “кредиты” ни в коей мере не обеспечивали получения денег». Средства должны были направляться на удовлетворение наиболее насущных потребностей, однако центр и места нередко расходились в том, что именно считать насущной потребностью. «Дележ совершался обычно 1 или 2 раза в месяц, и в губернских городах это были большие дни напряженной борьбы между ведомствами и учреждениями»¹⁶⁷.

Таким образом, сложившаяся в 1918 г. система бронировок не давала никаких гарантий на получение средств и не удовлетворяла ни центральные, ни местные советские органы. Резкое обострение денежного голода в начале 1919 г. потребовало принятия срочных мер для решения уже давно назревшей проблемы.

10 апреля 1919 г. Совнарком после доклада А.И. Рыкова о распределении денежных знаков создает постоянную комиссию при НКФ. В нее вошли по одному представителю от Наркомфина, Всероссийского совета профессиональных союзов и от «ударных» ведомств, которые более всего поглощали дензнаки: Наркомпрода, ВСНХ, наркоматов путей сообщения и военного. Цель создания комиссии заключалась в более планомерном распределении денежных знаков Нарбанком. Она должна была немедленно производить свои распоряжения о рассылке денег и принять меры к максимальному удовлетворению требований получателей переводных сумм. Постановление СНК решено было не публиковать¹⁶⁸.

Однако уже первое заседание комиссии выявило серьезные разногласия между представителем НКФ и остальными ее членами. Возникшие проблемы пришлось обсуждать в СНК. 12 апреля 1919 г. после докладов Н.Н. Крестинского и В.П. Ногина Совнарком постановил, что в случае продолжения разногласий на очередном заседании комиссии 13 апреля вопрос будет передан на разрешение В.И. Ленину¹⁶⁹. Но ликвидировать проблему не удалось. 30 апреля

¹⁶⁷ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 69.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 277. Л. 7 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 34. Л. 2.

¹⁶⁹ Там же. Д. 278. Л. 3 ; Там же. Д. 35. Л. 1 об.

1919 г. СНК вынужден был вновь вернуться к вопросу о распределении денежных знаков¹⁷⁰.

Заглушить на какое-то время денежный голод удалось только с помощью выпуска 15 мая 1919 г. «пензенок». Но их хватило ненадолго. К августу положение снова ухудшилось¹⁷¹. И вновь правительство возвращается к вопросу о налаживании планомерного снабжения деньгами центральных и губернских хозяйственных и советских органов.

На заседании СНК 7 августа 1919 г. с докладом об организации комиссии по распределению денежных знаков при центральном правлении Народного банка и на местах выступил Я.С. Ганецкий. Совнарком постановил поручить Нарбанку созвать совещание с представителями ВСНХ, комиссариатами по военным делам, продовольствия, труда, почт и телеграфов для рассмотрения вопроса об урегулировании распределения денежных знаков в центре и на местах и разработки самых энергичных мер для того, чтобы фактическое получение денег в губерниях происходило в наиболее быстрой форме¹⁷².

22 августа 1919 г. на малой коллегии НКФ по вопросу о деятельности комиссии при Нарбанке по выработке мер контроля за передвижением денежных сумм выступил Я.С. Ганецкий. 27 августа 1919 г. малая коллегия Наркомата финансов вновь заслушала доклад о положении дел с дензнаками¹⁷³.

Таким образом, вопрос о снабжении кредитными билетами оказался в компетенции Народного банка. Однако такая перестановка существенных изменений в положение дел не внесла. Кроме того, в начале 1920 г. упраздняется Нарбанк, и проблемой распределения денег вновь стал заниматься НКФ¹⁷⁴.

Между тем в конце 1919 – начале 1920 г. наблюдается очередной виток обострения денежного голода. Как и весной 1919 г., это в немалой степени было связано со значительным расширением территории Советской республики¹⁷⁵.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 283. Л. 3.

¹⁷¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д. 182. Л. 41.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 19. Оп.1. Д. 310. Л. 5 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 62. Л. 2.

¹⁷³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 149. Л. 17, 19.

¹⁷⁴ Гусаков А.Д. Планирование денежного обращения в СССР. Очерки теории, истории и организации. М., 1974. С. 29 ; его же. Из истории денежного обращения в СССР // Вопросы истории народного хозяйства СССР. М., 1957. С. 597 – 602.

¹⁷⁵ Атлас З.В. Указ. соч. С. 72 ; Гусаков А.Д. Планирование денежного обращения в СССР. С. 28.

6 ноября 1919 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) обсуждалось заявление И.В. Сталина о том, что в распоряжении Революционного военного совета Южного фронта нет никаких средств для финансирования деятельности ревкомов и их отделов. Было решено предоставить ревкомам, образованным в тех местностях, где раньше существовали исполкомы, право распоряжаться всеми кредитами, отпущенными исполкомам, а Наркомфину срочно по поступающим с Южного фронта сообщениям немедленно выдавать кредиты для ревкомов тех местностей, где Советской власти еще не было и где не было еще отпущено кредитов существовавшим прежде исполкомам¹⁷⁶.

27 декабря 1919 г. с докладом о снабжении денежными знаками в СНК выступили Н.Н. Крестинский и Ф.Ф. Сыромолотов. Совнарком поручил НКФ представить в Наркомат путей сообщения план срочных перевозок дензнаков. Кроме того, комиссии в составе Сыромолотова, Чуцкаева и Галкина предлагалось выработать в недельный срок меры особого контроля за нормальным пополнением местных касс¹⁷⁷.

Но, несмотря на все усилия, серьезных подвижек в деле более планомерного распределения денежных знаков не наблюдалось. Характерна в этом отношении телеграмма, присланная в начале февраля 1920 г. в СНК В.Я. Чубарем с Украины: «...вернувшись в Харьков, попал в дурацкое положение. Переводов кредитов нет, денежных знаков нет, кучи делегатов сидят, ожидая денег, свекла гниет, совнархозы стонут... В случае неполучения перевода в два дня, бросаю Харьков, еду в Москву, ибо сидеть здесь без средств – значит дискредитировать Советскую власть...»¹⁷⁸.

В начале 1920 г. предпринимается очередная попытка наладить планомерное снабжение деньгами государственных и хозяйственных органов республики.

В повестке заседания СНК 10 февраля 1920 г. не было предусмотрено обсуждение проблемы распределения денежных знаков. Но Ф.Ф. Сыромолотов направил В.И. Ленину записку, в которой просил поставить вопрос об образовании комиссии для принятия срочных мер по правильному снабжению дензнаками. В ее состав

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 36. Л. 1 – 2.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 336. Л. 4.

¹⁷⁸ Там же. Д. 348. Л. 62.

он предложил ввести ответственных работников (даже наркомов) финансов, военного, ВЦСПС и ВЦИК¹⁷⁹.

В.И. Ленин удовлетворил просьбу Ф.Ф. Сыромолотова и вынес вопрос об образовании комиссии для принятия необходимых мер к правильному снабжению денежными знаками на заседание СНК 10 февраля 1920 г. После выступления Сыромолотова Совнарком решил создать комиссию в составе ответственных работников НКФ (Чуцкаев), ВСНХ (Сыромолотов), ВЦСПС, а также представителей от заинтересованных ведомств. Перед ней была поставлена задача принятия срочных мер к правильному снабжению денежными знаками. Отчет в Совнаркоме о работе комиссии назначили через неделю¹⁸⁰.

После этого заседания издается постановление СНК об учреждении «Особой междуведомственной комиссии при Совете Народных Комиссаров по распределению денежных знаков» из представителей комиссариатов по военным делам, продовольствия, путей сообщения, финансов и ВСНХ. Другие ведомства получили в комиссии право только совещательного голоса¹⁸¹.

Следует отметить, что Совнарком в деле наведения порядка в снабжении денежными знаками пошел по тому же пути, который был намечен весной 1919 г. Новый орган распределения денег по своему составу практически не отличался от комиссии, образованной решением СНК 10 апреля 1919 г. По-прежнему все те же четыре «ударных» ведомства, поглощавшие львиную долю эмиссии. Новшеством стало то, что место основного члена комиссии, несмотря на первоначальное решение СНК от 10 февраля 1920 г., так и не получил ВЦСПС. Но самым значительным отличием явилось то, что вновь созданный орган получил более высокий статус. Комиссия, образованная 10 апреля 1919 г., действовала при НКФ, а новая – при СНК. Представители комиссариатов, получивших право решающего голоса, не замедлили этим воспользоваться.

На первом же заседании комиссии выяснилось, что сумма заявок четырех «ударных» ведомств – ВСНХ, Наркомвоенмора, Наркомпрода и Наркомпути – более чем вдвое превышала заготовленные денежные знаки. Наркоматы затребовали 13 575 млн руб. У Го-

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 347. Л. 31, 75 – 76.

¹⁸⁰ Там же. Л. 3 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 203. Л. 317 – 318.

¹⁸¹ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 69 ; Атлас З.В. Указ. соч. С. 73.

знака оказалось в наличии 6 460 млн руб. Тогда совещание, в котором представители других комиссариатов не участвовали, постановило распределить всю сумму между представленными в нем ведомствами. Такое весьма «радикальное» решение привело к тому, что уже на втором заседании комиссии его пришлось пересматривать. В результате острых дискуссий аппетиты «ударных» комиссариатов были урезаны, а НКФ получил право самостоятельного распределения между ведомствами 25 % денежных знаков¹⁸². Таким образом, значение Наркомфина в системе экономических органов республики значительно возросло.

Но новая комиссия никак не могла навести порядок в деле регулярного снабжения деньгами советских государственных и хозяйственных учреждений. Проблемами и распределения дензнаков, и организацией работы междуведомственной комиссии постоянно приходилось заниматься СНК и лично В.И. Ленину¹⁸³.

В целях преодоления создавшегося положения правительство пошло по пути еще большего расширения прав финансового ведомства. 18 июня 1920 г. II сессия ВЦИК после доклада Н.Н. Крестинского приняла резолюцию «О финансовой политике». В ней говорилось о передаче распределения денежных знаков целиком Наркомфину. Существующая межведомственная комиссия сохранялась при комиссариате в виде совещательного органа. Бронирование денежных знаков как система уничтожалась. Однако резолюция допускала применение бронирования «для исключительных по срочности и значению случаев»¹⁸⁴.

Постановлением ВЦИК дело распределения денежных знаков сосредоточилось в Наркомфине. Теперь особая комиссия, сохраненная только как совещательный орган при НКФ, собиралась только раз в месяц для рассмотрения месячного плана. При этом на

¹⁸² Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 70 ; Гусаков А.Д. Планирование денежного обращения в СССР. С. 28.

¹⁸³ Ленинский сборник XXI. С. 158 – 174 ; Ленинский сборник XVIII. С. 77 и др. ; Ленинский сборник XXXV. С. 19 – 20 и др. ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 360. Л. 4 ; Д. 369. Л. 6 ; Д. 376. Л. 2 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 706. Л. 33 ; Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 288.

¹⁸⁴ Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978. С. 143 – 144 ; Резолюция II сессии ВЦИК о финансовой политике // Известия НКФ. 1920. № 12 – 13/28 – 29. С. 1 ; Атлас З.В. Указ. соч. С. 73 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 70 ; Гусаков А.Д. Планирование денежного обращения в СССР. С. 29.

заседаниях постоянно происходили трения между ведомствами. Затем план выносился на утверждение СНК. После этого от 1/4 до 1/3 всех дензнаков поступало в так называемый «окраинный фонд» и самостоятельно распределялось НКФ.

В этой связи одной из проблем для Наркомфина стал поиск критериев для удовлетворения заявок на денежные знаки. Наркоматы предъявляли значительно завышенные требования, так как заранее знали, что они будут урезаны финансовым ведомством. В поисках хотя бы какого-либо формального основания для распределения денег Наркомфин в конце 1920 г. предпринял попытку установить предварительную проверку поступавших заявок путем командирования в центральные органы ведомств сотрудников отдела денежных и расчетных знаков НКФ. Но в условиях полного хаоса в отчетности выявить за день – два реальную потребность в денежных знаках целого наркомата оказалось невозможно, поэтому после двукратного применения таких проверок от них пришлось отказаться¹⁸⁵.

По некоторым данным, степень удовлетворения потребности ведомств в деньгах в 1918 г. составляла 62 – 68 %, в 1919 – от 43 до 73 %, во второй половине 1919 г. она повысилась до 71 – 73 %. При этом имеются в виду уже согласованные заявки, которые отнюдь не отражали в полном объеме требований наркоматов. По другим данным, отпуск дензнаков удовлетворял лишь на 26 – 28 % первоначальные заявки ведомств.

Не отставали в своих «аппетитах» от центральных органов и местные власти. Каждая республика, область или край добивались от Москвы получения возможно большей суммы денежных знаков. Их заявки также приходилось существенно урезать.

Постоянный рост требований со стороны как местных, так и центральных органов привел к тому, что производительность Гознака уже не могла покрыть потребности республики в деньгах, что стало одной из основных причин денежного голода в 1920 г.¹⁸⁶

Наркомфин при распределении средств испытывал давление с двух сторон. Метод бронировок как система отменялся, но применение его в особых случаях все еще допускалось. Поэтому центральным ведомствам часто удавалось забронировать причитаю-

¹⁸⁵ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 70.

¹⁸⁶ Атлас З.В. Указ. соч. С. 57 – 58, 61 – 62.

щиеся им деньги, чтобы защитить их от местных властей ¹⁸⁷. Губернские советы со своей стороны стремились получить полный контроль над всеми денежными знаками, поступающими в их регион, и вели борьбу с бронировками.

Вот как описывал положение на местах в своей докладной записке в начале июля 1920 г. вернувшийся из командировки в Воронеж один из помощников заведующего отделом общих вопросов НКФ. По его словам, наиболее существенным обстоятельством, мешающим работе губернских финансовых учреждений, является постоянный недостаток денежных знаков, который возникает не столько от недостатка присылаемых подкреплений, сколько от принятой центром системы бронирования большей их части (иногда до 9/10 отправленной суммы). Бронированные деньги используются далеко не полностью, а губфинотдел постоянно сидит без свободной наличности и не может рассылать дензнаки по уездам.

При такой системе, говорилось в записке, «роль распределителя денежных знаков между отдельными отраслями управления и хозяйства на местах фактически переносится с губфинотдела на центр, который, конечно, может иметь лишь отдаленное представление о фактическом распределении потребности в деньгах на месте» ¹⁸⁸.

Из приведенного документа видно, что симпатии представителя НКФ на стороне губернских властей. Такая позиция укладывается в общую концепцию политики, проводившейся НКФ с осени 1918 г. Наркомфин сделал своей опорой губернские финансовые органы, постоянно расширяя их функции и полномочия. В сложном процессе налаживания снабжения денежными средствами государственных и хозяйственных органов он решил в очередной раз сделать ставку на губернские власти.

На заседании СНК 17 августа 1920 г. по вопросу о распределении денежных знаков на местах выступали Ф.Ф. Сыромолотов и Н.Н. Крестинский. Совнарком принял постановление, в котором говорилось, что в пределах тех сумм, которые из присылаемого денежного подкрепления при распределении президиумом губисполкома приходятся на нужды СНХ данной губернии, порядок расходов этих сумм между отдельными предприятиями устанавливает

¹⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 376. Л. 2.

¹⁸⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 268. Л. 20.

в ведомственном порядке ВСНХ. В случае экстренной нужды в денежных знаках отдельных предприятий и промышленности губернии в целом Наркомфину или ВСНХ предлагалось связаться по прямому проводу с председателем губисполкома и договориться об увеличении доли хозяйственных расходов соответствующего предприятия из полученных сумм. Кроме того, ВСНХ и НКФ поручалось представить список особо важных промышленных предприятий, для которых следует забронировать дензнаки. Через неделю Крестинский и Оболенский должны были сделать доклад о регулировании Наркомфином распределения денежных знаков на местах¹⁸⁹.

Таким образом, постановление от 17 августа 1920 г. фактически сосредоточило право использования отправляемых на места средств в руках губисполкомов. Именно они становятся главными диспетчерами в процессе снабжения дензнаками губернских учреждений. Попытка таким образом разрешить проблему планомерного распределения денежных знаков вызвала серьезное противодействие, и в первую очередь со стороны главного хозяйственного ведомства республики.

24 августа 1920 г. в СНК с докладом о распределении денежных знаков на местах выступили Н.Н. Крестинский и Л.Л. Оболенский. Председатель ВСНХ А.И. Рыков подготовил к заседанию правительства специальную записку, в которой подверг критике не только решение Совнаркома от 17 августа 1920 г., но и резолюцию II сессии ВЦИК. Он утверждал, что в соответствии с постановлением СНК передача НКФ права самостоятельного распределения денежных знаков по хозяйственным и экономическим органам республики неизбежно должна предполагать подготовленность его аппарата к выполнению этой задачи. Но это не оправдалось. Не будучи в состоянии самостоятельно снабжать хозяйственные органы своевременно необходимыми средствами, НКФ передал свое право исполкомам по соображениям несколько примитивного характера, «что-де местные люди равномернее смогут обслужить финансовые нужды хозяйства». Но, по мнению председателя ВСНХ, исполкомы постарались использовать свои расширенные права в направлении усиленного обслуживания чисто местных нужд в ущерб общегосударственным.

Далее Рыков приводит ряд примеров, подтверждающих его вывод. Заведующий финансовым отделом Нижегородского совнар-

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 381. Л. 5.

хоза докладывал в ВСНХ, что металлообрабатывающая и кожевенная промышленность губернии совершенно не обслуживалась финотделом исполкома. Из Тулы пришли телеграммы, в которых говорилось, что чугуноплавильные заводы получили от исполнительного комитета лишь 2 млн руб. вместо 70. Главный нефтяной комитет 23 августа 1920 г. сообщил о приостановке работ по транспортировке нефти ввиду острого недостатка дензнаков на местах. 7 августа пришла телеграмма с Макеевских копей, в которой говорилось о волне стихийного забастовочного движения, развивающегося по причине полного отсутствия средств. В Ржеве бронированные на льняные заготовки суммы в 40 млн урезаны местным исполкомом до 20 млн.

Описывая проблемы железнодорожного и шоссейного строительства, Рыков отмечал, что тут картина совершенно безотрадная. Бесконечный поток телеграмм и непрерывное паломничество в Москву делегаций «определенно указывают на необходимость немедленной ликвидации уже начатых работ, и все это на почве сплошного голода в денежных знаках». На этом основании председатель ВСНХ делает вывод: «Задания Реввоенсовета не совсем совпадают с местными интересами, и первые приносятся в жертву последним».

Рыков утверждал, что примеров неравномерного распределения денежных знаков бесконечное множество, причем трагических, когда крестьяне жгли уже заготовленный лен из-за невыплаты причитающегося им вознаграждения, а рабочие распределяли между собою продукты фабричного производства вследствие неполучения ими жалования.

Рыков доказывал, что новая система не обеспечивает достаточного снабжения и местных советских органов. Телеграммы, поступающие в ВСНХ, рисовали безнадежную картину. 19 августа 1920 г. заведующий финотделом Уфимского исполкома сообщал о необходимости закрытия кассы в силу хронического отсутствия денежных знаков. В телеграмме от 4 августа 1920 г. заведующий Нижегородским финансовым отделом указывал на абсолютное отсутствие средств в кассах банка. На основании приведенных фактов Рыков делает вывод о неспособности НКФ справиться даже со столь несложной задачей, как право распределения средств среди местных органов. Одновременно председатель ВСНХ обращает внимание СНК на то, что при такой системе Наркомфин снимает с себя всю

ответственность, каковая возлагается на него постановлением II сессии ВЦИК, и попросту перелагает ее на плечи исполкомов. В итоге найти виновного не представляется возможным, а хозяйственная жизнь страны продолжает развиваться стихийно.

Раскритиковал Рыков и предоставленное ВСНХ постановлением от 17 августа право непосредственного сношения с председателями местных исполкомов, поскольку, по его мнению, вся работа сведется к этим переговорам и проблем не решит. Кроме того, председатель ВСНХ отметил, что органы народного хозяйства не смогут быть осведомлены предварительно о размерах сумм, коими они могут располагать на тот или иной период. Следовательно, новый порядок распределения средств повлечет за собой полный крах всей системы учета, «с таким трудом начавшей было налаживаться».

В конце своей записки Рыков предложил внести в постановление от 17 августа коррективы «для хотя бы относительного смягчения создавшейся остроты положения». Председатель ВСНХ считал необходимым:

1) Предоставить право ВСНХ, по соглашению с НКФ, отправлять на места собственными средствами необходимые суммы в случаях крайней необходимости.

2) Обязать Наркомфин при направлении в губернии денежных знаков выделять общую сумму, установленную предварительно по соглашению ВСНХ с Наркоматом финансов, на нужды местных органов народного хозяйства, которая должна быть целиком закреплена за ними финотделом исполкома.

3) Ответственность за перераспределение выделенных на нужды местных органов народного хозяйства средств персонально возлагается на заведующего финотделом местного исполкома вплоть до немедленного предания его суду Ревтрибунала.

4) Подвергнуть коренному пересмотру постановления ВЦИК по вопросам финансирования специальной комиссией из представителей ВСНХ, ВЦИК, ВЦСПС, НКФ, НКпрод и внести в СНК проект этой комиссии¹⁹⁰.

Если бы предложения А.И. Рыкова были приняты, то это означало бы полномасштабное возрождение системы бронирования. Но Совнарком не пошел на удовлетворение требований ВСНХ. Было решено создать очередную комиссию в составе С.Е. Чуцкаева,

¹⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 382. Л. 70 – 71.

Ф.Ф. Сыромолотова и Н.П. Брюханова, которой поручалось в трехдневный срок составить форму запроса и ответа, требуемую от губернского финотдела по вопросу о распределении денежных знаков, а также список особо важных промышленных предприятий ¹⁹¹.

Если в целом рассмотреть действия НКФ в деле снабжения дензнаками государственных и хозяйственных органов республики, то следует отметить, что он стремился изменить сложившуюся в 1918 г. систему разверстки денег. Наркомфин являлся противником жесткой «вертикальной» схемы распределения эмиссии, которая порождала бронировки, вносившие дезорганизацию в денежное обращение, кредитную и бюджетную работу наркомата, способствуя усилению денежного голода. Наркомфин отдавал предпочтение «горизонтальной» системе распределения денег через губернские финансовые органы. Такая схема разверстки эмиссии более удовлетворяла Наркомфин, поскольку: 1) местные финотделы находились в прямом его подчинении; 2) как правильно отмечал А.И. Рыков, в наркомате полагали, что губернские власти лучше знают насущные потребности своего региона и равномернее смогут обслужить его финансовые нужды.

Но применять исключительно «горизонтальную» систему разверстки дензнаков в условиях Гражданской войны было невозможно. Принципам военно-коммунистической организации хозяйства более соответствовала «вертикальная» схема распределения ¹⁹². Правительство стремилось обеспечить всем необходимым наиболее важные для жизни республики предприятия, в том числе и с помощью бронировок. Это в свою очередь порождало конфликты с местными властями, которые на первое место ставили собственные интересы.

21 сентября 1920 г. С.Е. Чуцкаев и Ф.Ф. Сыромолотов отчитывались в Совнаркоме об исполнении постановления от 24 августа 1920 г. по вопросу о распределении денежных знаков на местах. Правительство поручило докладчикам через месяц сообщить в СНК фактические данные о действительном проведении в жизнь полной бронировки на предприятиях первой группы ¹⁹³. Постановление Совнаркома явилось отражением непростой ситуации со снабжением денежными средствами наиболее важных промышленных объектов. Правительство

¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 382. Л. 3 – 4.

¹⁹² Атлас З.В. Указ. соч. С. 73.

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 386. Л. 2 – 3.

стремилось дать таким предприятиям все необходимое для обеспечения их стабильной работы. Между тем постоянные перераспределения дензнаков местными советскими органами на другие нужды сводили эти усилия на нет. Поэтому СНК потребовал от НКФ оградить наиболее важные предприятия от действий губернских властей и закрепить за ними денежные средства путем бронировок.

Требования центра о применении «вертикальной» схемы распределения средств вызывали непонимание на местах. С одной стороны, бронировки отменялись, с другой – их продолжали активно использовать различные ведомства. Наркомфину пришлось разъяснять новую схему разверстки эмиссии.

6 ноября 1920 г. в губфинотделы был разослан циркуляр «О порядке расходования на местах денежных знаков», в котором говорилось, что бронирование отменяется, а дензнаки высылаются в распоряжение губфинотдела (уфинотдела), которые их распределяют. При этом куда расходовать полученные средства (по ведомствам), будет отдельно сообщать НКФ. Далее циркуляр обращал внимание местных финансовых органов на то, что резолюция ВЦИК не отменяет бронирования, а лишь уничтожает общее распределение денег по этой системе. Поэтому НКФ имеет право бронировать отдельные суммы денежных знаков. Такие бронировки в исключительных случаях устанавливаются Наркомфином по сношению с заинтересованными ведомствами¹⁹⁴.

Согласно циркуляру от 6 ноября 1920 г. контроль как над «горизонтальной», так и над «вертикальной» системой распределения денежных знаков сосредоточивался в руках НКФ. Из финансового ведомства должны были исходить указания, на нужды каких ведомств расходуются присланные местным советским органам средства, а какие суммы подлежат бронировке.

В целом в течение 1919 – 1920 гг. усилия большевистского правительства по налаживанию системы разверстки эмиссии дали некоторые положительные результаты. Распределение денежных знаков стало проходить более планомерно¹⁹⁵. Однако это отнюдь не означало окончательного разрешения проблемы. Выстроить эффективный механизм снабжения деньгами как советских учреждений, так и хозяйственных органов Наркомфину так и не удалось.

¹⁹⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

¹⁹⁵ Атлас З.В. Указ. соч. С. 57 – 58.

2.3. Унификация денежного обращения. Денежная реформа в Туркестане

На рубеже 1918 – 1919 гг. перед НКФ встала проблема засорения обращения всевозможными денежными знаками, которые выпускались на окраинах бывшей Российской империи как большевистскими, так и антисоветскими режимами.

При отступлении советских войск в 1918 г. с Северного Кавказа красноармейцы и беженцы завезли на территорию республики большое количество разнообразных дензнаков. Пожалуй, впервые перед большевиками встала проблема, что делать с таким объемом суррогатов. Выпуск денег на Северном Кавказе, вследствие продолжавшихся там практически весь 1918 г. боевых действий, носил хаотический характер. В трех северных губерниях, кроме общероссийских денег, обращалось еще около 100 разнообразных знаков, печатавшихся 10 различными учреждениями: Армавирским, Пятигорским, Екатеринодарским, Владикавказским и Ставропольским отделениями Госбанка, Кизлярским и Грозненским казначействами и т.д. Советское правительство решило обменять кавказские суррогаты. Главная их масса осела в Астрахани. Местное отделение Нарбанка оплатило свыше 21 млн руб. денежных суррогатов, оставшаяся часть была развезена по городам России, где по особым распоряжениям производился их обмен исключительно для красноармейцев¹⁹⁶.

Следует отметить, что основная масса дензнаков, оказавшихся на территории республики после отступления советских войск с Северного Кавказа, была выпущена по указанию региональных большевистских властей. Именно эти суррогаты и были обменены на совзнаки. Такого же принципа НКФ придерживался весь период Гражданской войны. Всевозможные денежные суррогаты, выпущенные провинциальными советскими органами, с разрешения Наркомфина практически беспрепятственно разменивались на общероссийские дензнаки.

С конца 1918 г. денежное обращение на территории, контролируемой Советской властью, засорялось денежными знаками, эмити-

¹⁹⁶ К-нев С. Денежные суррогаты // Известия НКФ. 1919. № 5 – 6. С. 7.

руемыми небольшевицскими правительствами, в первую очередь в прифронтных территориях, постоянно переходивших из рук в руки¹⁹⁷. С начала 1919 г. Советская власть стала распространяться на те регионы, где она была свергнута в конце 1917 – середине 1918 г. Как своеобразный «трофей» большевикам доставались и денежные единицы, выпущенные враждебными им правительствами, городскими самоуправлениями, отделениями банков и т.д. Наркомфин должен был решить, что делать со всевозможными «деньгами», хлынувшими на территорию республики.

Самым простым способом навести порядок в обращении на занимаемых территориях было объявление об аннулировании всех «сортов» денег, выпущенных всеми режимами до момента возвращения Советской власти. Казалось, такой путь являлся наиболее эффективным для решения как экономических, так и политических проблем в данных регионах. Во-первых, можно было очистить обращение от денежных суррогатов. Во-вторых, большевики резонно полагали, что они не обязаны оплачивать кредитки, напечатанные их врагами. В-третьих, аннулирование укрепило бы совзнаки на рынке и подняло престиж Советской власти среди местного населения. Именно такую жесткую линию в отношении денег, выпущенных антибольшевицскими режимами, Наркомфин попытался проводить на рубеже 1918 – 1919 гг.

При наступлении на Украину большевики столкнулись с довольно пестрой картиной денежного обращения. Еще 14 декабря 1917 г. Центральная рада ввела свою денежную единицу – карбованец, но сохранила в обороте и общероссийские деньги. Украинские дензнаки выпускали в Одессе, Елисаветграде, Житомире и Чернигове¹⁹⁸.

Гетман 24 сентября 1918 г. объявил их аннулированными с 1 ноября 1918 г. Населению разрешено было обменять деньги Центральной рады на карбованцы, выпускавшиеся гетманским правительством в Киеве и Одессе с апреля 1918 г. под названием казначейских знаков Государственного казначейства («державной скрабниці»). С осени 1918 г. в Германии производились гривны, отличавшиеся хорошим качеством. Кроме того, на 16 млн было выпущено разменных марок (шагов)¹⁹⁹.

¹⁹⁷ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 110.

¹⁹⁸ К-нев С. Денежные суррогаты. С. 7.

¹⁹⁹ Там же. С. 8 ; Соколов А.А. Указ. соч. С. 111, 146.

16 января 1919 г. в НКФ из Могилева была направлена телеграмма, где говорилось, что в учреждениях Черниговской губернии имеются украинские денежные и почтовые знаки, на приеме которых в оплату почтовых и телеграфных сборов настаивает население. Местные власти просили указаний центра, как им поступить. 18 января 1919 г. Н.Н. Крестинский направляет ответ, в котором разъясняет, что украинские денежные и почтовые знаки приему не подлежат.

В тот же день, 18 января 1919 г., пришла телеграмма из г. Клинцы, где сообщалось, что Черниговский ревком разрешил обращение украинских дензнаков. В ответе Наркомфина отмечалось, что хождение денег украинского буржуазного правительства недопустимо и потребовал наладить контакт по этим вопросам с Харьковом, где находились представители НКФ Пятаков, Земит и Боголепов²⁰⁰.

Однако вскоре от жесткой линии НКФ пришлось отступить. Реально складывающаяся финансово-экономическая ситуация в освобожденных от антибольшевистских сил регионах потребовала более гибких подходов. В первую очередь это явилось следствием недостатка кредитных билетов для обеспечения обращения советизируемых областей. И так перманентный денежный голод резко усиливается.

Украинские дензнаки, выпущенные контрреволюционными режимами, большевики объявили действительными, за исключением шагов, непризнанных из-за их крайне низкого качества и, как следствие, появления массы фальшивок, а также аннулированных гетманом карбованцев выпуска 1917 г.

Кроме того, крайний недостаток кредитных билетов мелких достоинств, наблюдавшийся в начале 1919 г. как на Украине, так и в России, привел к тому, что Наркомфин воспользовался готовившимися к выпуску новыми украинскими купюрами достоинством в 10 карбованцев и направил их в оборот в количестве 45 млн. Эти купюры по указанию НКФ свободно обменивались на совзнаки в течение 1919 – 1920 гг. без ограничения сумм по всей республике (в Москве, Петрограде, Орле, Курске, Гомеле, Могилеве, Воронеже, Тамбове, Царицыне и других городах). Обращения вне Украины они практически не имели²⁰¹.

²⁰⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 27 – 28, 31, 33.

²⁰¹ К-нев С. Денежные суррогаты. С. 8 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 63, 75, 76.

В феврале 1919 г. наметился новый, более гибкий подход в отношении денег контрреволюционных режимов.

6 февраля 1919 г. комиссариат финансов Хоперского округа Донской области сообщал, что после занятия округа большевиками приказом ревкома были аннулированы белогвардейские денежные знаки («калединки» и «красновки»). Однако это привело ко многим недоразумениям. Местные власти не знали, что делать с белогвардейскими дензнаками, оставшимися у рабочих и крестьян. В телеграмме от 8 февраля 1919 г. Н.Н. Крестинский признал приказ ревкома правильным и сообщил, что жалование, полученное аннулированными деньгами, в отдельных случаях по специальному соглашению с Наркомтрудом может быть вновь выплачено за последнее время²⁰².

17 февраля 1919 г. Уральский областной ревком извещал НКФ, что он постановил изъять из обращения выпущенные Уральским контрреволюционным войсковым правительством в качестве денежных знаков: облигации военных займов на сумму 14 млн руб., обязательства Сибирского казначейства на 1 млн, краткосрочные обязательства казначейству всех сроков на 6 млн, почтовые марки от 1- до 50-рублевого достоинства на 2 млн, обязательства Уральского войскового правительства, купоны разных процентных бумаг 1918 – 1919 гг. на 3 млн руб.

Итогом проведения в жизнь решения ревкома становится острый кризис. Других денежных знаков у населения не оказалось. В результате рабочие и служащие, а также «общепользные демократические организации поставлены в безвыходное положение». Ввиду резкого обострения денежного кризиса Уральский ревком просил подкрепить кассу Народного банка 5 млн руб. мелкими купюрами. Кроме того, он спрашивал у НКФ, будут ли отпущены средства на возмещение убытков беднейшему населению.

В ответной телеграмме 18 февраля 1919 г. Н.Н. Крестинский пишет, что он не видит препятствий к выдаче рабочим и служащим жалования аннулированными белогвардейскими деньгами, а также единовременно двухнедельного оклада прежнего заработка «общегосударственными деньгами»²⁰³.

²⁰² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 15, 16.

²⁰³ Там же. Л. 12 – 14.

Тяжелая ситуация сложилась в Оренбурге. 26 февраля 1919 г. в НКФ была направлена телеграмма, где описывалось крайне запутанное финансовое положение региона. В ней говорилось, что с января 1918 г. была прервана связь Оренбурга с центром, вследствие чего начался выпуск местных денежных знаков. Советская власть до своего свержения эмитировала деньги на 60 млн руб., казачье правительство еще на 140 млн. В начале 1919 г. Оренбург был занят Красной армией. Бежавшая буржуазия и казачье правительство увезли с собой примерно половину выпущенных суррогатов. Другая половина осталась на руках у малоимущего населения. Кроме того, в обращении в Оренбурге находились облигации всех краткосрочных займов на 20 млн руб., штемпелеванные купюры «Займа Свободы», выпущенные Самарской «учредилкой», а после прихода красных частей появились туркестанские дензнаки, заимствованные в Оренбургской армии в сумме 20 млн руб. Положение осложнялось еще и тем, что правительство Дутова захватило печатные бланки, чтобы продолжить производство денег. Это грозило наплывом дутовских суррогатов в Оренбург.

Вследствие этих обстоятельств, губернский финотдел предложил губисполкому срочно начать выпуск местных знаков, которые должны были заменить в обращении прочие дензнаки. Предлагалось провести частичный обмен на новые деньги в размере прожиточного минимума – 800 руб., а остальное зачислить на текущие счета владельцев.

Для проведения намеченной реформы Оренбургский губфинотдел просил выслать 50 млн руб. Кроме того, губисполком телеграфировал в ВСНХ и Наркомпрод о предоставлении кредита до 80 млн руб. на проведение заготовительных операций для Москвы и местной армии²⁰⁴.

После получения инструкций из НКФ местные власти от выпуска собственных дензнаков отказались. 2 марта 1919 г. по прямому проводу Н.Н. Крестинского поставили в известность, что 1 марта 1919 г. на совместном заседании Оренбургского комитета партии, членов реввоенсовета, президиума губисполкома и заведующего губфинотделом единогласно постановили аннулировать все денежные знаки (дутовские и местные). Однако они в большом количестве имелись на руках у красноармейцев, рабочих, крестьян и казаков

²⁰⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 19.

и во избежание массового недовольства и серьезных осложнений, особенно в армии, совещание признало необходимым: 1) Все держатели должны зарегистрировать имеющуюся у них наличность аннулируемых знаков. Для этого установить незначительный срок, примерно 5 дней. 2) После регистрации выдать до 1 000 руб. на отдельное лицо или семью. Для проведения этой операции оренбургские власти просили прислать 70 млн руб. мелкими купюрами.

Н.Н. Крестинский не поддержал принятое совещанием решение. Он выразил уверенность в том, что при подаче заявлений все суммы, находящиеся на руках, будут разбиты на мелкие части и придется оплатить все дутовские деньги. Нарком посоветовал оренбургским властям найти способ вознаграждения мелких держателей, рабочих и красноармейцев, не производя официального обмена²⁰⁵.

В Оренбурге последовали указаниям Н.Н. Крестинского и 6 марта 1919 г. было опубликовано постановление Оренбургского губисполкома о полном аннулировании без всякой замены местных денежных знаков. Одновременно появилось распоряжение, что железнодорожные служащие вправе обменять на общегосударственные кредитки половину месячного оклада.

Но поскольку у населения Оренбурга имелись только местные денежные знаки, их аннулирование вызвало крайнее недовольство у жителей как города в целом, так и у железнодорожников. В Оренбурге прекратилась частная торговля. На две недели закрылись все магазины и лавки. Между тем расчет с рабочими и служащими производился исключительно аннулированными дензнаками. Местные власти просили НКФ содействовать размену денег железнодорожникам, которые получили особенно крупное жалование, хотя бы на сумму до 1 000 руб.²⁰⁶ В итоге в возмещение убытков беднейшему населению от аннулированных дутовских суррогатов был выплачен двухнедельный заработок²⁰⁷.

К концу февраля 1919 г. НКФ выработал первоначальный алгоритм действий в отношении контрреволюционных денег. Он запретил принимать и обменивать белогвардейские дензнаки. Малоимущие рабочие и служащие получали компенсацию. Они вознаграждались не через обмен суррогатов, а через выдачу заработка за небольшой про-

²⁰⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 6 – 7.

²⁰⁶ Там же. Л. 18.

²⁰⁷ К-нев С. Денежные суррогаты. С. 6.

межутков времени, чаще всего за две недели, для чего достаточно было получить санкцию Наркомтруда²⁰⁸. Таким образом, большевики допускали обращение контрреволюционных денег в частном обороте, но воспрещался прием их в государственные платежи²⁰⁹.

Во второй половине 1919 г. в связи с активным продвижением Красной армии в Сибирь на коллегии НКФ обсуждался проект декрета об аннулировании всех белогвардейских денежных знаков, но он был отклонен²¹⁰.

К концу 1919 г. окончательно сложилась схема действий Советской власти в отношении контрреволюционных дензнаков. 10 ноября 1919 г. в Малый СНК было направлено постановление коллегии НКФ по вопросу о деньгах, выпущенных белогвардейскими правительствами. Наркомфин выступал за их безвозмездное аннулирование. Однако наркомат обращал внимание на то, что запрет на хождение таких дензнаков ставит в крайне тяжелое положение беднейшую часть населения освобождаемых территорий. Поэтому в изъятие из принятого в принципе решения о безвозмездном аннулировании белогвардейских денег коллегия постановила выдавать рабочим, служащим и красноармейцам, оказавшимся в освобождаемых местностях, пособие, причем рабочим и служащим, находящимся в таких областях, – не свыше месячного оклада; рабочим, служащим и красноармейцам, пришедшим в освобожденный регион вместе с Красной армией, у которых могут образоваться некоторые суммы белогвардейских денег от размена советских дензнаков, не свыше полумесячного оклада содержания. Для исполнения этого постановления заместитель наркома С.Е. Чуцкаев просил СНК отпустить кредит в 100 млн руб. по смете НКФ²¹¹.

Следует заметить, что пособие взамен аннулированных белогвардейских денег рабочим, служащим и красноармейцам, прибывшим в очищенный от белых район вместе с Красной армией, выдавалось по действующим на тот момент советским тарифным ставкам²¹². Выбор момента для отмены контрреволюционных денег предоставлялся местным властям в зависимости от конкретной финансовой ситуации в регионе²¹³.

²⁰⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 24.

²⁰⁹ Атлас З.В. Указ. соч. С. 70.

²¹⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 148. Л. 27.

²¹¹ Там же. Д. 181. Л. 3.

²¹² Там же. Д. 250. Л. 76.

²¹³ Там же. Д. 148. Л. 27 ; Д. 187. Л. 188 ; Д. 250. Л. 76, 149, 175.

Провинциальные власти часто неправильно выбирали время для аннулирования белогвардейских дензнаков. Яркой иллюстрацией этого является положение на Урале в феврале 1919 г. и в Оренбурге в начале марта 1919 г., о чем говорилось выше. Сложное финансовое положение складывается и в Сибири.

С приходом красных войск колчаковские деньги были объявлены аннулированными. Но это, по большей части, производилось слишком поспешно, до получения запаса общероссийских дензнаков. Население нередко попадало в крайне затруднительное положение, так как других денег у него не было. В центр посыпалась масса жалоб и запросов от сибирских революционных органов.

Кроме того, выяснилось, что практикуемый порядок возмещения исключительно рабочим, служащим и красноармейцам для непромышленных регионов не соответствует местным условиям, так как при этом почти все население, включая и сочувствующее коммунистической власти, совсем не получает возмещения. Нередко у крестьян колчаковские деньги оказывались в уплату за реквизированный скот и другое имущество. И сельская беднота лишалась права на возмещение убытков. Кроме того, в Наркомфине понимали, что получение рабочими и служащими пособия вместо аннулированных денег в размере месячного оклада «не сможет компенсировать утраты сбережений ввиду недостаточности существующих окладов при современном росте цен».

В связи с этим в НКФ обсуждался вопрос об оплате сумм, внесенных населением под квитанции сибирского правительства на основании его постановления об обмене «керенок». В наркомате считали, что, с одной стороны, у Советского правительства нет никаких оснований выплачивать долги Колчака, но, с другой стороны, отказ от этой операции ставил в тяжелое положение трудовые слои²¹⁴. Однако на оплату квитанций, под которые при колчаковском правительстве население сдавало для обмена керенки, НКФ так и не пошел²¹⁵.

Прямым следствием аннулирования выпущенных белыми в пределах Сибири денежных знаков становится то, что они в зна-

²¹⁴ Порядок аннулирования белогвардейских денежных знаков // Известия НКФ. 1919. № 8. С. 5.

²¹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 87.

чительном количестве стали стекаться на окраины бывшей империи, где вызвали значительное падение курса рубля²¹⁶.

Одновременно возникают серьезные финансовые затруднения и у революционных властей. На территории, перешедшей под власть большевиков, наблюдается резкое обострение денежного голода. Чтобы разрядить ситуацию, 24 февраля 1920 г. Сибирский революционный комитет по согласованию с НКФ выпустил в обращение наравне с деньгами билеты Государственного внутреннего 4,5%-го выигрышного займа 1917 г. IV и V разрядов в облигациях по 200 руб. и купоны от этих билетов по 4 руб. 50 коп. на общую сумму в 1 млрд 160 млн руб.²¹⁷ Большевики, как и Колчак, для ослабления денежного голода воспользовались последним займом Временного правительства. Облигации назывались «Билетом займа» и были изготовлены в США. Облигации I разряда печатались зеленым цветом, II – оранжевым, III – коричневым, IV – синим, V – темно-бордовым. В сентябре 1919 г. вследствие острой нехватки наличности Омское правительство направило в обращение билеты I, II и III разрядов и купоны к ним по нарицательной стоимости наравне с другими денежными знаками. С приходом Красной армии, наряду с другими сибирскими деньгами, они были объявлены аннулированными. Облигации и купоны IV и V разрядов для отличия от облигаций и купонов I, II и III разрядов отмечались особым грифом Советской власти. Их выпускали в обращение с надпечатками «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» до начала июня 1920 г.²¹⁸

Купоны займа заменяли мелкие денежные знаки, нехватка которых наблюдалась повсеместно. С получением подкреплений они постепенно заменялись совзнаками. К середине августа в обращении Сибири купонов выигрышного займа, выпущенных большевиками, оставалась на сумму около 300 млн руб.²¹⁹

Очередные советские суррогаты в течение 1920 г. распространились не только в Сибири, но и в других регионах республики.

²¹⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 34.

²¹⁷ Там же. Д. 166. Л. 93.

²¹⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 166. Л. 93 ; Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока. Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 по 1924 г. М., 1924. С. 110 ; Ходяков М.В. Указ. соч. С. 150 – 152.

²¹⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 173.

Наркомфин обязал принимать их в оплату наравне с кредитными билетами и расчетными знаками. По предъявлению в любое отделение Нарбанка или губфинотдел купоны выигрышного займа свободно обменивались по номиналу на совзнаки по всей территории РСФСР²²⁰.

Несмотря на разработанную НКФ схему действий революционных органов в отношении денег антибольшевистских режимов, они продолжали засорять обращение Советской республики. Проблема отношения к контрреволюционным дензнакам в конце декабря 1919 г. обсуждалась на Политбюро ЦК РКП(б)²²¹.

В середине 1920 г. НКФ пытается окончательно очистить обращение от денежных знаков антибольшевистских правительств и в апреле – июне рассылает по губфинотделам, бывшим отделениям Нарбанка, наркоматам, полевым казначействам и в финотдел Реввоенсовета республики указания о прекращении хождения контрреволюционных денег.

Наркомфин требует объявить там, где этого еще не было сделано, аннулированными выпущенные антисоветскими правительствами все виды денежных знаков без вознаграждения держателей. Рабочим и служащим, находившимся на освобожденной территории до прихода Красной армии, выдать единовременное пособие в виде месячного жалования. Рабочим, служащим и красноармейцам, прибывшим в данный район вместе с советскими войсками, выдать полумесячное содержание по действующим тарифным ставкам. Выпуск государственными кассами аннулированных дензнаков в обращение, а также прием их в платежи и к обмену немедленно прекратить независимо от региона страны²²².

7 августа 1920 г. центральная канцелярия Наркомфина попросила сметный отдел НКФ внести изменения в свою смету на текущий год. Согласно распоряжению наркомата в течение 1920 г. выдавалось возмещение рабочим, служащим и красноармейцам в размере двухнедельного содержания по советским ставкам при аннулировании белогвардейских дензнаков в Приуралье, Сибири, Архангельской губернии, Донской и Кубанской областях. Покрытие данных

²²⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 61, 110, 120, 217, 160, 238.

²²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 50. Л. 4.

²²² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 37, 43, 45, 48, 49, 55, 76, 86, 149 ; Д. 187. Л. 58.

расходов решено было производить по смете центральной канцелярии НКФ. Для этого предлагалось выделить особый параграф «Расходы, связанные с аннулированием или обменом местных денежных знаков». Размер расхода центральная канцелярия наркомата определила в 500 млн руб.²²³

Кроме того, в апреле – мае 1920 г. НКФ направляет на места распоряжения относительно дореволюционных рублей. При поступлении в кассы Наркомфина николаевских, думских и керенок дальнейшему выпуску в обращение они не подлежали. По мере их накопления, но не реже одного раза в месяц, дореволюционные деньги вместе с аннулированными белогвардейскими наркомат требовал высылать в Москву в отдел денежных и расчетных знаков НКФ (бывший Кребиль)²²⁴.

Указания Наркомфина должны были способствовать очищению обращения республики от суррогатов. Помимо запрета выдачи из касс всех денежных знаков, кроме советских, такая мера, как отправка в Москву скапливавшихся в провинции «денег», являлась отнюдь не лишней. Она должна была лишить местные власти возможности периодически выбрасывать в оборот имеющиеся в их руках запасы разнообразной наличности для решения своих финансовых затруднений, что разрушало единообразие денежного обращения республики.

Но, несмотря на требования НКФ, военные и советские органы на освобожденных от контрреволюционеров территориях активно пользовались любыми, оказавшимися в их руках дензнаками.

Иногда провинциальные власти просили разрешения у Наркомфина на использование белогвардейских денег. Например, 2 августа 1920 г. в НКФ было направлено обращение из Новороссийска. Местные власти просили разрешить выпуск донских дензнаков для уплаты туркам и заготовительным органам²²⁵. Но в подавляющем большинстве случаев местные революционные органы действовали не только без санкции НКФ, но и вопреки его запретам.

Так, 16 сентября 1919 г. Екатеринбургский губфинотдел сообщил Крестинскому, что в некоторых районах продолжается хождение «сибирских денег». Уездные власти, не считаясь с указани-

²²³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 142 ; Д. 250. Л. 126.

²²⁴ Там же. Д. 250. Л. 57, 64, 76.

²²⁵ Там же. Д. 187. Л. 109.

ми центра, издают свои собственные приказы о беспрепятственном обращении таких знаков наравне с советскими. Губфинотдел просил НКФ издать особое распоряжение об аннулировании сибирских денег²²⁶.

15 мая 1920 г. заместитель наркома финансов С.Е. Чуцкаев направляет председателю Петроградской рабоче-крестьянской инспекции распоряжение, в котором говорится о недопустимости выпуска в обращение других дензнаков, кроме советских, в подвергшихся нашествию белогвардейцев отдельных местностях Петроградской и Псковской губерний.

2 июня 1920 г. было отправлено распоряжение заведующему Пермским губфинотделом о запрете дальнейшего хождения сибирских денег.

В тот же день С.Е. Чуцкаев телеграфирует в областной финотдел Ростова-на-Дону: «Высылкой Устьмедвединскому окрисполкому 7 миллионов калединских знаков вы подрываете политику денежного обращения. Категорически воспрещаю повторение этого».

12 июня 1920 г. была отправлена телеграмма в Пятигорск в ревком Северного Кавказа, в которой заместитель наркома финансов требовал не нарушать его распоряжения об аннулировании всех видов белогвардейских дензнаков и немедленно прекратить их выдачу из касс²²⁷.

Запрещая обращение белогвардейских денег, Наркомфин не мог в полной мере снабдить освобождаемые регионы достаточным количеством советских денежных знаков. Это ставило местные органы и воинские части в затруднительное положение и толкало их на использование доставшихся им запасов контрреволюционных суррогатов. В качестве примера можно привести положение на Дону.

При продвижении в 1919 г. Советской власти в эту область донские кредитные билеты были объявлены аннулированными сначала полностью, а затем за исключением 10- и 25-рублевых. Эти купюры выпускались в период кратковременной оккупации Ростова красными войсками²²⁸. Однако обращение аннулированных денег продолжалось.

²²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 66.

²²⁷ Там же. Д. 250. Л. 44, 59, 66, 77.

²²⁸ К-нев С. Денежные суррогаты. С. 8.

2 июня 1920 г. С.Е. Чуцкаев направляет в Ростов-на-Дону телеграмму заведующему областным финотделом (копию председателю Донисполкома). Заместитель наркома финансов требует соблюдения единообразной политики денежного обращения и напоминает, что телеграммами от 17 и 19 апреля 1920 г. НКФ уже давал указания по этому поводу. Чуцкаев требует немедленно остановить деятельность всех Экспедиций заготовления дензнаков и прекратить выпуск в обращение северокавказских, а также других местных суррогатов. Не принимать в платежи и на обмен и не выдавать из касс донские, украинские деньги, кроме эмитированных Советской властью билетов 1919 г. достоинством в 10 карбованцев, которые подлежат размену без ограничения суммы. Находящиеся в обращении белогвардейские дензнаки немедленно объявить аннулированными. Чуцкаев также потребовал прекратить выпуск в обращение николаевских денег и высылать их в Москву в Кребиль. Заместитель наркома сообщал, что он отдал распоряжение о немедленной отправке подкреплений советскими дензнаками и просил экономно их расходовать²²⁹.

16 июня 1920 г. в НКФ была направлена телеграмма, где сообщалось, что вопрос о прекращении выпуска и хождения донских и добровольческих знаков обсуждался на двух межведомственных совещаниях в Реввоенсовете фронта. В итоге было принято решение поддержать ходатайство Донревкома и Донисполкома перед ВЦИК и НКФ о высылке 1 млрд руб. совзнаками Ростовскому отделению Нарбанка. После получения указанной суммы, отмечалось в телеграмме, хождение донских и добровольческих денег будет закончено немедленно, прекращение же выпуска теперь, ввиду отсутствия подкреплений из центра, грозит полной остановкой жизни края²³⁰.

В ответной телеграмме в Ростов-на-Дону 19 июня 1920 г. Л.Л. Оболенский в категорической форме потребовал остановить деятельность Экспедиции заготовления денежных знаков и прекратить выпуск в обращение белогвардейских дензнаков. Кроме того, он настаивал на отмене постановления местных властей об аннулировании лишь определенных видов денег и требовал запретить обращение всех выпущенных белыми дензнаков. Оболенский так-

²²⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 64.

²³⁰ Там же. Д. 187. Л. 117.

же заявил, что действия ростовских властей и Донисполкома будут предметом особого рассмотрения ВЦИК. Одновременно он вновь подтвердил, что подкрепления совзнаками высылаются²³¹.

Усилия НКФ по борьбе с контрреволюционными платежными средствами принесли свои плоды. По утверждению З.В. Атласа, к середине 1920 г. белогвардейские денежные знаки в массе своей были аннулированы²³². Однако это утверждение необходимо пояснить. В действительности было только объявлено об аннуляции контрреволюционных денег в освобожденных от белых районах, причем позднее всего произошло это на Северном Кавказе – 13 июля 1920 г.²³³ Об окончательном изъятии неприятельских кредиток из обращения в РСФСР вплоть до конца 1920 г. говорить не приходится.

Гражданская война продолжалась. Красная армия, перешедшая в 1920 г. в основном к наступательным операциям, при своем быстром продвижении не имела достаточных запасов советских денег²³⁴. Вместе с тем на всех фронтах с занятием неприятельских областей в руках советских войск оказывались крупные суммы различных контрреволюционных дензнаков. Вопрос об их хождении передавался на усмотрение местных военно-революционных властей. В большинстве случаев все неприятельские денежные знаки разрешались к обращению в пределах освобождаемого района. При переводе воинских подразделений в другие местности вместе с красноармейцами перемещались и контрреволюционные суррогаты²³⁵.

12 августа 1920 г. нарком Рабоче-крестьянской инспекции обратил внимание НКФ на затруднительное положение, в которое попадали полевые казначейства и бойцы Красной армии при переброске их из одного региона в другой. Они не могли пользоваться в новых местностях имевшимися у них белогвардейскими денежными знаками. Нарком просил урегулировать вопрос²³⁶.

18 сентября 1920 г. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции получил довольно странный ответ из Наркомфина. В нем говорилось, что во всех освобожденных от белогвардейцев районах

²³¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 83.

²³² Атлас З.В. Указ. соч. С. 70.

²³³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 188.

²³⁴ Атлас З.В. Указ. соч. С. 70.

²³⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 187.

²³⁶ Там же.

их дензнаки уже аннулированы, и спрашивалось, о каких деньгах идет речь ²³⁷.

В НКФ знали, что обращение контрреволюционных денег не прекратилось и вместе с красноармейцами они перемещаются из одного региона республики в другой. Однако в наркомате не хотели принимать отдельного, специального постановления и старались проводить в жизнь уже принятые решения относительно компенсаций за аннулированные белогвардейские дензнаки. До конца 1920 г. НКФ регулярно продолжал оплачивать значительные суммы контрреволюционных суррогатов, оказавшихся в распоряжении красноармейских подразделений.

7 июля 1920 г. Наркомфин дал указание Московской конторе бывшего Нарбанка обменять командированному в столицу «красному летчику» М.Ф. Михайлову дензнаки Ростовского банка в сумме 11 125 руб., обнаруженные в денежном ящике его разведывательного отряда, на общероссийские ²³⁸.

25 сентября 1920 г. Наркомфин сообщил Реввоенсовету республики о готовности направить деньги для выдачи компенсации военнослужащим Кавказского округа и фронта в обмен за белогвардейские дензнаки. Наркомат ждал уведомления о том, кто именно должен являться получателем этих средств ²³⁹.

5 октября 1920 г. НКФ дал распоряжение о срочном переводе кредита в размере 440 155 000 руб. в распоряжение начальника снабжения Кавказского фронта (Ростов-на-Дону) для выдачи возмещения военнослужащим за аннулированные денежные знаки ²⁴⁰.

14 октября 1920 г. С.Е. Чуцкаев направляет указание Донскому областному финотделу удовлетворить ходатайство командующего Северо-Кавказским фронтом Гиттиса и зачесть сданные военными учреждениями и частями аннулированные денежные знаки. Финотдел должен был их принять и восстановить использованные кредиты на хозяйственно-операционные расходы Северо-Кавказского фронта и округа. К декабрю 1920 г. военные передали в облфинотдел 2 404 380 руб. донскими дензнаками ²⁴¹.

²³⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 188 ; Д. 250. Л. 175.

²³⁸ Там же. Д. 250. Л. 97.

²³⁹ Там же. Л. 182.

²⁴⁰ Там же. Л. 195.

²⁴¹ Там же. Л. 208, 210, 290.

25 декабря 1920 г. представитель 21-й стрелковой дивизии сдал в центральную приходно-расходную кассу НКФ 3 848 226 руб. аннулированными деньгами. 28 декабря 1920 г. центральная канцелярия Наркомфина отдала распоряжение о переводе такой же суммы совзнаками на восстановление кредитов в полевое казначейство 21-й дивизии ²⁴².

Проблема контрреволюционных денег затронула и профсоюзы. 4 августа 1920 г. ВЦСПС направил ходатайство в Наркомфин о возмещении убытков от аннулирования донских и деникинских денег, находящихся в кассах профессиональных союзов. 13 августа 1920 г. НКФ уведомил профсоюзы, что вопрос разрешен положительно и отдал соответствующие распоряжения Донскому, Кубанскому, Терскому и Ставропольскому финотделам. Размер возмещения убытков устанавливался на основании выписок из кассовых книг профсоюзов, заверенных представителями уфинотдела и рабоче-крестьянской инспекции, и не должен был превышать суммы, находившейся в кассе каждого профсоюза на момент аннуляции белогвардейских денег. Все расходы по выдаче относились на счет Центрального бюджетно-расчетного управления (ЦБРУ) ²⁴³. С августа по конец 1920 г. Наркомфин компенсировал провинциальным профсоюзным организациям значительные суммы аннулированных белогвардейских денежных знаков ²⁴⁴.

В НКФ постоянно шли запросы по поводу контрреволюционных денег от различных организаций и предприятий. Наркомат рассматривал каждый случай в отдельности и давал свое заключение.

3 марта 1919 г. в НКФ пришла телеграмма, в которой говорилось, что VI съезд уполномоченных потребительских обществ Белебеевского уезда постановил ходатайствовать перед Советской властью об отмене аннулирования денежных знаков, выпущенных Советом Управления ведомств комитета членов Учредительного собрания. Свою просьбу кооператоры мотивировали тем, что Союз за последний год войны и за время революции сосредоточил торговые операции уезда в своих руках, поэтому большое количество денег оказалось в кассах кооперативных организаций. Их аннулирование «грозит затормозить дело организации хозяйства респуб-

²⁴² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 298, 299.

²⁴³ Там же. Л. 133, 134.

²⁴⁴ Там же. Л. 168, 284.

лики». В ответе Н.Н. Крестинского говорилось: «Возмещение учредительских денег невозможно»²⁴⁵.

1 июля 1920 г. заместитель наркома финансов разрешил Царицынскому губфинотделу поменять на общегосударственные кредитные билеты донские дензнаки, внесенные в отделение местного Нарбанка рабочими и служащими национализированной мельницы в сумме 230 931 руб. 41 коп. В августе 1920 г. НКФ санкционировал обмен белогвардейских знаков, полученных крестьянами Донской области за сданные государству продукты. В октябре 1920 г. по распоряжению НКФ Пермский губфинотдел выдал работникам Главпродотдела Пермской железной дороги 179 227 руб. 75 коп. в возмещение убытков от аннулирования сибирских денег²⁴⁶.

На рубеже 1918 – 1919 гг. усиливается засорение обращения республики денежными суррогатами. Помимо разнообразных дензнаков, выпускавшихся советской властью, в этот период большевики сталкиваются и с деньгами контрреволюционных правительств, оказавшимися на их территории вследствие успехов Красной армии. Перед НКФ встала задача изъятия суррогатов и унификации денежного обращения.

В отношении дензнаков, выпускавшихся местными советскими органами, наркомат сразу занял четкую позицию. Каждый вид этих суррогатов он рассматривал в отдельности и в большинстве случаев разрешал обменивать на советские на территории всей республики.

Что касается контрреволюционных денег, то большевики принимают принципиальное решение: аннулировать все денежные знаки антисоветских режимов без какой-либо оплаты. Однако попытка НКФ в начале 1919 г. запретить их обращение показала, что такой прямолинейный подход невозможен. Экономическая и политическая обстановка в освобождаемых регионах требовала более гибких решений. Простой запрет хождения белогвардейских кредиток автоматически приводил к резкому обострению денежного голода и параличу хозяйственной жизни данного района. Невозможность быстро насытить освобожденную территорию совзнаками ставила в крайне тяжелое положение как местное население, у которого на руках в подавляющем большинстве оставались только

²⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 8 – 9.

²⁴⁶ Там же. Д. 250. Л. 93, 149, 218.

контрреволюционные кредитки, так и восстанавливаемые советские органы. Наркомфин быстро скорректировал свою позицию. Единого декрета о запрете обращения белогвардейских денег принято не было, но для того чтобы прекратить хождение контрреволюционных суррогатов с наименьшим ущербом для освобожденной территории, момент объявления об аннулировании должны были выбрать местные власти.

Следующим важнейшим шагом становится выплата компенсации рабочим, советским служащим и красноармейцам, оказавшимся на освобожденной территории. Это решение было основано на классовом принципе, которому следовали большевики. Они материально поддерживали рабочих, советских служащих и красноармейцев, которые являлись социальной опорой Советской власти в освобожденном регионе. В течение 1919 – 1920 гг. выплаты производились регулярно. На это Наркомфин отпускал значительные средства. Последняя крупная компенсационная операция была произведена после падения белого Крыма. В начале декабря 1920 г. НКФ дал указания Александровскому и Таврическому ревкомам о выплате двухнедельного содержания рабочим и служащим в возмещение убытков за аннулирование крымских денежных знаков²⁴⁷.

Наркомфин требовал неукоснительного исполнения своего решения о компенсациях. Так, 18 сентября 1920 г. в Омск был направлен запрос с требованием срочно сообщить, чем руководствовалось финансовое управление Сибирского ревкома, отменив распоряжение НКФ о выдаче возмещения рабочим, служащим и красноармейцам за понесенные убытки в связи с аннуляцией белогвардейских денежных знаков²⁴⁸.

Обсуждалась в Наркомфине и проблема компенсаций для крестьян. Но по этому вопросу никакого решения принято не было. Однако в некоторых случаях с санкции НКФ местные власти меняли аннулированные белогвардейские кредитки и крестьянам за сданную государству продукцию.

Но компенсационными выплатами не исчерпывались расходы Советской власти, связанные с контрреволюционными деньгами. Значительные суммы белогвардейских дензнаков оказались в кассах предприятий, профсоюзов, кооперативов, полевых казначейств

²⁴⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 283.

²⁴⁸ Там же. Л. 172.

вах красноармейских частей и т.д. Оставить без средств «общепользные демократические организации» и национализируемые предприятия в освобождаемых районах НКФ не мог. Поэтому в большинстве случаев наркомат разрешал для них обмен белогвардейских денег на совзнаки.

Еще более значительные суммы контрреволюционных суррогатов скопились в полевых казначействах красноармейских частей. И в этом случае НКФ пошел на замену белогвардейских кредиток на совзнаки.

Следует отметить, что обмен контрреволюционных дензнаков на советские производился с убытком для казны, так как не учитывался рыночный курс различных купюр. Между тем после поражения белых их кредитки быстро падали в цене, а совзнаки, наоборот, росли. Обмен же производился чисто механическим путем 1 к 1.

Таким образом, принципиальное решение большевиков аннулировать все денежные знаки антисоветских режимов без какой-либо компенсации удалось провести в жизнь лишь частично. Особого декрета об изъятии из обращения контрреволюционных дензнаков так и не появилось. Между тем экономическая ситуация в регионах, освобождаемых от белых, вынудила Советское правительство к концу 1920 г. оплатить значительную часть антибольшевистских денег. Компенсацию получили оказавшиеся на этих территориях рабочие, служащие и красноармейцы. Значительные суммы белогвардейских дензнаков поменяли на советские рубли и части Красной армии. Возмещение выплачивалось некоторым предприятиям, профсоюзам и другим «общепользным демократическим организациям». В отдельных случаях компенсацию получали и крестьяне за сданные ими продукты.

Весной 1920 г. Наркомфин решает очистить денежное обращение Советской республики и от дензнаков дооктябрьских образцов. Как уже говорилось выше, в апреле – мае 1920 г. НКФ направляет на места распоряжения относительно дореволюционных рублей. Наркомат требует не выпускать больше в обращение «николаевские», «думские» и «керенки» из касс Наркомфина и один раз в месяц отправлять их в Отдел денежных и расчетных знаков НКФ (бывший Кребиль)²⁴⁹.

²⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 57, 64, 76.

Но указания, направленные в отдельные губернии весной 1920 г., не исполнялись в других регионах. Это нарушало единую денежную политику центра и приводило иногда к напряженным отношениям местных финансовых органов с другими провинциальными властями. Дело доходило до судебных разбирательств. Так, 22 июня 1920 г. центральная канцелярия НКФ выписала исполняющему обязанности подольского казначея А.А. Гладкову справку для представления в народный суд о том, что до сего времени не было издано общего распоряжения, запрещающего производство выплат из касс Наркомфина денежных знаков дореволюционных образцов²⁵⁰.

Отдельные распоряжения, направленные только некоторым местным финансовым органам, внесли дезорганизацию в проведение денежной политики. Для исправления положения НКФ подготовил единый для всей республики распорядительный документ – секретный циркуляр № 4-а, который 16 июля 1920 г. заместитель наркома финансов Л.Л. Оболенский разослал всем губернским финансовым отделам. В нем говорилось, что ввиду усиливающейся спекуляции денежными знаками образцов 1917 г. и дореволюционных НКФ предлагает губфинотделам прекратить всякие выплаты означенными знаками. Всю имеющуюся их наличность отправить немедленно в отдел денежных и расчетных знаков, а равно высылать в конце каждого месяца вновь поступившие деньги старых образцов. Данное указание губфинотделы должны были немедленно сообщить всем находящимся в пределах губернии кассам НКФ.

В циркуляре отмечалось, что изъятия из этого распоряжения могут иметь место исключительно в прифронтовых местностях, а также в тех губерниях, где выплаты деньгами старых образцов могут быть временно разрешены НКФ в качестве исключения для отдельных ведомств или учреждений.

Одновременно запрещалось производство выплат краткосрочными обязательствами и сериями Государственного казначейства, облигациями и купонами «Займа Свободы». Все перечисленные суррогаты должны были списываться на счет с Центральным управлением Нарбанка (счет с ЦБРУ) и высылаться в центральную приходно-расходную кассу НКФ в Москву.

Губфинотделам надлежало принять меры через местные губисполкомы, чтобы денежные знаки старых образцов не оставались

²⁵⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 85.

в кассах других ведомств, а немедленно сдавались в финотделы и, тем более, не обращались бы на оплату расходов. В особенности следовало наблюдать за тем, чтобы отобранные при обысках дензнаки немедленно сдавались в кассы комиссариата финансов. Для этого необходимо было войти в соглашение с местным отделом управления по вопросам об упорядочении обысков²⁵¹. Наркомфин стал бороться за неукоснительное выполнение своего секретного распоряжения.

20 августа 1920 г. Калужский губфинотдел сообщал в НКФ, что в его кассах скопилось керенок 40-рублевого достоинства на 2 083 000 руб. По циркуляру от 16 июля № 4-а их следовало изъять из обращения и выслать в отдел денежных и расчетных знаков. Однако уполномоченные от организаций, осуществляющие закупку продуктов, очень часто обращались с просьбой выдать им часть денег керенками, объясняя это тем, что продающие товар охотнее берут означенными знаками и назначают цену гораздо ниже, если расплата производится керенками. Согласно телеграфным распоряжениям центра такие запросы удовлетворялись. Кроме того, в обращении подчеркивалось, что на закупки большей частью ездят в Украину и в более плодородные губернии, где население требует расплаты керенками. На основании приведенных фактов губфинотдел просил НКФ оставить им керенки и разрешил не высылать их в центр²⁵².

4 сентября 1920 г. в Калугу была направлена телеграмма заместителя наркома финансов. В ней говорилось, что организациям, производящим закупки в пределах Калужской губернии, выдачи денежных знаков старых образцов недопустимы. С.Е. Чуцкаев потребовал полностью исполнять циркуляр от 16 июля²⁵³.

22 сентября 1920 г. Орский уфинотдел направил в НКФ запрос, в котором отмечалось, что агенты Наркомзема, приезжающие из центра для закупки лошадей, получают через кассы НКФ значительные суммы керенками. Между тем по циркуляру от 16 июля 1920 г. всем губфинотделам предложено прекратить всякие выплаты дензнаков образцов дореволюционного времени и немедленно выслать их в отдел денежных и расчетных знаков. Орский уфинот-

²⁵¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 139.

²⁵² Там же. Д. 187. Л. 173.

²⁵³ Там же. Л. 174 ; Д. 250. Л. 161.

дел указывал НКФ на то, что одно ведомство принимает меры по борьбе со спекуляцией суррогатами денежных знаков, а другое эти суррогаты выпускает в обращение путем платежей по закупкам²⁵⁴.

В своем ответе 20 октября 1920 г. Наркомфин потребовал неукоснительно исполнять циркуляр № 4-а. Что же касается вопроса о закупках лошадей агентами Наркомзема, то наркомат отмечал, что в отдельных, особо важных случаях по его разрешению ведомствам выдаются дензнаки старых образцов²⁵⁵.

17 октября 1920 г. Наркомфин не разрешил секретно-оперативному отделу Северо-Двинского губчека иметь в своем распоряжении денежные знаки старых образцов и потребовал немедленно все арестованные при обысках деньги сдавать в кассы НКФ, где они должны находиться до решения суда²⁵⁶.

20 ноября 1920 г. командующий Сибирской флотилией Попов обратился в НКФ с предложением открыть в Иркутском губфинотделе кредит в 100 тыс. руб. романовскими деньгами и 10 тыс. руб. серебром, так как советские деньги на востоке не принимаются. Эту просьбу поддержало и Главное морское хозяйственное управление. В ответной телеграмме комиссариата финансов от 22 декабря 1920 г. говорилось, что ходатайство командующего Сибфлотилией о выдаче на расходы дензнаков старого образца и серебра не может быть удовлетворено. Наркомфин рекомендовал в тех случаях, когда российские деньги не принимает местное население, пользоваться денежными знаками Дальневосточной республики, обменивая на них совзнаки²⁵⁷.

16 апреля 1920 г. СНК принимает декрет «О реквизициях и конфискациях». Его целью являлась регламентация проведения конфискаций и реквизиций различными органами, круг которых был четко очерчен. Все прежние постановления как центральных, так и местных властей, противоречащие декрету, отменялись²⁵⁸. Но принятый закон, несмотря на длительный период его подготовки и активное участие в его разработке В.И. Ленина, оказался далеко не совершенным. Одним из серьезных недостатков явилось то, что в декрете не говорилось о порядке реквизиции и конфискации благород-

²⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 187. Л. 247.

²⁵⁵ Там же. Л. 248 ; Д. 250. Л. 215.

²⁵⁶ Там же. Д. 250. Л. 212.

²⁵⁷ Там же. Д. 187. Л. 326, 327 ; Д. 250. Л. 286.

²⁵⁸ Декреты Советской власти. Т. 8. М., 1976. С. 46 – 48.

ных металлов и денег. Между тем с этой проблемой постоянно сталкивались советские органы.

Для того чтобы ликвидировать наиболее существенные недостатки декрета 13 июля 1920 г., Совнарком принимает специальное постановление. В нем признавались подлежащими конфискации платиновые, золотые и серебряные монеты, золото и платина в слитках, драгоценные камни, процентные и дивидендные бумаги, кроме тех, которым на основании особых постановлений присвоено обращение наравне с дензнаками, а также наличные денежные знаки в случае признания народным судом факта приобретения их для спекулятивных целей. Кроме того, могли быть изъяты изделия из благородных металлов, если их количество превышало нормы, установленные постановлением СНК.

Наличные денежные средства, хранящиеся у частных лиц и превышающие в общей сложности двадцатикратную минимальную тарифную ставку данной местности на одно лицо (независимо от образцов денег), подлежали аресту и принудительному внесению на текущие счета владельцев в государственные кассы. Все изъятые ценности после составления акта и описи передавались в трехдневный срок в ближайшую кассу НКФ, а в столице – в Гохран. Наркомат финансов или местные губфинотделы определяли в недельный срок, какие части арестованных ценностей подлежали реквизиции, конфискации или внесению на текущий счет владельца и какие возвращались их хозяину²⁵⁹.

Реализация декрета «О реквизициях и конфискациях» и принятого в его развитие положения СНК от 13 июля 1920 г. потребовала постоянного внимания со стороны НКФ. В наркомат пошли запросы от различных ведомств и учреждений. Много вопросов возникло по поводу хранения и обращения денежных знаков дореволюционных образцов. Кроме того, Наркомфину пришлось раскрыть некоторые положения своего секретного циркуляра от 16 июля 1920 г., который оставался неизвестным для других ведомств.

В начале мая 1920 г. НКФ направляет разъяснения в карательный отдел Наркомата юстиции и в управление Северо-Западным речным транспортом. В них говорилось, что каких-либо ограничений на хранение денежных знаков прежних образцов не установле-

²⁵⁹ Декреты Советской власти. Т. 9. С. 213 – 214 ; Известия НКФ. 1920. № 14 – 15. С. 23 ; Известия ВЦИК. 1920. 25 июля. № 163.

но. В кассах НКФ введен порядок, по которому дензнаки николаевские и Временного правительства должны по мере поступления препровождаться в отдел денежных и расчетных знаков ЦБРУ²⁶⁰.

10 августа 1920 г. Мобилизационное управление Всероссийского главного штаба направляет в НКФ отношение, где указывает на то, что в последнее время наблюдаются случаи, когда некоторые учреждения и организации при покупке лошадей расплачиваются денежными знаками царского и Временного правительств. Так как эти знаки, являясь предметом тайной спекуляции, расцениваются на рынке в несколько раз дороже денег Советской республики, то население гораздо охотнее продает лошадей этим учреждениям и организациям. Мобилизационное управление считало такое положение неприемлемым. В отношении говорилось, что это вносит «принцип недопустимой спекуляции», инициатором которой являются гражданские учреждения и организации, пользующиеся дореволюционными кредитными билетами. Сложившаяся ситуация тормозит приобретение на местах лошадей комиссиями военного ведомства, которые расплачиваются деньгами повсеместно установленного образца. Обыватель охотнее отдает лошадь тем, кто расплачивается более выгодной с точки зрения рынка валютой. Мобилизационное управление потребовало от НКФ предписать всем кредитным учреждениям при отпуске средств на покупку лошадей выдавать таковые только денежными знаками Советской республики²⁶¹.

В своем ответе 24 августа 1920 г. Наркомфин сообщил Мобилизационному управлению Всероссийского главного штаба, что уже отдано распоряжение, запрещающее платежи деньгами старых образцов, за исключением прифронтовых губерний, где они временно допускаются²⁶².

30 сентября 1920 г. Наркомфин направил ответ на отношение начальника ревкома Революционного военного совета Западного фронта, в котором пояснял, что никаких инструкций о праве хранения гражданскими лицами денежных знаков наркомат не выпускал. Издавать постановления по этому вопросу прерогатива местных органов, которые при этом должны учитывать особенности своего региона²⁶³.

²⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 40, 41.

²⁶¹ Там же. Д. 187. Л. 153.

²⁶² Там же. Д. 250. Л. 150 ; Д. 187. Л. 154.

²⁶³ Там же. Л. 189.

19 ноября 1920 г., отвечая на обращение Народного комиссариата внешней торговли, С.Е. Чуцкаев писал, что царские и думские денежные знаки не считаются запрещенными к хранению и обращению, поскольку хранение их не носит спекулятивного характера и не выходит за пределы, установленные постановлением СНК, опубликованном в «Известиях ВЦИК» 25 июля 1920 г. Заместитель наркома финансов предложил органам таможенного контроля наблюдать за тем, чтобы все дензнаки старых образцов немедленно отправлялись в кассы НКФ²⁶⁴.

В связи с реализацией декрета «О реквизициях и конфискациях» и положения от 13 июля 1920 г. Наркомфин инструктировал местные органы, что принимать какие-либо особые меры к обнаружению излишков денежных знаков у граждан нежелательно²⁶⁵. Несмотря на это, в НКФ пошли обращения жителей относительно возвращения конфискованных при обысках сумм. При рассмотрении заявлений наркомат придерживался следующих критериев: 1. Государственные органы не должны возвращать частным лицам, у которых были отобраны деньги, купюры старых образцов. 2. НКФ не признавал лажа на любые виды денежных знаков²⁶⁶.

Таким образом, даже если изъятые при обысках деньги возвращались их владельцам, то делалось это исключительно советскими дензнаками. При этом соотношение стоимости различных видов кредиток на вольном рынке не учитывалось. Деньги возвращались 1 к 1 по номиналу, что наносило ощутимый урон владельцам наиболее «дорогих» билетов, в первую очередь «царских».

10 ноября 1920 г. заведующий центральной канцелярией НКФ Сергеев направляет ответ на заявление кассира Тверского уфинотдела Е.Д. Миклуха в местный губфинотдел. Заявитель просил вернуть отобранные у него при обыске в мае 1920 г. 27 853 руб. деньгами старого образца, внесенных в бывшее отделение Нарбанка. Заведующий канцелярией разрешил вернуть всю сумму, но советскими дензнаками при условии предоставления решения Тверского народного суда²⁶⁷.

²⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 250.

²⁶⁵ Там же. Л. 212.

²⁶⁶ Там же. Л. 189, 250.

²⁶⁷ Там же. Л. 229, 230.

В тот же день НКФ направляет указание Любанскому исполкому возвратить отобранные при обыске украинские денежные знаки коменданту поезда «Наркомпуть» А. Бункину на том основании, что данный вид дензнаков оставлен правительством РСФСР в частном обращении²⁶⁸.

12 ноября 1920 г. было принято решение по делу войскового инженера Казимира Гиса. У него отобрали деньги старого образца на сумму 21 721 руб., хранившиеся в бывшем Орском отделении Нарбанка. Как и в случае с Е.Д. Миклухом, НКФ разрешил их вернуть, но только совзнаками и после оправдания просителя в суде²⁶⁹.

16 ноября 1920 г. заведующему Самарским губфинотделом было направлено указание Наркомфина по поводу изъятия при обыске у сотрудника губернского финотдела Горбака дензнаков старых образцов. Их разрешили вернуть советскими деньгами при условии отсутствия обвинения в спекуляции²⁷⁰.

Заместитель наркома финансов С.Е. Чуцкаев лично принял участие в рассмотрении дела красноармейца Гершона Хононовича Гинзбурга. У его отца столяра Хонона Гинзбурга при обыске квартиры в г. Борисове отобрали 43 866 руб., в том числе 19 301 руб. денежными знаками старого образца. Неоднократные обращения к местным органам власти дать делу законный ход оставались без последствий, и изъятая сумма не была передана в кассу НКФ.

27 декабря 1920 г. С.Е. Чуцкаев предложил Белорусскому комиссариату финансов затребовать от Борисовского ревкома объяснений по делу и дать распоряжение о сдаче отобранных при обысках ценностей в кассу НКФ. Кроме того, заместитель наркома дал указание выплатить гражданину Гинзбургу изъятые у него при обыске суммы дензнаками советского образца, если против него не возбуждено обвинения в спекуляции. Об исполнении предписаний он потребовал немедленно сообщить в наркомат²⁷¹.

Борьба за унификацию денежного обращения, которую проводил НКФ, приносила свои положительные результаты. Совзнаки успешно вытесняли все другие типы денег. Однако в 1919 г. наркомат столкнулся с серьезной угрозой. В республику могла

²⁶⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 231.

²⁶⁹ Там же. Л. 239.

²⁷⁰ Там же. Л. 246.

²⁷¹ Там же. Л. 297.

хлынуть огромная масса суррогатов, выпускавшихся Советской властью в Туркестане.

На протяжении 1917 – 1920 гг. в Средней Азии сложилось тяжелейшее финансовое положение. С 1918 г. этот регион был отрезан от центра и практически не получал денежных подкреплений. Вследствие сложившихся обстоятельств СНК РСФСР предоставил Туркестанскому отделению Нарбанка право выпуска временных кредитных билетов Туркестанского края, так называемых туркбон: 3 сентября 1918 г. на 200 млн руб., 17 сентября 1918 г. на 300 млн руб., 16 апреля 1919 г. до 2 млрд руб.²⁷²

Постановление СНК от 16 апреля 1919 г. установило район обращения временных кредитных билетов Туркестанского края: Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская, Тургайская, Акмолинская области, а также Хива и Бухара. Нарбанку РСФСР предоставлялось право производить свободный обмен туркбон на общероссийские дензнаки и вне пределов указанных территорий²⁷³.

15 июля 1919 г. на заседании СНК обсуждался проект декрета о выпуске временных кредитных знаков Туркестанскому краю, внесенный Я.С. Ганецким. Его передали на рассмотрение Малого Совнаркома, который 22 июля единогласно принимает постановление о разрешении Ташкентскому отделению Нарбанка увеличить выпуск временных кредитных билетов Туркестанского края еще на 1 млрд руб.²⁷⁴

В 1920 г. потребность в деньгах в ТССР растет ускоренными темпами. Москва не могла в достаточном количестве обеспечить снабжение края общефедеральными дензнаками и вынуждена была соглашаться на постоянные просьбы местных властей об увеличении выпуска туркбон. Совнарком санкционировал расширение эмиссионного права Туркестана 13 февраля 1920 г. до 9 млрд, 27 февраля 1920 г. до 18 млрд, 6 мая 1920 г. до 26 млрд, 21 июня 1920 г. до 30 млрд руб.²⁷⁵

²⁷² Декреты Советской власти. Т. 3. С. 283 – 285, 350 – 351 ; Декреты Советской власти. Т. 5. С. 81 – 82 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 166.

²⁷³ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 81 – 82 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 166.

²⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 303. Л. 2 ; Декреты Советской власти. Т. 5. С. 586 – 587.

²⁷⁵ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 513 – 514, 530 – 531 ; Т. 8. С. 403 – 404 ; Т. 9. С. 422.

Архивные документы свидетельствуют о том, что печатный станок в Среднеазиатской республике работал безостановочно, а Москва задним числом узаконивала уже произведенные выпуски туркбон. Еще до принятия постановления СНК от 6 мая, разрешающего увеличить производство туркестанских бон до 26 млрд, 22 апреля 1920 г. НКФ по запросу Народного комиссариата финансов ТССР санкционировал выпуск местных дензнаков на 3 млрд руб.²⁷⁶

14 августа 1920 г. Л.Л. Оболенский направляет в СНК проект декрета об очередном расширении эмиссионного права для Туркестана до 40 млрд. В пояснительной записке заместителя наркома финансов говорится, что 21 июня эмиссионное право ТССР было повышено до 30 млрд руб., но к 15 июля фактическая эмиссия достигла уже 32 млрд. Вследствие этих причин Турцик ходатайствует об очередном увеличении выпуска туркбон до 40 млрд, указывая на то, что ежемесячная потребность Туркестана в дензнаках достигает 9 млрд руб.

Л.Л. Оболенский просил обратить внимание правительства на ненормальную постановку финансового хозяйства ТССР. В 1920 г. расширение эмиссионного права испрашивается Туркестаном уже в четвертый раз. По данным Оболенского, эмиссия в Среднеазиатской республике за первое полугодие 1920 г. превысила эмиссию 1919 г. в 5 раз, для всей РСФСР это соотношение составило 2,5 раза. Потребность края в дензнаках в начале года определялась в 3 млрд руб. ежемесячно, в настоящее время она равняется 9 млрд²⁷⁷.

26 августа 1920 г. СНК в очередной раз принимает постановление, расширяющее право выпуска временных кредитных билетов в Туркестане до 40 млрд руб.²⁷⁸

Однако финансовое положение ТССР продолжало ухудшаться, что сопровождалось постоянным увеличением потребности в деньгах. И уже 10 сентября 1920 г. эмиссионное право Туркестанского ЦИК было расширено до 75 млрд. Одновременно СНК принимает постановление о посылке ежемесячно начиная с сентября 1920 г. в ТССР 4 млрд руб.²⁷⁹

Следствием громадной эмиссии, которая с 1919 г. по 1921 г. выросла в Туркестане в 100 раз (общероссийская в 20 раз), стано-

²⁷⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 62.

²⁷⁷ Там же. Л. 136.

²⁷⁸ Декреты Советской власти. Т. 10. С. 284 – 285.

²⁷⁹ Там же. С. 319 – 320.

вится катастрофическое падение покупательной способности туркбон²⁸⁰. Безостановочная работа печатного станка привела к упрощению производства туркбон до такой степени, что они печатались на оберточной бумаге красками для крыш²⁸¹. В результате местные жители не испытывали доверия к таким «деньгам». В ряде областей по границам Туркестана население вовсе отказалось от туркбон и их обращение там прекратилось²⁸².

Москва также не испытывала доверия к обесценивающимся суррогатам. Наркомфин стремился не допустить распространения туркестанских дензнаков по другим регионам республики. 20 сентября 1919 г. коллегия НКФ рассматривала вопрос «о ташкентских деньгах», которые вследствие обстоятельств военного времени имели хождение в Оренбургской губернии. Было решено, что туркбоны обращаются только в пределах Туркестана и их распространение за его пределами должно быть прекращено²⁸³.

Постановление СНК от 16 апреля 1919 г. предоставляло Нарбанку право свободно обменивать кредитные билеты Туркестанского края на общероссийские дензнаки по всей территории РСФСР. Однако на практике размен встречал значительные затруднения и слабо проводился в жизнь²⁸⁴. Во многом это объясняется позицией Наркомата финансов, который стремился ограничить выход туркбон за пределы очерченного для их хождения региона, чтобы избежать засорения обращения обесценившимися дензнаками. В инструкциях, направленных в губернии в сентябре – октябре 1920 г., наркомат разрешал менять временные кредитные билеты Туркестанского края только в губфинотделах в отдельных случаях и не более 5 тыс. руб. на одно лицо при отсутствии данных о наличии спекуляции²⁸⁵. В ноябре 1920 г. НКФ повысил разрешенную к обмену сумму до 10 тыс. руб.²⁸⁶ Таким образом, свободный размен туркбон на общероссийские дензнаки на практике оказался значительно ограничен. Суммы, разрешенные к обмену, были ничтожно малы. Такая мера объясняется тем,

²⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 51. Л. 221 ; Д. 59. Л. 8 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 167.

²⁸¹ Атлас З.В. Указ. соч. С. 69.

²⁸² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 384. Л. 70 ; Ф. 670. Оп. 1. Д. 59. Л. 84.

²⁸³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 148. Л. 22.

²⁸⁴ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 166 – 167.

²⁸⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 159, 187, 188, 193.

²⁸⁶ Там же. Л. 238.

что при свободном размене любого количества туркбон в республику мог хлынуть поток этих денежных суррогатов и окончательно обрушить и без того хаотичное денежное обращение. Обмен туркестанских кредитных билетов на общероссийские деньги не учитывал их рыночной оценки и производился 1 к 1. Если бы население захотело поменять несколько миллиардов суррогатов на советские рубли, то никаких мощностей Экспедиции заготовления государственных бумаг не хватило бы, чтобы напечатать необходимое для этого количество дензнаков. Предпринятые Наркомфином меры принесли положительный результат. Массового выхода туркбон за пределы Средней Азии удалось избежать.

На протяжении 1918 – 1920 гг. в Туркестане фактически в чистом виде велось эмиссионное хозяйство. Бюджетная работа практически отсутствовала. Ведомства не предоставляли смет, а только требовали отпуска временных кредитов. Отсутствовала и налоговая политика. В течение 1919 г. общая сумма доходных поступлений от налогов, реализации производства национализированной промышленности и от продовольственных операций равнялась 200 млн руб., составив 2 % общей суммы бюджета²⁸⁷.

В 1919 г. в связи с успехами Красной армии встала проблема объединения финансовых систем ТССР и РСФСР. Однако крайнее расстройство денежного обращения Туркестана являлось серьезным препятствием в проведении этого важнейшего экономического мероприятия.

Для того чтобы исправить критическое положение, сложившееся в ТССР, Наркомфин озаботился кадровым укреплением местных финансовых органов. 24 сентября 1919 г. коллегия НКФ решает командировать в Туркестан А.Е. Аксельрода для организации учреждений Наркомата финансов²⁸⁸. 25 февраля 1920 г. комиссаром финансов ТССР назначается С.М. Измайлов, а членами Туркестанской финансовой коллегии Д.П. Боголепов и П.Э. Герман. 4 июня 1920 г. в распоряжение НКФ Туркестанской республики для осуществления реформы финансовых органов были откомандированы бывший заведующий губфинотделом Трудовой коммуны области немцев Поволжья Г.Г. Кесслер и член коллегии того же губфинотдела В.И. Голованов²⁸⁹.

²⁸⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 35.

²⁸⁸ Там же. Д. 150. Л. 78.

²⁸⁹ Там же. Д. 219. Л. 14, 116, 118.

Однако все попытки наладить финансовое хозяйство только посредством помощи кадрами опытных финработников тонули в астрономическом количестве бумажных денег, обращавшихся в Туркестане. Особая комиссия при Наркомфине ТССР, разрабатывавшая мероприятия по налаживанию финансового хозяйства республики, пришла к выводу о необходимости в первую очередь изъятия из оборота излишков денежной массы. В апреле 1920 г. Наркомфину РСФСР были предложены три плана проведения реформы денежного обращения Туркестана. Все они предусматривали различные варианты деноминации туркбон²⁹⁰. С этого момента начинается подготовка к проведению реформы денежного обращения Туркестана. Она велась под руководством наркома финансов ТССР С.М. Измайлова, который работал в тесном контакте с Наркомфином РСФСР и председателем Турккомиссии Г.Я. Сокольниковым.

7 июня 1920 г. в Малом СНК Л.Л. Оболенский представил проект деноминации временных кредитных билетов Туркестана, но он был отклонен 11 июня 1920 г.²⁹¹.

7 сентября 1920 г. с тезисами по вопросу об урегулировании денежного обращения в Туркестане в СНК выступил другой замнаркома НКФ РСФСР С.Е. Чуцкаев. Он предложил: 1. Прекратить выпуск временных кредитных билетов Туркестанского края не позднее 1 декабря 1920 г., заменив их расчетными знаками общегосударственного образца. 2. Замену произвести в определенном соотношении, руководствуясь существующим ко времени декретирования обмена курсом туркбон по отношению к общегосударственным дензнакам.

На заседании обсуждалась также отправленная из Ташкента 4 сентября 1920 г. по прямому проводу телеграмма Г.Я. Сокольникова. Председатель Турккомиссии ВЦИК отмечал, что настоящее положение в Туркестане требует срочных мероприятий. Обесценение туркбон даже по сравнению с расчетными знаками РСФСР достигло катастрофических размеров. На местном рынке обращаются 60 млрд бумажных денег, что может привести к окончательному падению бон, которые увлекут за собой и центральные дензнаки. Все это подрывает возможность перехода на единую денежную систему. Комиссия ВЦИК пришла к выводу о необходимости немедленного изъятия из обращения туркбон и замену их на общегосударственные дензнаки.

²⁹⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 35 – 36.

²⁹¹ Там же. Д. 161. Л. 29, 33 ; Декреты Советской власти. Т. 9. С. 326 – 327.

Кроме того, в телеграмме выдвигалось предложение Турккомиссии использовать в Туркестане серебряный фонд РСФСР. Сокольников обращал внимание правительства на то, что серебро доминирует в обращении сопредельных стран и с его помощью можно диктовать свою волю на восточных рынках.

Совнарком утвердил тезисы НКФ, но отклонил предложение Турккомиссии об использовании серебра на восточных рынках²⁹².

11 октября 1920 г. СНК принимает декрет «Об урегулировании денежного обращения в Туркестанской Социалистической Советской Республике». В этом законодательном акте говорилось: в целях объединения денежного обращения во всех входящих в состав РСФСР отдельных федеративных частях выпуск временных кредитных билетов Туркестанского края прекратить к 1 января 1921 г. и изъять их из обращения путем обмена на расчетные знаки РСФСР.

Однако в декрете не была четко прописана процедура проведения в жизнь намеченного мероприятия. Говорилось лишь о том, что обмен необходимо произвести в определенном соотношении между туркбонами и общефедеральными дензнаками, которое устанавливается специальным соглашением Турцик с Комиссией ВЦИК по делам Туркестана и НКФ РСФСР. Не было указано ни сроков, ни механизма проведения намеченного мероприятия. Порядок обмена должен был установить отдельный декрет Туркестанского ЦИК, одобренный СНК РСФСР²⁹³.

Таким образом, декрет Совнаркома от 11 октября 1920 г. можно считать не более чем декларацией о намерениях. Разработка механизма изъятия турк-бон из обращения продолжалась до конца декабря. Финансовые ведомства РСФСР и Туркестана при активном участии Турккомиссии ВЦИК решали важнейшие технические вопросы: 1) какие общефедеральные дензнаки следует использовать при обмене; 2) определить обменный курс туркбон и сроки проведения деноминации; 3) организовать специальные кассы; 4) выработать инструкции для местных финорганов; 5) наладить финансовые взаимоотношения с Бухарской Советской Республикой; и т.д.²⁹⁴

²⁹² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 384. Л. 3 – 4, 70, 74 ; Декреты Советской власти. Т. 10. С. 312 – 313.

²⁹³ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 59. Л. 60 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 161. Л. 49 ; Декреты Советской власти. Т. 11. С. 317 – 318.

²⁹⁴ Там же. Л. 29 – 58, 62 – 64, 73 – 76 ; Д. 60. Л. 79 – 82, 101, 103 – 112.

Главной составляющей успешного проведения реформы денежного обращения Туркестана являлось установление приемлемого соотношения между деноминруемыми туркбонами и расчетными знаками РСФСР 1919 г. Нарком финансов ТССР С.М. Измайлов внес предложение в Комиссию ВЦИК по делам Туркестана об установлении курса 10 к 1. Он исходил из того, что на рынках Бухары и Туркестана довольно долго держится лажа на керенки, который составляет 1 к 10 по отношению к туркбонам. Именно рыночный курс керенок нарком и предлагал взять за основу в ходе проведения реформы. Измайлов выделил главный, по его мнению, фактор, который повлияет на равноценность расчетных знаков 1919 г. и дензнаков Временного правительства. Он указывал на то, что местное население учитывает хождение керенок по всей территории Советской республики. Поэтому и совзнаки, как общефедеральные деньги, должны получить такую же оценку на рынке²⁹⁵.

В ноябре 1920 г. была проведена своеобразная репетиция готовившейся реформы. Расчетные знаки 1919 г. выпустили по курсу керенок в Бухарской и Хорезмской республиках²⁹⁶. По сведениям Измайлова, это мероприятие прошло безболезненно. Дензнаки 1919 г. охотно принимались населением по установленному курсу. Измайлов считал, что этот факт является гарантией безболезненности реформы и для ТССР, так как наблюдается весьма существенное влияние Бухарского рынка на Туркестан. Турккомиссия согласилась с доводами наркома²⁹⁷.

23 ноября 1920 г. С.Е. Чуцкаев направил на рассмотрение СНК принятый Туркестанским ЦИК и согласованный с Турккомиссией и НКФ РСФСР декрет о деноминации туркбон²⁹⁸, который был единогласно утвержден 26 ноября на заседании Малого Совнаркома РСФСР. Обмен временных кредитных билетов Туркестанского края согласно этому декрету производился на денежные знаки РСФСР выпуска 1919 г. в соотношении 10 к 1. Гражданин, достигший шестнадцатилетнего возраста, мог беспрепятственно с 1 января по 1 марта 1921 г. поменять не более 3 млн туркбон на общефедеральные дензнаки. Суммы, превышающие разрешенную к обмену,

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 59. Л. 29 – 30.

²⁹⁶ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 168.

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 59. Л. 31, 33.

²⁹⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 256.

должны были вноситься на текущий счет владельца в том же соотношении 10 к 1²⁹⁹.

31 декабря 1920 г. СНК ТССР издает декрет о деноминации временных кредитных билетов Туркестанского края. Изъятие из обращения «ташкентских денег» проходило в январе – феврале 1921 г. В ходе реформы денежного обращения Туркестана население предъявило к обмену туркбон на 100 млрд руб.³⁰⁰

Если проблема унификации денежного обращения ТССР в целом была успешно решена, то с аналогичной задачей не сумело справиться руководство образованной 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики (ДВР).

На территории Дальнего Востока и Приморья к 1920 г. сложилось чрезвычайно пестрое денежное обращение. Правительство только что появившегося буферного государства попыталось через два месяца после своего создания провести его частичную унификацию. Решено было обменять колчаковские и семеновские денежные знаки на валюту ДВР, так называемые «буферки», и на советские дензнаки, которые по соглашению с РСФСР имели хождение на территории новой республики по одному курсу с «буферками». Своеобразие денежного обращения на Дальнем Востоке и в Приморье определялось не только тем, что, как и в других регионах России, здесь имели хождение всевозможные общероссийские и местные деньги, но и широчайшим распространением иностранной валюты. В Приморье господствовала японская иена, в Амурской области с центром в Благовещенске – китайский даян, в Прибайкалье – маньчжурский янчен. Степень распространения различных валют определялась близостью территорий, входивших в ДВР, к границам того или иного государства.

Готовившаяся реформа, получившая название девальвации, преследовала несколько целей. Во-первых, упрочить финансовую систему ДВР. Во-вторых, положить конец валютной интервенции иностранных государств. Первоначально планировалось обменять колчаковские и семеновские кредитки на «буферки» и совзнаки по курсу 1 к 10. Но по просьбе приморцев решено было установить курс 1 к 100.

²⁹⁹ Декреты Советской власти. Т. 11. С. 408 – 410.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 51. Л. 284 об. – 285 об. ; Д. 59. Л. 78 – 78 об. ; 79, 80, 81 – 83 об. ; Атлас З.В. Указ. соч. С. 66 ; Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 167 – 169.

О девальвации в Прибайкалье объявили 2 июня 1920 г. За 10 дней решено было обменять до 50 тыс. руб. на новые денежные знаки, а за остальные деньги, принимаемые от граждан, выдавать квитанции с обязательством рассчитаться в трехмесячный срок. 16 сентября 1920 г. в Прибайкалье запретили к обращению янчен.

В Амурской области реформа проводилась несколько позднее и продолжалась 2 месяца – с 18 августа по 18 октября 1920 г. В отличие от Прибайкалья девальвация производилась по курсу 1 к 1000.

В Приморье 5 июня 1920 г. Приморское правительство приняло закон об эмиссии кредитных билетов 1918 г. и об обмене на них имеющихся в обращении платежных знаков и закон, запрещающий сделки на иностранную валюту. В обращение направлялись денежные знаки, изготовленные в США еще по заказу Керенского. Новые деньги выпускались под золотое обеспечение. Их обмен производился по курсу 1 к 200 при официально установленном даже нового рубля к золоту 1 к 10.

Однако, как убедительно доказала в своей диссертации М.Ф. Щагина, предпринятые меры не привели к улучшению ситуации в финансовом хозяйстве Дальневосточной республики. Ни «буферки», ни совзнаки не получили после девальвации достаточной устойчивости и стали быстро обесцениваться. Причиной этого стало то, что неверно было выбрано соотношение обмена – 1 к 100. Новые дензнаки появились на территории ДВР недавно и не пользовались доверием у населения, поэтому, по мнению М.Ф. Щагиной, более правильным было соотношение, которое предлагалось при подготовке девальвации 1 к 10.

Не удалось противостоять и валютной экспансии. Экономическая слабость ДВР и практически открытые границы привели к господству на рынках республики иностранного капитала. Ни в Прибайкалье, ни в Амурской области вытеснить маньчжурский янчен и китайский даян не удалось.

Еще более тяжелая ситуация сложилась в Приморье. Здесь активное противодействие реформе оказала Япония и к ноябрю 1920 г. курс рубля по отношению к иене упал ниже дореформенного. Под давлением японцев 6 ноября 1920 г. Приморье перешло на золотое обращение. Это оказалось очень выгодно для иностранного капитала. Он тут же воспользовался возможностью выкачивать из России значительные суммы в золоте и серебре.

В мае 1921 г. в Приморье произошел переворот и к власти пришел С.Д. Меркулов. С этого момента вплоть до эвакуации японцев из Владивостока в 1922 г. иена безраздельно доминировала на местном рынке, превратившись, по сути, в «обрусевшую» валюту³⁰¹.

Политику унификации денежного обращения, проводившуюся Советским правительством с конца 1918 г., в целом следует признать достаточно успешной. Большевикам удалось к середине 1920 г. добиться того, что совзнак стал главным средством расчетов на большей части бывшей Российской империи. Большинство денежных суррогатов или растворилось в обращении, или было из него изъято. Наиболее популярные среди граждан бывшей империи дензнаки дооктябрьских образцов уже с начала 1919 г. перестали играть в обороте какую-либо заметную роль. Население превратило их в орудие накопления и сбережения. Большевикам удалось успешно решить и проблему «ташкентских денег», не допустив массового наплыва туркбон на территорию РСФСР.

Успех политики унификации денежного обращения в первую очередь определялся победами большевиков в Гражданской войне. Совзнак наступал вслед за частями Красной армии. Но нельзя не отметить, что успешному проведению унификации в немалой степени способствовала и политика финансового ведомства. Наркомфин проявлял гибкость в вопросах денежного обращения и не стеснялся прибегать к рациональным, но компромиссным решениям.

³⁰¹ Щагина М.Ф. Экономическая политика Дальневосточной республики (1920 – 1922 гг.) : дис. ... канд. экон. наук. М., 1968. С. 297 – 315.

Глава 3

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

3.1. Разработка и принятие росписей общегосударственных доходов и расходов за 1918 г.

Главной задачей в области упорядочения финансового хозяйства большевики считали создание бюджета Советской республики. По их мнению, это помогло бы выйти не только из кредитного кризиса, но и позволило бы приступить к налаживанию всего хозяйственного механизма. Кроме того, большевики стремились к построению нового бесклассового общества, развивающегося в отличие от капитализма по единому плану. Поэтому создание бюджета являлось важнейшей задачей при заложении фундамента социалистической формации, возведение которой было главной целью нового политического режима, пришедшего к власти в России в октябре 1917 г.

Законодательные нормы, регламентировавшие бюджетное дело в России, признавались неудовлетворительными уже при Временном правительстве. Летом 1917 г. финансовое ведомство приступило к разработке проекта нового бюджетного закона. Главной проблемой был вопрос о начальном сроке бюджетного года, тем более что 1 января давно уже признавалось неудобным. Поэтому решено было сблизить бюджетный год с сельскохозяйственным, начав его с 1 июля, и ближайший бюджет ограничить лишь первым полугодием 1918 г., чтобы затем перейти на новый срок исчисления смет¹.

¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 40 – 41.

С приходом к власти большевики попытались закончить работу по составлению росписи доходов и расходов, начатую предыдущим режимом. Составлять бюджет на более длительный срок, по мнению наркома финансов И.Э. Гуковского, не представлялось возможным прежде всего по «обстоятельствам времени»². Таким образом, появились рамки первого советского бюджета январь – июнь 1918 г. В объяснительной записке к росписи государственных расходов и доходов И.Э. Гуковский утверждал, что с переходом власти в руки рабочих и крестьян многие правительственные учреждения оказались ненужными, большая их часть должна была подвергнуться «более или менее» глубоким преобразованиям, иные ведомства весьма крупного государственного значения возникали вновь. Мировая война привела к расстройству железнодорожного транспорта и других хозяйственных предприятий казны. Поэтому предусмотреть на год вперед потребности ведомств и учреждений оказалось невозможно³.

За подготовку росписи, как и при Временном правительстве, отвечал Департамент государственного казначейства. С конца октября 1917 г. работы по составлению и рассмотрению проектов смет на январь – июнь 1918 г. почти во всех ведомствах приостановились. Меры, предпринятые Департаментом государственного казначейства к продвижению этих работ, не принесли результата. Убедившись в безнадежности скорого получения смет, казначейство попыталось в кратчайший срок составить временные расходные расписания на первые месяцы 1918 г. 18(5) ноября 1917 г. департамент обратился во все учреждения с просьбой сообщить данные, необходимые для составления временных расходных расписаний. Далеко не все учреждения отозвались, и казначейство не получило в свое распоряжение всех необходимых сведений. Не привело к успеху и повторное его обращение к ведомствам по этому вопросу в декабре 1917 г.⁴

Такая ситуация объяснялась прежде всего саботажем служащих. Составление бюджета на январь – июнь 1918 г. возобновилось, как только работа в ведомствах стала налаживаться. Но подготовка смет все равно представляла крупные затруднения, тем более что сметные материалы Временного правительства в большинстве

² РГАЭ. ф. 7733. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 41.

⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 29.

случаев оказались совершенно непригодными в новых условиях ⁵. Департамент государственного казначейства разработал временные правила по составлению и рассмотрению смет на первую половину 1918 г. с очень льготными условиями. Они были утверждены коллегией НКФ 28 января 1918 г. ⁶

По новым правилам печатать сметы типографским способом не требовалось, достаточно было лишь передать их по одному экземпляру в НКФ, Государственный контроль, а также в Комитет хозяйственной политики ВСНХ. Не требовалось и изложения всех подробных расчетов. Сообщать эти расчеты или давать необходимые объяснения можно было непосредственно на совещаниях, образованных для обсуждения смет ведомствами с представителями вышеуказанных комиссариатов ⁷. Сметы должны были быть представлены к 25 февраля 1918 г. ⁸ 28 января 1918 г. Совнарком издал постановление, в соответствии с которым всем наркоматам следовало озаботиться изготовлением смет на 1918 г. и в самый короткий срок направить их в НКФ ⁹.

Фактически ведомства приступили к работам с начала 1918 г. Но составление смет шло очень медленно. Это было новое дело для служащих, многие из которых стали работать в период борьбы с саботажем и имели крайне низкую квалификацию. Кроме того, одной из основных причин задержки явилась начавшаяся в первых числах марта эвакуация правительственных учреждений в Москву ¹⁰.

Сметы предварительно рассматривались в комиссии СНК, решения которой утверждались затем на заседаниях Совнаркома. Но к 25 февраля сметы составлены не были. Тогда СНК 2 марта 1918 г. предписал всем ведомствам представить их к 8 марта, если же этого наркоматы не выполнят, то будут приняты меры вплоть до увольнения народных комиссаров ¹¹.

В ходе работ по бюджету выяснилась полная неразбериха в подчиненности различных учреждений центральным ведомствам. Разо-

⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 41 – 42.

⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 31.

⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 42 – 43.

⁸ Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 242 – 243.

⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 31 – 32.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

браться в этом не могло и правительство. Вследствие этого 27 марта 1918 г. Совнарком предписал всем наркоматам в кратчайший срок представить в СНК графическое изображение организаций, которые непосредственно отвечали за расходование денежных средств, а также приложить к графику полный список лиц, ответственных за учреждения, оперирующие денежными суммами на различных ступенях ведомственной иерархии ¹².

Все сметы проходили через комиссию смет Комитета хозяйственной политики ВСНХ, куда входили также представители НКФ, Госконтроля и ВЦИК. Рассматривались они постатейно в присутствии представителя соответствующего ведомства ¹³. Работа комиссии шла очень трудно, прежде всего вследствие проблем, возникших при рассмотрении смет национализированных предприятий. Отрицательно сказывалась на бюджетной работе и неясность взаимоотношений между финансовыми отделами советов и оставшимися на местах учреждениями центрального финансового аппарата. Правительство потребовало от НКФ и Госконтроля реорганизовать свое представительство в комиссии ВСНХ и ввести туда людей с экономической подготовкой ¹⁴.

В начале апреля практически все сметы были рассмотрены на междуведомственных совещаниях и представлены в ВСНХ, но даже к началу июня лишь весьма незначительное число их оказалось готовым к передаче из ВСНХ в Совнарком. Тогда Наркомфин принял чрезвычайные меры ¹⁵. 8 июня И.Э. Гуковский внес в Совнарком проект постановления об окончании работ по бюджету на первую половину 1918 г. ¹⁶ СНК, согласившись с ним, счел необходимым для составления общего свода расходов и доходов на январь – июнь 1918 г. организовать особое совещание под председательством народного комиссара финансов (или его заместителя) из представителей ВЦИК, НКФ, ВСНХ, Госконтроля и каждого из представивших сметы ведомств, которое должно было с 10 по 20 июня закончить работы по составлению бюджета. Неустранимые в совещании разногласия вместе со сметами передавались в Совнарком ¹⁷.

¹² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

¹³ Там же. Д. 154. Л. 35.

¹⁴ Там же. Д. 118. Л. 3. Д. 113. Л. 7.

¹⁵ Там же. Д. 154. Л. 43 – 44.

¹⁶ Там же. Д. 135. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 154. Л. 44.

Только после такого нажима работы по составлению росписи удалось закончить. На заседании СНК 22 июня 1918 г. И.Э. Гуковский представил первый советский бюджет. Было дано поручение комиссии в составе Ленина, Гуковского, Покровского, Владимирова и Свердлова рассмотреть декрет и докладную записку НКФ и решить вопрос о печатании росписи¹⁸. Сам декрет об утверждении росписи государственных доходов и расходов Российской республики на январь – июнь 1918 г. был утвержден СНК 11 июля 1918 г.¹⁹

В записке, представленной к утверждению декрета, И.Э. Гуковский, характеризуя первый советский бюджет, отмечал, что составленные в конце сметного периода сметы фактически уже приводились в исполнение и исчисленные по ним кредиты в значительной степени были израсходованы, поэтому путем принятия росписи необходимо утвердить эти расходы.

Гуковский настаивал на придании включенным в росписи кредитам характер фондов, находящихся в распоряжении НКФ по Департаменту государственного казначейства. Казначейство должно вести счет производимым из них ассигнованиям и выдавать их только по представлению соответствующих ведомств в СНК после предварительного согласования с НКФ и Госконтролем²⁰. Таким образом, Гуковский собирался удержать наркоматы от бессистемного расходования средств и навести порядок в отчетности, что помогло бы в будущем сбалансировать бюджет.

В объяснительной записке к росписи нарком указывал, что на январь – июнь 1918 г. доходов обыкновенных исчислено в сумме 2 852 726 тыс. руб., расходов обыкновенных – 12 271 531 тыс. руб., расходов чрезвычайных – 5 331 196 тыс. руб. Общая сумма расходов составила 17 602 727 тыс. руб. Гуковский подчеркнул, что расходы удалось значительно сократить (в первоначальных сметных предложениях ведомств они составляли свыше 30 млрд руб.) и что работа сметных комиссий и особого совещания не прошла безрезультатно. Несмотря на это, нарком обращал внимание правительства на «исключительное» увеличение расходов и в то же время на «весьма значительное» понижение доходов. Уменьшение доходной части бюджета он объяснял, прежде всего, сокращением терри-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 145. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 154. Л. 3 ; Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 5 – 6.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 38.

тории республики, «но независимо от причин понижение доходов в то время, когда расходы неимоверно увеличились, представляет собою явление, не обещающее ничего утешительного». Тем более, по мнению Гуковского, это явление печально, что Государственному казначейству не только не обеспечивается благоприятного для него выхода из затруднительного положения, «но не остается даже надежды найти этот выход в ближайшем будущем». Если к расходам за январь – июнь 1918 г. добавить бюджетный дефицит 1917 г. (8 475,2 млн руб.), то на казну, констатировал нарком, ложится 26-миллиардное бремя, в то время как доходы не достигают и 3 млрд.

Гуковский предлагал принять срочные и энергичные меры для устранения такого положения. Главным он считал общий подъем производства, но прекрасно понимал, что для этого потребуется время, поэтому в качестве первоочередных мер необходимо подробно пересмотреть и пересчитать все расходы с целью их сокращения. Гуковский указывал на огромные штаты учреждений, занимающиеся в различных ведомствах одним и тем же делом. Он рекомендовал урезать и расходы местных организаций, содержащихся за счет казны. Обращал внимание на издательскую деятельность ведомств, приносящую крупные убытки. Гуковский отмечал высокие нормы оплаты труда без крайней в том необходимости и т.д. Для сокращения расходов нарком предлагал образовать комиссию из старших служащих НКФ, Государственного контроля и ВСНХ с правом привлекать к ее работе полномочных представителей соответствующих ведомств²¹.

Принятие первого бюджета Советской республики, несомненно, является важным моментом в общей экономической политике большевиков. С ним связывались большие надежды на упорядочение не только финансов, но и хозяйства страны в целом. Однако бюджет не оправдал надежд правящей партии. Он принимался в «пожарном» порядке, носил «гадательный характер» и абсолютно не отражал реального положения дел. Фактически первый бюджет узаконил уже произведенные расходы, так как был утвержден в самом конце сметного периода, когда уже необходимо было заканчивать составление второго бюджета.

Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением Г.Я. Сокольникова, который на I съезде совнархозов в конце мая 1918 г. заявил,

²¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 63 – 64, 70 – 72.

что во Франции никакого бюджета за 1918 г. нет и там на один месяц задним числом составляют смету. Россия же фактически находится в состоянии Гражданской войны. «Надо удивляться, что мы, хотя и на пятом месяце, имеем некоторое подобие сметы и некоторое подобие бюджета»²².

Работа над росписью доходов и расходов на вторую половину 1918 г. велась практически параллельно с составлением первого советского бюджета. Но уже при подготовке новых сметных правил возникли разногласия между НКФ, ВСНХ и Госконтролем по вопросу длительности бюджетного периода. Наркомфин выступал за годовое планирование с июля 1918 по июль 1919 г. За полугодовой бюджет высказывались ВСНХ и Госконтроль, который, по их мнению, приближал исчисления к быстро меняющейся действительности. Правительство в конечном итоге не поддержало НКФ и высказалось за составление росписи на полгода. Совнарком создал комиссию для подготовки правил составления смет. При их разработке правительство потребовало учесть недостатки предыдущих правил. Новые сметные правила на вторую половину 1918 г. были утверждены 3 июня 1918 г.²³

Правила, утвержденные 3 июня, были более совершенными, чем предыдущие. Бюджет должен был учитывать все ожидаемые доходы и расходы. Вводилось деление расходов на обыкновенные и чрезвычайные. Устанавливался строгий порядок составления смет. Бюджетная работа должна была завершиться не позднее 15 июня 1918 г. Каждый наркомат разрабатывал свой проект на основании сведений, получаемых от соответствующих отделов местных советов, и отправлял его на рассмотрение особого совещания при наркомате с участием представителей НКФ, Госконтроля и ВСНХ для предварительного рассмотрения. Затем сметы поступали на междуведомственное бюджетное совещание. В нем принимали участие представители всех ведомств, сметные предложения которых обсуждались, а также представители ВЦИК, НКФ, ВСНХ и Госконтроля. Разногласия, возникавшие в ходе обсуждения, поступали на рассмотрение Малого СНК. Каждая смета утверждалась Большим Совнаркомом. Затем НКФ сводил их в государственную роспись

²² Труды I съезда СНХ. М., 1918. С. 173.

²³ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 390 – 397 ; Ривкин Б. Указ. соч. С. 244, 247.

доходов и расходов, которая вместе с объяснительной запиской вносилась на утверждение ВЦИК²⁴.

Но работы по новому бюджету продвигались очень медленно, так как многие ведомства были не в состоянии быстро исчислить свои доходы и расходы²⁵. Сказалась также задержка в составлении первого бюджета, кроме того, отсутствовали данные о его исполнении и сведения о поступивших доходах.

Только 4 сентября 1918 г. по вопросу о предоставлении смет комиссариатами в НКФ на заседании СНК выступал Н.Н. Крестинский. Решено было просить все наркоматы направить в Наркомфин свои полные сметы на второе полугодие 1918 г. не позже 15 сентября 1918 г.²⁶

30 сентября 1918 г. Н.Н. Крестинский отправил в СНК срочное донесение. Он писал, что, по имеющимся в НКФ сведениям, сметные работы многих ведомств на июль – декабрь 1918 г. находятся в самой первоначальной стадии их составления. Из 65 смет окончательно готовыми и согласованными в сметных совещаниях могут считаться лишь 14, а более чем по 20 сметам до сего времени не доставлено Наркомфину каких-либо исчислений. Вследствие того, что уже приближалась работа над бюджетом на 1919 г., Крестинский предлагал: 1) изготовить сметы и представить их в НКФ и Госконтроль не позднее 1 октября 1918 г.; 2) образовать Особое совещание под председательством народного комиссара финансов или его заместителя, чтобы оно начало свои занятия по рассмотрению смет 3 октября и закончило к 13 октября. После этого Совещание представляет сметы в СНК не позднее 16 октября. 1 октября 1918 г. Совнарком одобрил все предложения Крестинского²⁷.

Таким образом, и второй бюджет составлялся в «пожарном» порядке. Это привело к тому, что он включал в себя по двум «ударным» комиссариатам продовольствия и ВСНХ только сальдовые цифры и не содержал ни общей суммы расходов, ни общей суммы доходов того и другого учреждения²⁸. В целом бюджет мало отра-

²⁴ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 136.

²⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 33.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.

²⁷ Там же. Д. 203. Л. 2, 9.

²⁸ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 137.

жал реальное положение и также носил «гадательный характер», так как перепроверить представленные сметные предложения ведомств у НКФ не было ни возможности, ни времени.

Но, несмотря на предпринятые меры, уложиться в новый срок до 16 октября 1918 г. Наркомфину также не удалось. Вопрос о бюджете рассматривался в СНК только 16 ноября 1918 г. С проектом декрета о бюджете выступил С.Е. Чущаев. Представленный документ был одобрен ²⁹. В следующий раз проблема росписи доходов и расходов поднималась в Совнаркоме 19 ноября, но рассмотрение вопроса решили отложить ³⁰. Бюджет на июль – декабрь 1918 г. был одобрен ВЦИК на заседаниях от 30 ноября и 2 декабря 1918 г. СНК утвердил его 3 декабря 1918 г. ³¹ Одновременно Совнарком постановил: кредиты по фондам бюджета на покрытие расходов местных советов, национализированных предприятий, операционные расходы ВСНХ и на сверхсметные расходы отпускаются каждый раз по предварительному рассмотрению этих смет в Особом межведомственном совещании при участии представителей НКФ, Госконтроля и соответствующего ведомства. Согласованные в совещании суммы отпускались наркоматам немедленно с доведением до сведения СНК ³². Своим решением правительство давало возможность Наркомфину контролировать все ведомства и местные власти путем выдачи или невыдачи кредитов. Благодаря этому роль наркомата неизмеримо возрасла, так как бюджет составлялся в «пожарном» порядке и комиссариаты неминуемо должны были обращаться за подкреплениями в совещание, находившееся под контролем НКФ.

Если рассматривать сам бюджет, то следует отметить, что при его подготовке удалось сократить первоначально заявленную ведомствами сумму: по расходам – с 35 893,8 млн руб. до 29 074,0 млн руб., а по доходам – с 3 451,5 млн руб. до 2 730,2 млн руб. ³³ В росписи на июль – декабрь 1918 г. отмечалось, что сметы во многих случаях оказывались составленными без соблюдения действующих классификаций и общепринятых форм. Часть дефектов была устранена на образованном 1 октября Особом совещании, но некоторые

²⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 222. Л. 2 – 5, 15.

³⁰ Там же. Д. 223. Л. 7.

³¹ Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 94 – 95, 111, 127 – 128.

³² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 229. Л. 3, 10 – 11.

³³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 3240^А. Л. 2 ; Ривкин Б. приводит несколько другие цифры: с 42 130 млн руб. до 29 074 млн руб. (Ривкин Б. Указ. соч. С. 252).

несовершенства «по спешности дела» не могли быть исправлены и отразились на предварительной росписи³⁴.

Удалось обнаружить два варианта объяснительной записки Н.Н. Крестинского к росписи на июль – декабрь. Одна датирована 5 ноября 1918 г., другая без даты. В них наблюдаются расхождения по некоторым позициям и цифрам. Это объясняется тем, что первый документ представлялся в Совнарком, заседание которого проходило 5 ноября по поводу бюджета, до принятия росписи, а второй, скорее всего, в период принятия бюджета³⁵.

В документе, датированном 5 ноября, подробно рассматривались условия принятия бюджета. Описывая возникшие затруднения, Крестинский сообщает о «внешних причинах», указывая, что работы по сметам на январь – июнь были закончены лишь во второй половине июня, а с июля наступил новый бюджетный период. Кроме этого, наркоматы не располагали достаточными материалами как от местных, так и от центральных учреждений. Особенно скудные сведения поступали об общегосударственных доходах. Крестинский отмечал, что начиная с 1917 г. «и до сего времени» некоторые местные учреждения в нарушение единства кассы допускают неполную сдачу в казну денежных доходов и обращают поступающие сборы на удовлетворение своих нужд. Что касается расходов, то многие комиссариаты вовсе не могли получить о них сведений с мест. Нарком утверждал, что «элемент неопределенности и гадательности» вносился в роспись в связи с военным положением Советской республики. Вследствие этих трудностей в бюджете объединили такие сметы, которые возможно ближе соответствовали бы вероятным доходным поступлениям и действительным потребностям ведомств³⁶.

Крестинский указывает на уничтожение всякой возможности бюджетного равновесия, объясняя это тем, что после Октября не было времени для проведения мероприятий, которые могли бы дать увеличение доходов. Поэтому правительство озабочено вопросом об изыскании источников покрытия дефицита. В этой области Крестинский большие надежды связывал с введением натурального налога, но оговаривался, что он будет иметь значение не ранее следующего бюджета.

³⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 3240^А. Л. 2 – 3.

³⁵ См.: Приложение 1.

³⁶ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2. Д. 215. Л. 72 – 77.

Говоря о единовременном 10-миллиардном чрезвычайном налоге, нарком заявил, что на такого рода меры для покрытия дефицита нельзя рассчитывать, так как они ведут к уничтожению самих объектов обложения. Но для экономического развития страны в новых условиях это уничтожение безопасно, так как все, что является производительно ценным и продуктивным в хозяйственно-экономическом отношении, переходит в эксплуатацию государства, которое получит источник дохода в новой форме³⁷.

Очень занимательны «математические упражнения» Крестинского по поводу бюджетного дефицита. Он отмечает, что по росписи на июль – декабрь 1918 г. доходы от постоянных источников определяются в 2 730,2 млн руб. Сверх этого предусматривается поступление в 10 млрд руб. от единовременного чрезвычайного налога. Всего получается 12 730,2 млн. Расходы предполагаются в сумме 29 103 млн руб. Отсюда нарком исчисляет дефицит в 16 372,8 млн руб. Эти цифры и были закреплены в росписи на июль – декабрь 1918 г. Но далее нарком заявляет, что исчисление доходов неполно, поскольку не включены поступления от национализированных предприятий, Наркомпрода, нового натурального налога и т.д., а поэтому, утверждает Крестинский, «покрытие означенного дефицита можно считать обеспеченным»³⁸.

Далее нарком дает описание своего видения будущего бюджета и финансового хозяйства в целом: «Конечно, когда социалистическое переустройство России закончится, когда все фабрики, заводы и другие предприятия перейдут в руки государства, а продукты их производств будут непосредственно без денег поступать в его распоряжение, когда сельскохозяйственные продукты в обмен на городские товары или в виде натурального налога будут поступать в государственные склады тоже без денег, составление денежных бюджетов в их нынешней форме потеряет смысл. Тогда государственные бюджеты будут служить отражением не состояния денежных оборотов государственного казначейства... но состояние оборотов с материальными ценностями, принадлежащими государству, а исполнение бюджетов будет происходить без денег, по крайней мере в их нынешней форме. В этот момент... должно потерять значение количе-

³⁷ ГАРФ. Ф.130. Оп. 2. Д. 215. Л. 86, 91, 92, 167 ; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 36.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 34 – 35.

ство выпущенных нами кредитных билетов. Ненужные в дальнейшем обороте, они без ущерба для государственной казны самую жизнь будут аннулированы»³⁹.

Но радужная перспектива, обрисованная Крестинским, являлась делом будущего. В ближайшие же сметные периоды, по мнению наркома, «мы не предвидим еще возможности отказаться от составления и исполнения денежных бюджетов». Поэтому неизбежный денежный дефицит придется пополнять выпуском кредитных билетов. Но и здесь Крестинского не покидал оптимизм: «Эта мера могла быть опасной и даже катастрофической, если бы падение и полное обесценение нашего рубля произошло прежде, чем мы закончили бы наше организационно-экономическое переустройство. Однако все говорит за то, что этого не случится. Трудовые массы России верят в неизбежную победу русского и международного пролетариата и столь же неизбежное экономическое возрождение России на новых социалистических началах... Наконец, социалистическая революция в других странах приближается таким быстрым темпом, что говорить о нашем экономическом крахе не приходится. И потому... народный комиссар финансов... не находит оснований предаваться особенному бюджетному пессимизму»⁴⁰.

Если сравнить объяснительные записки Н.Н. Крестинского и И.Э. Гуковского, то можно отметить, что послание первого наполнено оптимизмом, Гуковский же очень настороженно и озабоченно писал о складывающейся ситуации.

Тем временем в правительство стала поступать информация о том, что комиссариаты тратят значительно меньше средств, чем запланировано их сметами. 16 ноября 1918 г. Совнарком предложил Госконтролю проверить расходы ведомств по росписи на вторую половину 1918 г. и представить сведения о достигнутых путем ревизии сокращениях к 1 февраля и 1 марта 1919 г. Но ввиду продления льготного срока по исполнению кредитов за июль – декабрь 1918 г. до 28 февраля 1919 г. работу удалось завершить к концу мая⁴¹.

3 июня 1919 г. особый отдел по бюджетной части Наркомата государственного контроля представил в СНК доклад о достигнутых

³⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 37 – 39.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 215. Л. 168 – 170 ; РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 37 – 39.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 292. Л. 72.

сокращениях расходов за второе полугодие 1918 г., с которым выступил И.Э. Гуковский⁴². В докладе говорилось, что имевшиеся в распоряжении Госконтроля данные не отличались полнотой и не охватывали всех денежных оборотов советских учреждений. Особенно неточные сведения поступали с мест. В Госконтроль пришли данные от 24 губерний из 27, имеющих сообщение с Москвой. Гуковский утверждал, что на их основании можно установить лишь сумму достигнутого сокращения расходов за вторую половину 1918 г. по местным учреждениям и нет возможности определить действительный размер обреза резервированных по тем же учреждениям сумм. Поэтому Госконтроль отталкивался от приблизительных данных запланированных расходов по провинциальным органам наркоматов, причем они были значительно меньше, чем в действительности собирались потратить губернские подразделения различных ведомств.

Говоря о проверке оборотов центральных учреждений, Гуковский обращал внимание на то, что для некоторых из них предварительная ревизия полностью еще не введена, для других она установлена в разные сроки – с августа 1918 г. и даже с декабря 1918 г. По военному ведомству обороты подвергаются предварительной ревизии с июля 1918 г.

Объясняя такое позднее и разновременное введение проверки, Гуковский отмечал, что правила предварительной и фактической ревизии утверждены лишь 1 декабря 1918 г., положение же о контроле не утверждено до сих пор. Поэтому Госконтроль мог проводить ревизию лишь по соглашению с ведомствами, достигнуть которого удавалось далеко не всегда. Кроме того, наркомат еще не закончил своего формирования и испытывал недостаток в сотрудниках. Таким образом, Госконтроль представил в СНК в значительной степени ограниченные сведения о результатах предварительной и фактической ревизий оборотных сумм за вторую половину 1918 г.

В результате проделанной работы удалось опротестовать расходы за июль – декабрь 1918 г. на сумму 2 873 117 556 руб. из 8 045 858 446 руб., поступивших на проверку в центральное отделение Госконтроля, и на 362 419 842 руб. из 1 089 103 110 руб., приблизительно поступивших на ревизию в провинциальные учреждения контроля.

⁴² РГАСПИ. Ф. 19. Оп 1. Д. 292. Л. 6.

Проверке подверглись 9 134 961 тыс. руб., обреза резервированных по центральным и местным органам различных ведомств. Это составило 31,3 % из 29 102 978 тыс. руб. общих расходных ассигнований по росписи за июль – декабрь 1918 г. Таким образом, ревизия затронула менее 1/3 расходов ведомств, заложенных в бюджете на вторую половину 1918 г.

Всего удалось сократить 35 % (3 235 537 тыс. руб.) по отношению к запланированным расходам комиссариатов, предоставивших сведения для проверки. По некоторым ведомствам этот процент достиг крупных размеров: от 41 до 93 %. В отношении общих расходов (29 102 978 тыс. руб.) за июль – декабрь 1918 г. сокращение в 3 235 537 тыс. руб. составило 11 %. Докладчик считал, что такой результат нельзя не признать значительным.

Вместе с тем Гуковский обращал внимание СНК на то, что ведомства в отношении сокращения своих затрат «имеют сильную защиту». Кредиты уже внесены в смету, и на их расходование имеются законные распоряжения, опротестовать которые Госконтроль не может. Но, по мнению Гуковского, сам факт существования предварительной ревизии имел сдерживающее значение⁴³.

Иначе говоря, все это свидетельствует о том, что оптимизм Н.Н. Крестинского был преждевременен. В период составления третьего бюджета окончательно выяснилось, что комиссариаты из 18 млрд руб., которые были предусмотрены по смете на январь – июнь 1918 г. израсходовали меньше 1/3 части, а по сметам на июль – декабрь меньше половины. Стало очевидно, что ведомства, составляя сметы, завышали отдельные расходы или же включали такие, которые они в течение полугода не могли произвести.

Доходов за первую половину 1918 г. было собрано менее половины запланированного. Во втором бюджете из намеченных 13 млрд руб. доходов 10 млрд составлял чрезвычайный налог, который так и не поступил в казну. Это выяснилось буквально перед принятием третьего бюджета, поэтому пришлось пересмотреть сметы всех ведомств, подходя к ним с точки зрения сокращения, что задержало составление новой росписи⁴⁴.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп 1. Д. 292. Л. 72 – 74 ; Приложение 2.

⁴⁴ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 136, 139.

3.2. Бюджеты 1919 и 1920 гг.

Опыт составления и исполнения бюджетов за 1918 г. выявил целый ряд серьезных проблем, с которыми пришлось столкнуться финансовому ведомству. Наибольшее опасение вызывал непомерный рост расходов государственных органов. Однако в действительности оказалось, что ведомства при подготовке бюджетных предложений на порядок завышали свои расходные сметы. Поэтому значительная часть кредитов, выделенных по росписи на их нужды, часто оставалась неиспользованной. При подготовке бюджета на первую половину 1919 г. НКФ повел борьбу с этим явлением.

16 января 1919 г. С.Е. Чуцкаев представил на заседании СНК совместный доклад народных комиссаров финансов и государственного контроля «О необходимости сокращения в финансовых сметах расходов народных комиссариатов»⁴⁵.

В докладе говорилось, что на основании утвержденных СНК 2 ноября 1918 г. правил о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении смет народных комиссариатов и прочих центральных учреждений на январь – июнь 1919 г. все сметы до внесения в Совнарком подвергаются после обсуждения в предварительных межведомственных сметных совещаниях окончательному рассмотрению на особом совещании при НКФ с участием представителей Наркомфина, Государственного контроля, ВСНХ, а также учреждений, составляющих сметы. На этом совещании при рассмотрении сметных предложений на первую половину 1919 г. принимал участие и представитель ВЦИК.

В настоящее время, отмечалось в докладе, рассмотрены предложения всех ведомств, за исключением ВСНХ, а также сметы операционных расходов Народного комиссариата по продовольствию. Но эти ведомства уже заканчивают их составление и через несколько дней они могут быть внесены на окончательное рассмотрение совещания.

По предварительным данным, не считая смет ВСНХ и Наркомата продовольствия, общий итог доходов на январь – июнь 1919 г.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 3.

определился в 6 491, 1 млн руб.⁴⁶ С.Е. Чуцкаев предлагал прибавить к этой сумме еще примерно 3 600 млн руб. предполагаемых поступлений по проектам смет ВСНХ от национализированных предприятий. Порядок зачисления в казну доходов, получаемых Наркомпродом, еще не был разработан, но Чуцкаев полагал, что эта сумма не превысит 1 млрд руб. Таким образом, общий итог возможных доходов по росписи на январь – июнь 1919 г. составлял около 11 млрд руб. Расходы по всем ведомствам, кроме ВСНХ и Наркомпрода, на то же полугодие предполагались в сумме свыше 36 630 млн руб.

Кроме того, по рассмотренным на предварительном междуведомственном сметном совещании предложениям на национализированные предприятия ВСНХ планировал истратить около 11 млрд руб. и по Комитету государственных сооружений еще до 2,5 млрд руб. По данным Чуцкаева, расходы Наркомпрода будут исчислены в сумме около 7 млрд руб. Кроме этого, докладчик указал на то, что по примеру прежних росписей потребуется внести в бюджет фонд на сверхсметные расходы и фонд на непредвиденные расходы местных советов. Таким образом, общий размер расходов на первое полугодие 1919 г. может превысить 57 млрд руб., а бюджетный дефицит составит до 46 млрд.

Чуцкаев отметил, что если дефициты первого в 14 750 млн руб. и второго в 16 376 млн руб. полугодий 1918 г., составившие в общей сложности 31 126 млн руб., рассматривались как исключительные по своим размерам, то наметившийся дефицит в 46 млрд за одно полугодие «должен, очевидно, привлечь к себе еще большее внимание». Если такой пробел в бюджете не будет покрыт доходами, то, как утверждал докладчик, это повлечет «еще большее наводнение страны бумажными денежными знаками и вызовет полное их обесценение». Поэтому народные комиссары финансов и госконтроля считают необходимым принять меры к устранению дефицита или его значительному уменьшению. Чуцкаев указал на два пути решения этой проблемы. Первый: увеличение доходов и сокращение расходов. Но этот путь нельзя применить к бюджету на текущее полугодие, так как в сметах полным образом учтены все поступления. Поэтому докладчик видел только одну возможность уменьшить дефицит – сократить расходы.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 20 ; Приложение 3, таблица 1.

Чуцкаев заявил, что кредиты всеми наркоматами увеличиваются на основании лишь предположений о том, что намерено то или иное ведомство сделать, а не о том, что оно может фактически осуществить в течение полугода из своих планов и заданий. Действительность показывает, что предположения ведомств далеко не находят себе оправдания в исполнении смет. Наркомфин собрал от подведомственных ему касс сведения о суммах, оставшихся на счетах за первую половину 1918 г. Из расходов в 17 602,7 млн руб., назначенных по росписи на январь – июнь 1918 г., остались неизрасходованными более половины затребованных наркоматами кредитов на сумму свыше 9,5 млрд руб. Докладчик сделал вывод, что «ведомства обнаружили стремление располагать средствами, значительно превышающими действительную их потребность», и крупные остатки оказались почти у всех наркоматов ⁴⁷.

В действительности результаты исполнения смет оказались еще более удручающими. Чуцкаев указал на то, что многие ведомства, например наркоматы продовольствия, социального обеспечения и другие, перечислили причитающиеся им суммы из казны на свои текущие счета в Нарбанк, которые так и остались неиспользованными лежать в банке.

Так же дело обстояло в отношении расходования кредитов и во второй половине 1918 г. Неполные данные, которыми располагал НКФ к 1 января 1919 г. по центральной расходной кассе, позволили докладчику сделать вывод о крайне медленном расходовании сметных сумм, указывающем на то, что суммы эти были испрошены в размерах, превышающих действительную потребность ⁴⁸.

Чуцкаев отметил, что данные за вторую половину 1918 г. являются достаточным основанием к тому, чтобы признать расходные исчисления ведомств на январь – июнь 1919 г. «в значительной степени преувеличенными».

Докладчик указал и на другие признаки, свидетельствующие о завышении сметных расчетов наркоматов. В первую очередь Чуцкаев обратил внимание на исключительный рост административных расходов, «указывающий на чрезмерную перегруженность административного аппарата». По неполным подсчетам «число служащих в правительственных учреждениях в последнее время возросло до

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 20 – 21 ; Приложение 3, таблицы 2, 3.

⁴⁸ Там же. Л. 21 – 22 ; Приложение 3, таблица 4.

невероятных размеров». Не считая ведомств здравоохранения, социального обеспечения ВЧК, число служащих исключительно административного состава в центральных и местных учреждениях определялось следующим образом: к 1917 г. – 220 019 человек, 1918 г. – 299 108 человек, к 1919 г. – 649 504 человека. Наибольшее увеличение личного состава наблюдалось по ведомствам: внутренних дел – с 23 237 до 241 949 человек, земледелия – с 58 986 до 74 059 человек, военному и морскому – с 15 988 до 90 952 человек, Главода – с 1 504 до 6 545 человек, Комитета сооружений – с 214 до 6 191 человека. Чуцкаев обращал особое внимание на число служащих в центральных учреждениях ВСНХ – 20 000 человек, Наркомпродде – 3 450 человек, Наркомате просвещения – 3 050 человек против 200, числившихся там на 1 января 1918 г.

Докладчик указал на дефект смет (непомерный рост расходов производственных (операционных) и почти полное отсутствие доходности), который он назвал симптомом, указывающим на крайнее неблагополучие бюджетного хозяйства и вообще на неправильное направление хозяйственно-экономической работы ведомств. Так, на содержание железных дорог исчисляется почти 6 млрд, а доходов от них ожидается не более 900 млн руб., на национализированные фабрично-заводские предприятия требуется 11 млрд, а доходы не покрывают и одной трети этих издержек, «причем поступление и этой трети весьма сомнительно», расходы по речному и морскому транспорту составляют почти 700 млн, а доходы – 303 млн руб., на «поступление которых полностью также мало надежды», лесная операция требует 255 млн, а обещает дохода «опять-таки сомнительного» – 173 млн руб. и т.д., не говоря уже о продовольственной операции, по которой деньги из казны черпаются в крупных суммах, «но в казну не возвращаются и нет никакой надежды на возвращение той или иной значительной части их в текущем полугодии».

Приведенные данные требуют, по мнению НКФ и Госконтроля, сосредоточить особое внимание на сметах первого полугодия 1919 г. с целью «допущения в них всех более или менее существенных сокращений».

Чуцкаев отметил, что работа в этом направлении сметного содействия не имела существенных результатов как потому, что во время его занятий не были еще выяснены общие итоги предыдущей рос-

писи, так и в особенности вследствие того, что «ведомства оказывались совершенно несклонными идти на какие-либо сокращения своих сметных исчислений», оставаясь обычно по всем спорным вопросам в «разногласии» с представителями НКФ, Госконтроля, ВСНХ и ВЦИК. Поэтому докладчик просил дать всем наркоматам указания от СНК об обязательном значительном сокращении сметных исчислений, «которое дало бы возможность свести роспись на январь – июнь 1919 г. если не без дефицита, то с возможно меньшим дефицитом». Он предлагал урезать расходы до размеров сметных назначений на июль – декабрь 1918 г. Такая возможность, по мнению Чуцкаева, имеется, так как опыт показал, что «ведомства, даже осуществляя все свои планы и задания, оказываются обычно не в состоянии в течение сметного периода выбрать все свои кредиты и израсходовать».

Докладчик предложил поручить сокращение смет совещанию Малого СНК с обязательным участием в нем, кроме представителей наркоматов финансов и госконтроля, представителей от ВЦИК и ВСНХ, а также каждого из заинтересованных ведомств. На это же совещание необходимо возложить и разрешение всех возникших в окончательном сметном совещании разногласий по бюджету. Далее Чуцкаев попросил СНК принять подготовленное народными комиссарами финансов и госконтроля постановление⁴⁹.

Совнарком согласился с аргументами докладчика и одобрил предложенный наркомами документ, кроме положения о том, чтобы новые сметы не превышали таких же назначений на июль – декабрь 1918 г. Принятое СНК постановление требовало подвергнуть расходы всех ведомств на первую половину 1919 г. «общему и обязательному сокращению»⁵⁰.

17 марта 1919 г. НКФ разослал циркуляр об изменениях во временной классификации общегосударственных доходов по росписи на январь – июнь 1919 г.⁵¹

24 апреля 1919 г. Малый СНК обсудил проект декрета о бюджете на январь – июнь 1919 г., а также проект постановления по вопросам, возникшим при рассмотрении финансовых смет, представленных в состав росписи государственных доходов и расходов⁵².

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 22 – 23.

⁵⁰ Там же. Л. 3 – 4, 25.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 2. Д. 51. Л. 75 – 77.

⁵² Там же. Оп. 3. Д. 814. Л. 3 – 6 ; Д. 64. Л. 170.

26 апреля 1919 г. Н.Н. Крестинский и С.Е. Чуцкаев выступали в Совнарком с проектом декрета о бюджете на январь – июнь 1919 г. Решение вопроса было отложено. Наркомфину поручалось разделить проект на две части (первая – роспись на январь – июль 1919 г.; вторая – проект бюджетных правил) и разослать проект всем наркоматам.

На этом же заседании С.Е. Чуцкаев докладывал о проекте постановления по вопросам, возникшим при рассмотрении финансовых смет, представленных в составе росписи общегосударственных доходов и расходов. Совнарком обязал НКФ направить копии документа всем комиссариатам, для того чтобы они представили свои заключения⁵³.

28 апреля 1919 г. Малый СНК вновь рассмотрел проекты декрета о бюджете и постановления по вопросам, возникшим при рассмотрении финансовых смет, и принял их единогласно⁵⁴. 30 апреля 1919 г. Совнарком после выступления Н.Н. Крестинского утвердил декрет о бюджете на январь – июнь 1919 г., а также постановление по вопросам, возникающим при рассмотрении финансовых смет, представленных в составе росписи общегосударственных доходов и расходов⁵⁵.

По декрету доходная часть бюджета на первое полугодие 1919 г. определялась в 20 349 627 888 руб., расходная – в 50 702 627 888 руб. При исполнении включенных в бюджет смет доходов и расходов, а равно и сверхсметных (в случае необходимости) ассигнований Совнарком требовал в точности руководствоваться сметными правилами, утвержденными 2 ноября 1918 г. Исходя из этих правил, расходование кредитов по сметам на январь – июнь 1919 г. прекращалось 31 июня 1919 г.

Декрет закреплял положение о том, что кредиты в счет фондов «на покрытие расходов местных советов», а также «на покрытие сверхсметных расходов» отпускаются каждый раз после рассмотрения требований об их отпуске на особом междуведомственном совещании с участием представителей НКФ и Госконтроля, а также того ведомства, которому требуются суммы. Если кредиты должны

⁵³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 282. Л. 3.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 64. Л. 75 ; Д. 77. Л. 65 – 69 об.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 283. Л. 2, 16 – 22 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 113. Л. 8 ; Ф. 1235. Оп. 94. Д. 73. Л. 254.

отпускаться из фонда на расходы местных советов, то необходимо присутствие представителя НКВД. Согласованные в совещании суммы отпускаются немедленно, но если разногласия не будут устранены, то вопрос представляется на разрешение СНК.

Один из пунктов декрета требовал, чтобы все сборы и доходы по всем без исключения ведомствам полностью передавались в кассы НКФ для зачисления в общегосударственные доходы. Местные средства, которые установлены декретом СНК от 3 декабря 1918 г. о денежных средствах и расходах местных советов, вносятся в те же кассы для зачисления в местные доходы⁵⁶.

Таким образом, декрет о бюджете определял не только сальдовые цифры доходов и расходов, но и требовал от всей вертикали советских учреждений соблюдения строгой финансовой дисциплины.

Для того чтобы вступить в законную силу, декрет о бюджете должен был получить одобрение ВЦИК. По предложению В.И. Ленина решено было до этого момента его не публиковать⁵⁷. Но заседание ВЦИК по принятию новой росписи доходов и расходов отложили по просьбе НКФ до съезда финотделов, чтобы на нем могли присутствовать его делегаты⁵⁸.

20 мая 1919 г., накануне открытия съезда, на заседании сессии ВЦИК 6-го созыва в присутствии всех съехавшихся к тому времени представителей финансовых отделов советов Н.Н. Крестинский сделал доклад о бюджете на январь – июнь 1919 г. Свое выступление нарком начал с заявления о том, что последний бюджет был утвержден за месяц до окончания сметного периода – 30 ноября 1918 г. При его принятии Крестинский высказал надежду, что следующий бюджет будет готов если не в январе, то в феврале, хотя сегодня уже 20 мая. Далее нарком попытался объяснить присутствующим, почему произошла такая задержка и отразится ли она на советской жизни, как это было в прошлом полугодии. Он начал с описания подготовки советских бюджетов. Каждое ведомство составляет проект своей сметы на основании сведений, получаемых от соответствующих отделов местных советов. Затем материалы передаются в комиссию, состоящую из представителей данного наркома-

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 283. Л. 8 – 10 ; Декреты Советской власти. Т. 5. М., 1971. С. 135 – 137.

⁵⁷ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 135.

⁵⁸ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 23.

та, НКФ и Госконтроля, далее поступают на междуведомственное бюджетное совещание из представителей ВЦИК, НКФ, Госконтроля и ВСНХ, а также представителей всех ведомств, сметы которых обсуждаются, откуда передаются в Малый СНК для обсуждения разногласий и, наконец, заслушиваются в Совнаркоме и отправляются на окончательное утверждение во ВЦИК ⁵⁹.

При подготовке бюджета на первую половину 1919 г. к тому времени, когда междуведомственное совещание закончило работу и образовался дефицит около 40 млрд руб., выяснилось, что расходная часть бюджетов обоих полугодий 1918 г. на практике подверглась сильным изменениям. Комиссариаты не сумели потратить то, что им было ассигновано. По данным Крестинского, из 18 млрд руб., которые были предусмотрены по бюджету на первое полугодие 1918 г., израсходовано меньше третьей части, а во втором полугодии меньше половины. На основании этих данных Наркомфину стало понятно, что ведомства, составляя сметы, или преувеличивают расходы, или включают такие, которых они в течение полугода не смогут произвести. Решено было пересмотреть сметы всех ведомств, подходя к ним уже с точки зрения сокращения. Именно этим Крестинский объяснил задержку в обсуждении бюджета еще на 2 – 3 недели. Таким образом, бюджет окончательно был подготовлен только в марте.

В правила по составлению бюджета на первую половину 1919 г. включена специальная статья. Она позволяет производить расходы по тем сметам, по которым достигнуто соглашение на бюджетном совещании. Поэтому запоздалое утверждение росписи, по мнению наркома, не отразилось на советской работе как в центре, так и на местах.

В сметах Наркомпрода и ВСНХ на вторую половину 1918 г. имелись только сальдовые величины. В новый бюджет включены суммы расходов и доходов того и другого учреждения. Поэтому, по утверждению наркома, цифры нового бюджета гораздо ближе к действительности, чем в 1918 г.

Объясняя низкое поступление доходов за вторую половину 1918 г., Крестинский указал на то, что они предполагались в основном за счет налогов. В новом бюджете эта ситуация радикально меняется. Большую часть его доходов должны составить поступле-

⁵⁹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 136.

ния от предприятий. Благодаря этому, считал нарком, бюджет на первую половину 1919 г. приближается к общей экономической жизни страны и настаивал на реальности его цифр.

Крестинский заявил присутствующим, что на следующее полугодие НКФ предполагает ввести разделение доходов и расходов на прямые и оборотные. Прямые доходы и расходы – это то, что будет поступать в распоряжение государственных органов от частных предприятий, учреждений и лиц и что будет выдаваться государством этим частным лицам и учреждениям. Такое деление, по мнению наркома, представит картину экономического оборота государства как единого хозяйственного целого⁶⁰.

Далее Крестинский остановился на проблеме бюджетного дефицита. Он признал, что нехватка денег в казне огромная. По росписям доходов и расходов за весь 1918 г. дефицит составил 31,2 млрд руб., а по бюджету на январь – июнь 1919 г. – 30,4 млрд. Однако нарком обратил внимание собравшихся на то, что в действительности за первую половину 1918 г. была произведена от планировавшихся только треть расходов, а доходов же поступило – половина. Реальный дефицит второй половины 1918 г. нарком определил в 21,7 млрд руб. Все расчеты Крестинский производил, опираясь на весьма приблизительные предварительные данные о действительном исполнении росписей за 1918 г., полученные из касс НКФ. Поэтому бюджетная картина, нарисованная наркомом, была далека от реальности.

Главную причину дефицита Крестинский видел в плохой работе национализированных предприятий, в том, что производство не покрывает огромных государственных расходов. Нарком сделал вывод, что «наш финансовый бюджет показывает и финансовый дефицит, и общий дефицит нашего государственного хозяйства»⁶¹.

Однако запланированный на первую половину 1919 г. огромный бюджетный дефицит не смущал Крестинского. Особенные надежды он связывал с поступлением доходов, которые намечались в размере 20 млрд руб. Крестинский был уверен в поступлении 16 млрд руб. от национализированных предприятий и Наркомпрода. Кроме того, весьма оптимистично нарком был настроен в отношении чрезвы-

⁶⁰ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 136 – 138.

⁶¹ Там же. С. 138 – 139.

чайного налога, полное поступление которого намечалось в предыдущем бюджете на июль – декабрь 1918 г., причем он должен был дать львиную долю доходов (из 13 млрд по смете на вторую половину 1918 г. на чрезвычайный налог приходилось 10 млрд руб.). Однако его поступление началось только в начале 1919 г. и к маю 1919 г. удалось собрать лишь 1 млрд руб. Крестинский утверждал, что чрезвычайный налог значительно пополнит казну, причем эти суммы не значились в росписи на январь – июнь 1919 г. Он полагал, деньги, поступающие от чрезвычайного налога, и те, что предполагалось списать с текущих счетов и взять из сейфов в счет налога в Петрограде и Москве, присоединить к бюджету на первую половину 1919 г. Крестинский не сомневался в успехе этого мероприятия, так как, по его утверждению, «в наших руках» сейфы и текущие счета буржуазии. Нарком считал, что те источники, которые он назвал, дадут не фиктивный, а действительный доход и НКФ вправе отметить известное оздоровление экономического бюджета и видеть в нем залог оздоровления и бюджета финансового⁶².

Бюджетный дефицит, как заявил Крестинский, советское правительство покрывает исключительно выпуском бумажных денег. По его данным, на 1 января 1919 г. в обращении находилось кредитных билетов и других дензнаков примерно на 55 млрд руб., а к 1 июня эта сумма увеличится еще на 30 млрд и составит в целом 85 млрд. В связи с этим нарком задает справедливый вопрос: «...не катимся ли мы благодаря этому безудержному выпуску бумажных денег в пропасть?»⁶³

Анализируя причины падения валюты, Крестинский в первую очередь отметил рост цен. Так, в сравнении с 1914 г. стоимость хлеба и тканей к 1919 г. увеличилась в 50 раз, сахара, керосина, спичек в 25 – 35 раз и т.д. Значительно большее понижение курса денег наблюдалось на свободных рынках, и в первую очередь на Сухаревке. Но главной причиной падения валюты нарком назвал «абсолютный недостаток» товаров в стране.

Еще одной причиной повышения цен, по мнению Крестинского, стало накопление населением большого количества покупательных средств вследствие эмиссии. Благодаря этому независимые мелкие сельскохозяйственные и городские производители обладали

⁶² Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 140 – 141.

⁶³ Там же. С. 141.

достаточным количеством денег и имели возможность покупать товары на рынке, поэтому у них не было причин нести свои продукты органам Наркомпрода и вообще в город. Крестинский делает вывод, что «улучшение курса наших денег не может быть достигнуто только финансовыми мероприятиями. <...> Выход из этого бесконечного потока бумажных денег лежит не в области финансов ... а в области экономического строительства»⁶⁴.

Однако нарком отметил, что экономическое строительство тесно связано с успехами на фронте, поэтому в обстановке Гражданской войны дело не в поисках каких-либо финансовых рецептов, а в напряжении всех сил для вооруженной борьбы. Для решения этой задачи «известную роль» играют и финансовые мероприятия. Но Крестинский был уверен, что они одни не выведут страну из тяжелого кризиса, но смогут дать некоторую финансовую передышку. Именно такую задачу преследует НКФ, добиваясь сокращения расходов всех ведомств в периоды составления бюджета и при рассмотрении различного рода сверхсметных кредитов⁶⁵.

Крестинский указал и на второй способ улучшения финансового положения республики: «аннулирование» старых денежных знаков. По его мнению, эта мера даст значительный положительный эффект, уменьшив количество денежных средств, которые находятся у наиболее имущего слоя населения: кулаков, буржуазии и спекулянтов, а рабочих и крестьян-середняков она не затронет. «Аннулирование» позволит уменьшить спекулятивный спрос и заставит непосредственных производителей нести на рынок свои продукты, чтобы приобрести новые денежные знаки для своих покупок⁶⁶.

Свой доклад нарком финансов закончил весьма оптимистичным заявлением, что экономический крах республике не грозит в таком близком будущем, чтобы не успела наступить победа мировой революции: «Смотреть вперед мы должны не со страхом, а с радостью и уверенностью, так как мы идем вперед от краха и разрухи к созиданию и строительству, и нам бояться этого бюджетного дефицита не приходится»⁶⁷.

⁶⁴ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 142.

⁶⁵ Там же. С. 142 – 143.

⁶⁶ Там же. С. 143.

⁶⁷ Там же. С. 144.

20 мая 1919 г. сессия ВЦИК 6-го созыва одобрила декрет СНК о бюджете на январь – июнь 1919 г. и утвердила роспись общегосударственных доходов и расходов⁶⁸. После этого декрет был опубликован, а роспись напечатана типографским способом⁶⁹.

В росписи общегосударственных доходов и расходов на январь – июнь 1919 г. была представлена объяснительная записка Н.Н. Крестинского, а после таблиц и цифрового материала имелось отдельное заключение с анализом нового бюджета.

В заключении говорилось, что первые два советских бюджета не отражали в себе полной картины финансового хозяйства РСФСР. За первую половину 1918 г. не были учтены обороты главных производственных ведомств – ВСНХ и Наркомпрода. В бюджете за июль – декабрь 1918 г. также не удалось учесть в полном объеме всех хозяйственных оборотов государства. Некоторые учреждения, в которых не удалось провести правила единства кассы, жили вне общего бюджета, покрывая свои расходы своими же поступлениями.

В обоих революционных бюджетах не нашли отражения главные особенности, которые должны отличать бюджеты переходного к социализму государства, «пока последнее не получило еще возможности организовать производство, снабжение и обмен без денег». В третьем бюджете впервые сделана попытка учесть все обороты ВСНХ и Наркомпрода.

Далее в записке говорилось, что по росписи на январь – июнь 1918 г. дефицит, определявшийся в 14 750 млн руб., составил 83,8 % общего итога росписи (17 603 млн руб.). По второму бюджету дефицит выразился в цифре 16 376 млн руб., или 56,3 % общей суммы всех сметных назначений (29 103 млн руб.), но этот результат был достигнут благодаря внесению в роспись чрезвычайного налога в 10 млрд руб. Если его не принимать во внимание, то дефицит за июль – декабрь 1918 г. составит 90,6 % итога росписи.

По бюджету на январь – июнь 1919 г. дефицит равнялся 59,9 % итога росписи (50 703 млн руб.). Такое уменьшение относительно-

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 21. Д. 16. Л. 48, 22 – 37.

⁶⁹ Известия ВЦИК. 1919. 27 мая. № 113 ; Роспись общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики на январь – июнь 1919 г. с объяснительной запиской народного комиссара финансов. Пг., 1919.

го значения дефицита рассматривалось НКФ как признак несомненного улучшения бюджета ⁷⁰.

В объяснительной записке к росписи общегосударственных доходов и расходов на январь – июнь 1919 г. Н.Н. Крестинский также подробно остановился на проблеме бюджетного дефицита. Он писал, что опыт двух бюджетов позволяет с полной уверенностью утверждать: представленные в росписи в распоряжение ведомств денежные ассигнования в огромной своей части останутся неиспользованными. В записке приводятся данные по предыдущим бюджетам, свидетельствовавшие о том, что действительные расходы ведомств в общей массе определяются в размере несколько более одной трети всех сметных ассигнований, а в отдельных случаях еще меньше.

Нарком утверждал, что деятельность предварительного и окончательного сметного совещания убеждает его в том, что исчисления и на первое полугодие 1919 г. недостаточно согласованы с реальными возможностями полного использования денежных ассигнований. И на этот раз работы по составлению сметных предложений о предстоящих расходах свелись ведомствами к составлению финансовых планов по осуществлению мероприятий без принятия в расчет, какая именно часть этих мероприятий фактически будет закончена и потребует денежной оплаты не позднее бюджетного полугодия. Исходя из этого, нарком делает вывод, что дефицит по росписи на январь – июнь 1919 г. «в значительной своей части является настолько же мало реальным, насколько теоретические исчисления предстоящих расходов мало соответствуют действительным возможностям использования кредитов».

По расчетам Крестинского, действительные расходы за первую половину 1919 г. составят от 25 до 30 млрд вместо 50,7, поэтому реальный дефицит окажется значительно меньшим, чем в росписи ⁷¹.

После заседания 20 мая 1919 г. ВЦИК было опубликовано «Постановление по вопросам, возникающим при рассмотрении финансовых смет, представленных в составе росписи общегосударственных доходов и расходов», одобренное СНК одновременно с декретом о бюджете ⁷². Его принятие явилось следствием анализа исполнения

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1035. Л. 210 – 212, 216.

⁷¹ Там же. Л. 219 – 220.

⁷² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 73. Л. 225а, б, в, г, д, ж, з.

первых двух советских росписей доходов и расходов и преследовало цель наведения порядка в финансовой деятельности ведомств.

В постановлении была предпринята попытка ограничить рост чиновничьего аппарата. Всем ведомствам и учреждениям, за исключением производственных и транспортных предприятий, запрещалось в течение действия предусмотренной росписью сметы увеличивать штатный состав своих служащих без предварительного рассмотрения в постоянной штатной комиссии. Все наркоматы и местные советы свои предложения об ассигнованиях, не предусмотренных сметами, должны были представлять в СНК только после предварительного согласования с НКФ и Госконтролем. Таким образом, усиливалась контролирующая функция Наркомфина в борьбе с практикой раздачи сверхсметных кредитов.

Постановление указывало на серьезные недостатки в финансовой деятельности различных ведомств (наркоматов просвещения, по военным делам, труда, земледелия, продовольствия, торговли и промышленности, почт и телеграфов, внутренних дел, ВСНХ, Главного управления водного транспорта, Комитета государственных сооружений) и требовало в кратчайший срок их исправить. Контроль за исполнением предписаний СНК также возлагался на НКФ и Госконтроль.

В постановлении было закреплено важнейшее решение правительства о необходимости перехода от полугодовых бюджетов к годовым, а НКФ, ВСНХ и Госконтролю предлагалось в кратчайший срок выяснить этот вопрос ⁷³.

Первые советские бюджеты вследствие социально-экономических и внутриполитических особенностей каждого полугодия существования Советской республики не могли составляться всецело на основании правил, применявшихся к предыдущей росписи доходов и расходов. Поэтому к новому бюджету приходилось принимать особые сметные правила, в которые вносились существенные изменения. Проект очередных правил составления и прохождения смет на вторую половину 1919 г. был разработан Департаментом государственного казначейства ⁷⁴. Их главной особенностью стало введение деления доходов и расходов на прямые и оборотные.

⁷³ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 138 – 143.

⁷⁴ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. М., 1920. С. 95 – 96.

Выступая на съезде финотделов, Н.Н. Крестинский заявил, что НКФ рассчитывает достигнуть «практической» унификации бюджета на июль – декабрь 1919 г. По его мнению, этого удастся добиться введением деления доходов и расходов на оборотные и прямые ⁷⁵. Прямые доходы должны были включить в себя все, что получает государство. Прямые расходы – все суммы, которые государство выплачивает всем и в любой форме. Оборотные расходы и доходы – это поставка товаров и оказание услуг одним предприятием другому, а также кредиты, отпущенные на расплату между учреждениями. В результате не происходит ни расплаты наличными, ни даже перечисления, а лишь возврат в казну специально отпущенного для этого кредита. Нарком надеялся, что после проведения в жизнь такого деления при составлении бюджета Наркомфину не нужно будет вести работу по уменьшению сумм, ассигнуемых на оборотные доходы и расходы, а борьба пойдет только по суммам, отпускаемым на прямые расходы ⁷⁶.

Новые сметные правила подробно рассматривались на бюджетно-сметной секции финансового съезда. В выступлении представителя НКФ по этому вопросу раскрывалась и еще одна важнейшая причина их принятия. В докладе о сметных правилах на вторую половину 1919 г. отмечалось, что во всех предыдущих революционных бюджетах нарушался принцип единства кассы. По некоторым ведомствам значительная часть поступлений не передавалась в доход казны, а зачислялась на текущие счета учреждений и предприятий или даже хранилась в самих учреждениях, а затем обращалась на покрытие их расходов. Такая картина особенно часто наблюдалась в национализированной промышленности, на флоте, железных дорогах, в наркоматах продовольствия и социального обеспечения. Поэтому в новых сметных правилах, чтобы устранить саму возможность зачисления сумм на текущие счета, они упраздняются. Остаются лишь счета, составленные из денег, отпускаемых ведомствам по действующим сметам, которые закрываются одновременно с прекращением срока действия кредитов.

В новых сметных правилах разработан особый отдел о сверхсметных кредитах. Для их получения ведомствам необходимо обя-

⁷⁵ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. С. 26.

⁷⁶ Там же. С. 27.

зательно указывать источник, за счет которого предполагается покрытие данного незапланированного расхода. Кроме того, требования на сверхсметные кредиты должны рассматриваться СНК только после предварительного их обсуждения с наркоматами финансов и государственного контроля.

Представитель НКФ отметил, что введение деления бюджета на прямые и оборотные доходы и расходы самым непосредственным образом связано с декретом СНК от 23 января 1919 г. о расчетных операциях. Этот декрет ввел новую систему расчетов между ведомствами без участия прямой выплаты денег. В заключение докладчик заявил, что новые сметные правила предусматривают переход к годовой продолжительности бюджетного периода в 1920 г.

В ходе подробного рассмотрения сметных правил представители НКФ информировали делегатов о том, что по данному вопросу имеются разногласия с ВСНХ, предлагавшего отложить деление на прямые и оборотные средства до 1920 г. Делегаты поддержали НКФ и проголосовали за введение нового деления бюджета с 1 июля 1919 г.⁷⁷

Параллельно с работой финансового съезда шел процесс принятия сметных правил на вторую половину 1919 г., которые 21 мая были единогласно одобрены на заседании Малого СНК, но ввиду разногласий по проблеме срока введения их в действие вопрос был перенесен в Совнарком⁷⁸. 24 мая СНК утвердил декрет о сметных правилах. Однако правительство пошло по пути, который в большей степени устраивал ВСНХ. В.И. Ленин внес поправки в декрет, сводившиеся к тому, что те статьи сметных правил, которые касались деления бюджета на прямые и оборотные доходы и расходы, вводились в действие со следующего сметного периода⁷⁹.

Таким образом, Совнарком согласился с требованием ВСНХ. Наркомфину, несмотря на поддержку съезда финотделов, не удалось добиться немедленного введения деления бюджета на прямые и оборотные средства.

Делегаты съезда финотделов на втором заседании бюджетно-сметной секции 24 мая 1919 г. подробно разбирали новые сметные

⁷⁷ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. С. 96 – 98, 100, 106 – 107.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 64. Л. 223.

⁷⁹ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 216 – 231 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1036. Л. 1, 2 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 42. Л. 1 ; Д. 113. Л. 14 – 15.

правила. Особое внимание было обращено на порядок прохождения смет. По новым правилам с 25 мая 1919 г. проекты смет должны были поступать на предварительное обсуждение на особые при каждом ведомстве совещания с участием НКФ, Госконтроля и ВСНХ, затем они вносились на окончательное рассмотрение особого междуведомственного бюджетного совещания при Наркомфине с участием представителей ВЦИК, ВСНХ, Наркомата государственного контроля и того учреждения, которое представляло сметы. И, наконец, рассмотренные и исправленные сметы, а также разногласия по ним направлялись на окончательное утверждение в СНК⁸⁰. Однако по замечанию делегатов новые правила предусматривают порядок сметной работы для центральных ведомств, не определяя подробно условия составления смет на местах, что может вызвать значительные трудности у провинциальных советских органов⁸¹.

Сметные правила 24 мая 1919 г. оказались последними, принятыми в период военного коммунизма. Хотя некоторые статьи этих правил впоследствии подверглись корректировке, это существенно не повлияло на бюджетную работу в 1919 – начале 1921 г.⁸²

Ведомства должны были внести свои предложения по доходам и расходам на совещания с участием представителей НКФ, Госконтроля и ВСНХ не позднее 10 июня 1919 г., а народные комиссариаты путей сообщения, по военным и морским делам и ВСНХ – не позже 25 июня 1919 г.⁸³

При работе над новым бюджетом, учитывая опыт составления предыдущих росписей, НКФ стремился урезать расходы ведомств. Особое совещание под председательством А.И. Потяева разработало специальную инструкцию для представителей Наркомфина в совещаниях по рассмотрению смет на июль – декабрь 1919 г. Основной принцип, которому должны были следовать члены Наркомата финансов, не допустить завышения ведомствами расходов. Инструкция требовала от представителей НКФ добиваться их максимального уменьшения в первичной стадии рассмотрения смет. При сокращении кредитов предлагалось главным

⁸⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1036. Л. 3.

⁸¹ Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Работы секций и доклады. С. 107 – 108.

⁸² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 890. Л. 181 ; Оп. 4. Д. 120. Л. 16 ; Д. 207. Л. 425, 426.

⁸³ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 223.

образом обращать внимание на результаты предыдущей росписи с целью выяснения, в какой степени данный расход фактически соответствовал размеру ассигнованного на него кредита. Чем больше будет несоответствие между ассигнованием и расходом, тем большему сокращению подлежало сметное предложение ведомства. Представители НКФ обязаны были следить за тем, чтобы в сметах не было расходов на мероприятия, выполнение которых в полном объеме могло потребовать нескольких сметных периодов. В таких случаях предложение ведомств в совещании не рассматривалось и возвращалось на доработку. Инструкция требовала внимательно рассматривать кредиты, планируемые на содержание личного состава, особенно центральных учреждений.

Члены НКФ должны были наблюдать за доходными исчислениями и в случае их очевидного преувеличения сокращать, в особенности это требовалось в отношении местных советов, так как они завышали суммы доходов в целях соответствующего повышения расходных назначений.

По инструкции во всех случаях, когда ведомства будут не согласны с предлагаемыми сокращениями, представители НКФ должны оставаться при особом мнении, которое доводится до сведения руководителей Наркомфина, а затем совещания по сметным вопросам. Одним из главных оснований для разногласий с ведомствами может служить отсутствие материалов по сметам.

От представителей НКФ требовалось оказывать воздействие на наркоматы для ускорения работ по рассмотрению сметных предложений⁸⁴.

Но процесс составления новой росписи продвигался медленно. Многие ведомства к августу 1919 г. еще не представили на утверждение сметы за первое полугодие 1919 г. Наркоматы постоянно просили выделить им авансы в счет будущей росписи, что создавало лишнюю работу для НКФ и состоящей при нем междуведомственной комиссии и СНК.

Местные учреждения со своей стороны, не получая своевременно кредитов, прибегали для получения денег к разнообразным нарушениям, внося дезорганизацию в сметно-кассовый порядок и деятельность провинциальных органов НКФ. Губисполкомы и уисполкомы отдавали распоряжения казначействам об открытии кредитов

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 165. Л. 10 – 14 об.

на содержание различных учреждений без разрешения и даже без ведома НКФ и соответствующих центральных ведомств. Часто губернские и уездные власти черпали средства прямо из наличности казначейств без открытия кредитов или обращали на расходы контрибуции, налагаемые на буржуазию, а также использовали иные поступления, которые должны были идти в доход казны.

Чтобы устранить такое положение НКФ предложил СНК временно установить упрощенный порядок отпуска ведомствам двухмесячных авансов в счет смет второго полугодия 1919 г.⁸⁵

По сметным правилам 24 мая 1919 г. наркоматы имели возможность получать кредиты без окончательного утверждения своих сметных предложений. В случае непредоставления каким-либо ведомством своевременно кассовых расходных расписаний на июль – декабрь 1919 г. кредиты ему открывались распоряжением сметного отдела Нарбанка в размерах, не превышающих 1/6 части соответствующих сметных назначений по росписи на январь – июль 1919 г.⁸⁶

11 июля 1919 г. бюджетный отдел центрального управления Нарбанка разослал по всем центральным учреждениям, составляющим сметы, циркуляр, разъяснявший порядок рассылки на места временных расходных расписаний, по которым проводились ассигнования кредитов на общегосударственные расходы до составления бюджета на июль – декабрь 1919 г. За основу при составлении этих документов наркоматы должны были брать сметы на январь – июнь 1919 г. Временные расписания рассматривались на междуведомственных совещаниях при каждом ведомстве с участием представителей НКФ и Госконтроля, а затем заблаговременно доставлялись в сметный отдел Нарбанка, чтобы их можно было отослать на места до начала каждого месяца. Одновременно наркоматам направили формы расходных расписаний на август – сентябрь 1919 г.⁸⁷

Дезорганизацию в бюджетную работу внес и майский съезд финотделов. Провинциальные финансовые органы ждали немедленного исполнения его решения о слиянии местных и государственных финансов⁸⁸. 11 июля 1919 г. бюджетный отдел цен-

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

⁸⁶ Декреты Советской власти. Т. 5. С. 224.

⁸⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 150. Л. 23 – 26.

⁸⁸ Там же. Д. 1038. Л. 1 – 3, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 20, 23, 24, 44, 46 – 50.

трального управления Нарбанка, отвечая на запросы по поводу порядка применения сметных правил 24 мая 1919 г., направил губфинотделам циркуляр, который требовал продолжения работы с местными средствами на прежних основаниях до разрешения в законодательном порядке вопроса о слиянии их с государственными⁸⁹.

3 октября 1919 г. коллегия НКФ обсуждала вопросы, связанные с составлением бюджета. С.Е. Чуцкаев доложил присутствующим, что комиссариаты представили большую часть своих смет. Судя по ним, расходная часть росписи может достигнуть 150 млрд руб. Чуцкаев отметил, что по опыту сметных предположений комиссариатов в большинстве случаев остаются неиспользованными средства даже в пределах сокращенных смет. Он поставил вопрос: должен ли НКФ настаивать на уменьшении представленных смет или принимать их без сокращения, с тем чтобы получить реальную картину планов работ отдельных наркоматов. Коллегия постановила поручить сметному совещанию добиваться сокращения смет, так как испрашиваемые многими комиссариатами суммы не вызваны действительной потребностью⁹⁰.

Правительство старалось ускорить работу по составлению росписи на июль – декабрь 1919 г. Малый СНК 24 октября 1919 г. обсуждал вопрос о рассмотрении бюджета на вторую половину 1919 г.⁹¹

2 ноября 1919 г. Малый Совнарком заслушал вопрос о непредоставлении народными комиссариатами смет на июль – декабрь 1919 г. С целью ускорения работы было решено предложить всем наркоматам по прохождении их основных смет через бюджетное совещание предоставлять сводку своих доходных и расходных смет в Малый СНК. В сводке необходимо было указать по каждой статье разницу между испрашиваемой ведомством суммой и отпущенной бюджетным совещанием⁹².

23 декабря 1919 г. Малый СНК рассматривал проект постановления о росписи доходов и расходов на июль – декабрь 1919 г., а также вопрос о продлении льготного срока действия расходных смет на вторую половину 1919 г.⁹³

⁸⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 150. Л. 22.

⁹⁰ Там же. Д. 148. Л. 25.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 65. Л. 197 об.

⁹² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 150. Л. 84.

⁹³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 65. Л. 329.

Однако, несмотря на все старания, бюджетный отдел Центрального бюджетно-расчетного управления получил последние поправки СНК к финансовым сметам на июль – декабрь 1919 г. только в двадцатых числах января 1920 г. Предварительные данные по росписи на вторую половину 1919 г. были опубликованы в «Известиях НКФ» 16 февраля 1920 г. Доходы бюджета составили 28 605 млн руб., расходы – 164 694 млн руб., дефицит 136 089 млн руб.⁹⁴ Итоговые цифры росписи доходов и расходов на июль – декабрь 1919 г. изменились незначительно: доходы составили 28 609 млн руб., расходы – 164 699 млн руб., дефицит – 136 090 млн руб.⁹⁵

Однако бюджет на вторую половину 1919 г. так и не был утвержден правительством в течение всего 1920 г.

Сметные правила 24 мая 1919 г. определили переход к составлению годовой росписи на 1920 г. Однако в НКФ появились сторонники идеи изменить временные рамки годового бюджета. По сметным правилам 24 мая 1919 г. роспись на 1920 г. должна была составляться на период с 1 января по 31 декабря 1920 г. Было подготовлено предложение для СНК определить годовой сметный период с 1 июля 1920 г. по 30 июня 1921 г., а на переходный этап с 1 января по 30 июня 1920 г. составить в спешном порядке отдельную роспись. Но эта идея не была реализована⁹⁶.

23 декабря 1919 г. СНК принял постановление о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении финансовых смет и росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР на 1920 г.⁹⁷

Новый бюджет составлялся на весь 1920 г. по сметным правилам, утвержденным 24 мая 1919 г. Ведомства должны были приступить к работам немедленно, а занятия междуведомственного бюджетного совещания начинались с 1 февраля 1920 г.⁹⁸

5 января 1920 г. С.Е. Чуцкаев разослал всем губисполкомам радиотелеграмму, в которой требовал немедленно приступить к составлению смет на 1920 г. и закончить работу в несколько дней.

⁹⁴ Известия НКФ. 1920. № 2/18. С. 1 ; Приложение 4.

⁹⁵ Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. М., 1921. С. 94 ; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 4. Л. 2 – 128, 130 – 212.

⁹⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 165. Л. 3 – 3 об.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 65. Л. 329 ; Оп. 4. Д. 145. Л. 91 об. – 92 ; Ф. 1235. Оп. 94. Д. 73. Л. 20 – 22.

⁹⁸ Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1975. С. 43 – 46.

Составленные, проверенные, рассмотренные сметы надлежало прислать центральным наркоматам. Чуцкаев просил отправить радиogramму телеграфом соседним губисполкомам, не имеющим радиостанций⁹⁹.

Таким образом, работа по составлению годовой росписи доходов и расходов только разворачивалась на рубеже 1919 – 1920 гг. Советская республика в который раз в начале очередного сметного периода оказалась без бюджета. Такая ситуация не была новой для большевиков.

Чтобы хоть как-то справиться с бюджетной анархией, СНК начиная с 10 января 1920 г. неоднократно продлевал льготный срок действия расходных смет второго полугодия 1919 г.¹⁰⁰ Кроме того, 9 февраля 1920 г. он разрешил наркоматам расходы ближайшего предшествующего сметного периода относить на кредиты действующей сметы¹⁰¹, а 5 ноября 1920 г. народные комиссариаты получили право по соглашению с НКФ и Рабоче-крестьянской инспекцией относить на действующие сметы все невыполненные расходы прежних лет¹⁰².

Кроме того, постановлением от 23 декабря 1919 г. о составлении смет на 1920 г. наркоматам разрешалось производить до подготовки окончательных годовых расходных расписаний ассигнования кредитов на общегосударственные нужды посредством рассылки на места временных расходных расписаний. Такие расписания составлялись сразу на 3 месяца (январь – март) без распределения кредитов по месяцам. В них вносились кредиты в размерах, не превышающих половины ассигнований по этому параграфу по смете на июль – декабрь 1919 г.¹⁰³

1 марта 1920 г. принимается постановление СНК, по которому ведомствам разрешалось составлять временные расходные расписания на апрель – июнь 1920 г., однако они не должны были превышать расходных расписаний на январь – март 1920 г. с прибавлением сверхсметных ассигнований. Разрешение на сверхсметные креди-

⁹⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 3.

¹⁰⁰ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 91 ; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 380 ; Ф. 130. Оп. 4. Д. 203. Л. 35, 186 ; Д. 205. Л. 53.

¹⁰¹ Там же. Т. 7. С. 222 ; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 362 – 363.

¹⁰² Декреты Советской власти. Т. 11. М., 1983. С. 182 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 208. Л. 195 ; Д. 127. Л. 63 ; Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 41.

¹⁰³ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 43 – 46.

ты каждый раз давал СНК после достижения предварительного соглашения ведомства с НКФ и Рабоче-крестьянской инспекцией¹⁰⁴.

28 мая 1920 г. СНК разрешил наркоматам составлять временные расходные расписания на июль – сентябрь 1920 г., объем которых не должен был превышать расходных расписаний на апрель – июнь 1920 г.¹⁰⁵ Больше постановлений СНК о предоставлении ведомствам возможности составлять временные расходные расписания в 1920 г. не принималось.

В октябре 1920 г. началось обсуждение вопроса о временных расходных расписаниях на 1921 г. Предложенный НКФ более льготный, чем прежде, порядок их составления 28 октября 1920 г. был единогласно утвержден Малым СНК¹⁰⁶. Постановление 28 октября предусматривало составление временных расходных расписаний на 6 месяцев сразу (январь – июнь 1921 г.). При этом за основание для разработки принимались сметные назначения на 1920 г. с прибавлением к ним сверхсметных ассигнований, последовавших в том же году.

Суммы годовых назначений включались в расходные расписания на 1921 г. в размере, не превышающем половины общего годового назначения по параграфу. Если ведомство считало этого недостаточным, то оно могло увеличить назначение: по усмотрению самого учреждения, если увеличение не превышало 25 % нормы; по соглашению с НКФ и Наркомрабкрином, если свыше 25 % и до 50 % нормы; с разрешения СНК по предварительному согласованию ведомства с Наркомфином и Рабкрином, если увеличение превышает 50 % нормального назначения. Большинство наркоматов должны были передать свои временные расходные расписания на январь – июнь 1921 г. к 15 ноября 1920 г., а более крупные ведомства к 1 декабря 1920 г. для проверки и рассылки по принадлежности в ЦБРУ¹⁰⁷.

Из вышеизложенного следует, что такие мероприятия, как неоднократное продление льготного срока действия расходных смет второго полугодия 1919 г., отнесение расходов наркоматов прежних лет на кредиты действующей сметы, периодическое составле-

¹⁰⁴ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 287 – 288 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 18. Л. 2, 4, 9 – 11 ; Д. 204. Л. 4 ; Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 350.

¹⁰⁵ Там же. Т. 8. М., 1976. С. 257 ; Там же. Д. 699. Л. 3, 52 – 55 ; Д. 205. Л. 231 ; Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41. Л. 247.

¹⁰⁶ Там же. Т. 11. М., 1983. С. 130 ; Там же. Оп. 5. Д. 55. Л. 25 – 26 ; Оп. 4. Д. 207. Л. 423 – 424.

¹⁰⁷ Декреты Советской власти. Т. 11. С. 127 – 129.

ние временных расходных расписаний, имели своей целью решение только одной задачи – борьбы с бюджетной анархией, царившей в хозяйстве Советской республики. В сущности, все меры, предпринимаемые НКФ и СНК, должны были приучить ведомства соблюдать хоть какую-то финансовую дисциплину. Кроме того, это были попытки умерить постоянно растущие аппетиты наркоматов и оградить бюджет республики от неконтролируемых бескредитных расходов. Однако эффективность проводимых мероприятий оказалась крайне низкой.

Между тем работы по составлению очередного бюджета продолжались, отнимая огромное количество времени и сил у НКФ, центральных ведомств и местных властей. Весь 1920 г. Наркомфин вел переписку с наркоматами и губерниями по вопросам, касавшимся порядка составления смет¹⁰⁸.

Одной из проблем работы по подготовке бюджета на 1920 г. стало введение деления на прямые и оборотные доходы и расходы. 1 марта 1920 г. Народный комиссариат юстиции обратился в НКФ с просьбой разъяснить, составлять ли финансовые сметы комиссариата с подразделением на 2 части или без этого деления. В отношении указывалось, что введение прямых и оборотных расходов и доходов едва ли имеет практическое значение из-за продления действия кредитов в счет сметы на июль – декабрь 1919 г., где такого деления не предусматривалось, а также вследствие отсутствия инструкций по данному вопросу.

15 марта 1920 г. бюджетный отдел ЦБРУ отправил Наркомату юстиции ответ, где настаивал на составлении сметы на 1920 г. с делениями на прямые и оборотные доходы и расходы¹⁰⁹.

Подобные проблемы возникли и у местных финансовых органов. Например, 31 июля 1920 г. коллегия Тамбовского губфинотдела принимала губернские сметы. Представитель Рабоче-крестьянской инспекции предложил внести подразделение общегосударственных доходов и расходов на прямые и оборотные. Коллегия губфинотдела с этим не согласилась, мотивируя это тем, что большинство местных отделов и учреждений распределение на прямые и оборотные доходы и расходы не производили. Но губисполком при утвержде-

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 300. Л. 5 – 7, 28, 111, 112, 136, 137, 147 – 150, 155 – 159, 185.

¹⁰⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 4 – 5.

нии смет внес поправки, поэтому губфинотдел не располагает данными для деления. Вследствие этих причин коллегия губфинотдела нашла предложение представителя Рабоче-крестьянской инспекции «не достигающим цели, а лишь непроизводительным обременяющим и без того обремененные силы сметно-кассового подотдела»¹¹⁰.

23 июня 1920 г. Малый СНК постановил предложить наркоматам просвещения, продовольствия, земледелия и социального обеспечения утвердить свои сметы на 1920 г. на междуведомственных совещаниях и не позднее 1 августа 1920 г. внести их на бюджетное совещание при НКФ¹¹¹. Опираясь на это решение Совнаркома, Л.Л. Оболенский разослал упомянутым в нем ведомствам обращение с просьбой принять меры к скорейшему окончанию работ по составлению смет на 1920 г.¹¹²

Несмотря на все усилия НКФ и СНК, где периодически обсуждались различные проблемы подготовки бюджета на 1920 г., работа по росписи продвигалась крайне медленно¹¹³. Показателен пример с принятием весьма простой по своей структуре сметы Народного комиссариата по делам национальностей. 6 августа 1920 г. СНК «утвердил» доходную смету Наркомнаца, постановив, что этот наркомат доходной сметы не имеет. Расходная же смета данного комиссариата в сумме 277 125 000 руб. была принята Совнаркомом «без всяких изменений и пожеланий» только 3 февраля 1921 г.¹¹⁴

На 30 августа 1920 г. в бюджетных совещаниях было рассмотрено 33 % сметных исчислений наркоматов. Опираясь на эти данные, в Наркомфине сделали предположение, что общая сумма расходов на 1920 г. может составить 1 355 млрд руб. Полагая, что в СНК последует сокращение на 10 – 20 %, расходная часть росписи на 1920 г. может выразиться примерно в 1 220 – 1 085 млрд руб.¹¹⁵

Несмотря на то, что в конце августа 1920 г. только 33 % ведомственных смет прошли через бюджетные совещания, НКФ в начале следующего месяца приступил к составлению росписи на 1920 г.

¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 26.

¹¹¹ Там же. Л. 16 ; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 716. Л. 3 об.

¹¹² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 12 – 15.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 73. Л. 12 ; Д. 203. Л. 119 – 121 ; Д. 207. Л. 403 ; Ф. 4390. Оп. 2. Д. 269. Л. 111 – 112 ; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 84, 87, 88, 90 – 92 об, 95 – 95 об.

¹¹⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 10, 93.

¹¹⁵ Там же. Л. 17.

В Малый СНК 6 сентября 1920 г. был направлен заведующий отделением бюджетного отдела ЦБРУ С.Ф. Романович. Он должен был получать копии протоколов о рассмотренных сметах и немедленно направлять их в НКФ. 9 сентября было подготовлено, а 15 сентября 1920 г. разослано управляющим сметным отделом и отделом по финансированию промышленности и народно-хозяйственных операций срочное распоряжение за подписями заведующего бюджетным отделом ЦБРУ С.А. Голованова и заведующего ЦБРУ С.Е. Чуцкаева. От отделов требовалось в течение 10 – 15 дней представить материал к объяснительной записке по бюджету на 1920 г., которую предполагалось составить по плану записки к росписи на первую половину 1919 г.¹¹⁶

Но к указанному сроку распоряжение выполнено не было. Тогда 16 и 19 октября 1920 г., а затем и 15 декабря 1920 г. С.А. Голованов вновь направляет в отделы распоряжение – ускорить предоставление необходимых материалов¹¹⁷.

Неисполнительность отделов ЦБРУ объяснялась отсутствием необходимых данных в связи с тем, что ведомства не прошли еще процедуру утверждения их сметных предложений. 10 января 1921 г. С.А. Голованов сообщал счетной части ЦБРУ, что роспись общегосударственных доходов и расходов не может быть выслана ввиду того, что до настоящего времени не все сметы рассмотрены в СНК¹¹⁸.

17 января 1921 г. бюджетный отдел ЦБРУ направил просьбу о немедленном внесении финансовых смет на утверждение СНК наркомом иностранных дел, внешней торговли и Председателю ВСНХ. 27 января 1921 г. С.Е. Чуцкаев вновь обращается к Председателю ВСНХ с предложением внести сметы в Совнарком. Ответ последовал 3 февраля 1921 г. В нем говорилось, что финансовая смета ВСНХ будет отослана «дней через 5» ввиду того, что подсчет за декабрь еще не закончен¹¹⁹. Таким образом, в начале 1921 г. сметные предложения одного из основных «потребителей» бюджетных средств даже еще не направлялись на утверждение правительства.

В период работы над пятой советской росписью доходов и расходов Советское правительство решило отказаться от использования

¹¹⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Л. 19 – 22, 85 – 86.

¹¹⁷ Там же. Л. 23 – 25.

¹¹⁸ Там же. Л. 55.

¹¹⁹ Там же. Л. 62 – 64, 67, 72.

в расчетах копеек. Инфляция привела к тому, что мелкие денежные единицы утратили всякое реальное значение. Но они использовались Советским правительством при назначении твердых цен, а также во взаиморасчетах между государственными учреждениями и предприятиями. Это загромождало чисто бухгалтерские переводы ничего не значащими цифрами. 28 июля 1920 г. Наркомпрод поставил перед НКФ вопрос об округлении и исключении копеек из денежных расчетов¹²⁰. Последний положительно откликнулся на предложение продовольственного ведомства. К сентябрю НКФ подготовил проект декрета «Об исключении копеек при всех денежных расчетах». 20 октября 1920 г. заместитель наркома финансов С.Е. Чуцкаев представил его на рассмотрение СНК. В целях упрощения денежных расчетов декрет предусматривал полностью исключить из них копейки. Все счета и другие финансовые документы составлять в целых рублях. Суммы копеек до 50 отбрасывать, а свыше 50 округлять до 1 руб. Учреждениям, назначающим цены, устанавливать их только в целых рублях. Всем бухгалтериям вести записи сумм в целых рублях и не позже 1 января 1921 г. округлить до рубля остатки счетов как балансовых, так и лицевых.

В объяснительной записке, прилагавшейся к проекту декрета, С.Е. Чуцкаев отмечал, что коэффициент обесценения денег для настоящего времени может быть грубо определен в 4 000 – 5 000 раз против довоенного. В итоге на практике дензнаки ниже рубля почти не употребляются, но расчеты по твердым ценам продолжают до сих пор производиться с точностью до копейки. По мнению С.Е. Чуцкаева, это нецелесообразно, так как приводит к лишней трате рабочего времени, бумаги и чернил.

Заместитель наркома отмечал, что можно пойти дальше и округлить счета сразу до десятков рублей, если принять во внимание размеры падения стоимости дензнаков на вольном рынке. По утверждению С.Е. Чуцкаева, в разных местностях России рубль обесценился до 1/20 – 1/50 довоенной копейки. Но такое округление встречает препятствия в системе твердых цен. Они повышены против довоенных в среднем в 100 раз. Поэтому Наркомфин посчитал пока предпочтительным округление только до рубля¹²¹.

¹²⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 234 ; Д. 166. Л. 105.

¹²¹ Там же. Л. 221 – 222 ; Д. 166. Л. 96, 98, 99.

29 ноября 1920 г. Малый СНК единогласно принимает постановление «Об упрощении денежных расчетов», которое исключало копейки из денежных расчетов. Все предложения С.Е. Чуцкаева, рассмотренные на заседании Совнаркома 20 октября 1920 г., были узаконены ¹²².

Работа по составлению росписи государственных доходов и расходов на 1920 г. развивалась по привычному сценарию. Несмотря на то, что бюджетный год закончился, до завершения «финансового плана» республики было еще далеко. Работа над росписью продолжалась еще несколько месяцев. Только 4 августа 1921 г. НКФ передал в Управление делами СНК проект декрета, росписи и объяснительные записки сразу по двум бюджетам: на июль – декабрь 1919 г. и на 1920 г. ¹²³

11 августа 1921 г. представленные Наркомфином документы обсудили в Малом СНК ¹²⁴. 15 августа 1921 г. последние бюджеты эпохи военного коммунизма рассмотрели на заседании Совнаркома ¹²⁵. 21 августа 1921 г. росписи общегосударственных доходов и расходов на июль – декабрь 1919 г. и на 1920 г. были утверждены постановлением СНК ¹²⁶.

В бюджете за 1920 г. доходы составили 159 604 288 тыс. руб., а расходы 1 215 159 242 тыс. руб. Дефицит определялся астрономической суммой – 1 055 554 954 тыс. руб. ¹²⁷

¹²² Декреты Советской власти. Т. 11. С. 281.

¹²³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1355. Л. 127.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 117. Л. 10 – 11.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 64. Л. 15.

¹²⁶ История Министерства финансов России : в 4 т. Т. 2. М., 2002. С. 60.

¹²⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1354. Л. 2 ; Приложение 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Денежная политика Советского государства была во многом предопределена теми факторами, которые складывались еще до прихода к власти большевиков. С Первой мировой войны начались процессы постепенного нарастания кризиса финансовой системы России. Сначала царское, а затем и Временное правительство перешли к решению своих экономических проблем за счет эмиссии. Уже в это время появляются специфические черты денежного обращения, которые унаследовали и большевики: 1) упрощение производства бумажных денег; 2) лаж на различные образцы кредитных билетов; 3) перманентный денежный голод; 4) выпуск в обращение денежных суррогатов.

Советская власть не сразу встала на путь эмиссионного хозяйства, который со всей отчетливостью проявился к концу существования Временного правительства. Большевики сначала даже попытались добиться стабилизации рубля с помощью применения рыночных механизмов и денежной реформы. Однако начало полномасштабной Гражданской войны положило конец этим планам. С осени 1918 г. Советская республика также вынуждена была встать на путь перехода к эмиссионному хозяйству. Этот процесс завершился в мае 1919 г., когда были сняты все, даже формальные ограничения на производство дензнаков.

На первый взгляд, никаких новых элементов в область денежного обращения большевики не внесли. Они продолжали двигаться в русле той же политики, которая наметилась при царском и Временном правительствах. Главным отличием большевиков от предыдущих режимов явилось то, что новые правители России в течение 1919 – 1920 гг. не предпринимали каких-либо серьезных шагов по стабилизации денежного обращения. Они не боялись окончательного обесценения рубля, считая процесс «умирания» национальной валюты одной из экономических закономерностей перехода от капитализма к социализму, предсказанного еще классиками марксизма.

В начале 1919 г. Советским правительством была введена продразверстка и произошел переход национализированной промышленности исключительно на сметное финансирование. Эти мероприятия оказали решающее влияние на денежную политику правящей партии. Появляется своеобразная схема эмиссионного хозяйства, которая будет развиваться вплоть до введения нэпа. Большевики начали процесс последовательного вытеснения денег из государственного сектора экономики. Таким образом они стремились защитить его от негативного влияния падающей валюты. Деньги продолжали обслуживать вольный спекулятивный рынок, с которым Советская власть вела непримиримую борьбу. Использование рубля в национализированном хозяйстве постоянно сознательно ограничивалось. Применение этой схемы позволяло большевикам выбрасывать в обращение все новые и новые партии ничем не обеспеченных денежных знаков, не опасаясь угрозы немедленного краха государственной экономики.

Одновременно шел процесс натурализации заработной платы. В течение 1918 – начала 1921 г. она практически вытеснила денежную зарплату рабочих и государственных служащих, что также явилось страховкой от катастрофического падения покупательной способности рубля.

Но окончательного разрыва с денежным хозяйством большевикам достичь не удалось. Государственные предприятия и организации, и особенно рабочие и служащие, испытывали постоянную потребность в деньгах. Им приходилось, чтобы выжить в кошмаре гражданской междоусобицы, прибегать к услугам вольного рынка. Советский распределительный аппарат не мог учесть и удовлетворить все потребности как предприятий, так и населения. Отсюда вытекали проблемы перманентного денежного голода и отсутствия регулярного снабжения деньгами промышленности и государственных органов, а также всех слоев населения страны Советов, которые большевики так и не сумели решить в течение 1918 – начала 1921 г.

Кроме того, выяснилось, что безудержная инфляция привела рубль к утрате одной из его основных функций – мерила ценностей. Система твердых цен, которая была введена в государственном секторе хозяйства Советской республики, практически перестала существовать. Периодическое увеличение тарифных ставок не могло угнаться за падением покупательной способности рубля. В республике начиная с 1918 г., как снежный ком, рос разрыв между

стоимостью товаров на вольном черном рынке и твердыми государственными ценами. К 1920 г. он достиг колоссальных размеров. Твердые цены превратились в ничтожно малую величину. Их сохранение потеряло всякий экономический смысл.

11 октября 1920 г. СНК принимает постановление «Об отмене некоторых расчетов». Наркомфину поручается в двухнедельный срок внести в Совнарком проект декрета об отмене платы не только наличными, но и в форме оборотных перечислений в денежной форме с государственных предприятий, учреждений и работающих на них рабочих и служащих за пользование телеграфом, телефоном, почтой, водопроводом, канализацией, жилыми помещениями, газом и электричеством, а также за отпускаемые Главтопом и Наркомпродом топливо и продукты питания. Кроме того, постановление предписывало распространить отмену оплаты на органы Коминтерна, ВЦСПС, инвалидов войны и труда, жен, вдов, детей, родителей красноармейцев и военных моряков и на всех лиц, находящихся на попечении наркоматов социального обеспечения и здравоохранения¹.

В декабре 1920 г. решение Совнаркома от 11 октября 1920 г. стало претворяться в жизнь. С 1 января 1921 г. вводился бесплатный отпуск населению продовольственных продуктов (декрет СНК от 4 декабря) и предметов широкого потребления (постановление СНК от 17 декабря). Отменялась плата за медикаменты (постановление СНК от 15 декабря), за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радиотелефоном (постановление СНК от 23 декабря), за жилые помещения (декрет СНК от 27 января 1921 г.), за топливо (декрет от 31 декабря 1920 г. и постановление СНК от 27 января 1921 г.), за произведения печати – книги, газеты, журналы, брошюры, портреты и т.п. (постановление СНК от 23 марта 1921 г.)².

Таким образом обесценение рубля разрушало и государственный сектор хозяйства Советской республики. Большевики видели выход из сложившегося положения не в стабилизации валюты, а в создании новой единицы учета, более подходящей для советского строя. С этой целью разрабатывается проект «тредов». Новая счетная единица должна была заменить собою обесценившийся рубль.

¹ Декреты Советской власти. Т. 11. С. 44 – 45.

² Там же. Т. 12. М., 1986. С. 10 – 12, 41, 46 – 47, 65 – 67, 227 – 229, 229 – 230 ; Т. 13. М., 1989. С. 262 – 263 ; Известия ВЦИК. 1920. 31 дек. № 296 ; РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 403. Л. 3, 20, 26.

Главное отличие политики большевиков от курса царского и Временного правительства в области денежного обращения заключалось в постепенном удалении денег из народного, чрезмерно огосударствленного хозяйства республики. Это принесло и некоторые положительные результаты. Натурализация государственного сектора экономики сдерживала падение покупательной способности денег. Когда при переходе к нэпу Советское правительство отказалось от схемы эмиссионного хозяйства, то немедленно произошел резкий скачок в обесценении рубля.

Необходимо выделить и еще одну важнейшую составляющую денежной политики Советской власти в 1918 – 1920 гг. Большевики активно использовали падающую национальную валюту для борьбы со своими политическими противниками. Совершенно справедливо один из известных современных отечественных специалистов М.В. Ходяков отмечает: «Мысль А.И. Герцена о том, что “деньги – независимость, сила, оружие. А оружие никто не бросает во время войны, хотя бы оно и было неприятельское, даже ржавое”, была ими реализована почти буквально»³.

Большевики, отправляя в обращение все новые партии дензнаков, наносили ощутимый урон антисоветским режимам. Все попытки контрреволюционных правительств стабилизировать экономическое положение в подконтрольных им регионах наталкивались на непреодолимое препятствие в виде огромного количества денежных знаков, в большей своей части напечатанных в Советской республике. Большевики стали рассматривать эмиссию как весьма эффективное оружие и максимально использовали те преимущества, которые предоставлял им контроль над производственными мощностями Экспедиции заготовления государственных бумаг. Они заполнили рынок не только собственными совзнаками, но и популярными среди населения кредитками дооктябрьских образцов. «Царские», «думские» и «керенки» в больших количествах производились ЭЗГБ и выпускались в обращение в течение 1917 – 1920 гг. Попытки контрреволюционных правительств противостоять наплыву на подконтрольную им территорию всей этой огромной бумажно-денежной массы существенных результатов не приносили. Совет-

³ Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917 – 1920 гг. СПб., 2009. С. 70.

ской власти удалось превратить эмиссию в своего, хотя и временно-го, но в данных условиях верного союзника.

На рубеже 1918 – 1919 гг. в связи с успехами Красной армии большевики сами столкнулись с проблемой унификации денежного обращения. На вновь присоединенных к республике территориях имели хождение всевозможные дензнаки как советских, так и анти-советских режимов. Большевики подошли к разрешению создавшейся проблемы дифференцированно и прагматично. Суррогаты, выпущенные советскими режимами, подлежали обмену на совзнаки. Деньги контрреволюционных властей предполагалось аннулировать. Однако никаких декретов о запрещении обращения белогвардейских дензнаков Советское правительство не издавало. Выбор момента для аннуляции предоставлялся местным властям. Данное решение можно считать рациональным, так как при этом учитывались специфические финансово-экономические условия, сложившиеся в отдельных регионах страны.

Известную гибкость большевики проявили и при решении проблемы выплаты компенсаций за аннулированные контрреволюционные деньги. Первоначально оплачивать белогвардейские кредитки Советское правительство не собиралось, однако в итоге затратило значительные суммы на компенсации рабочим, служащим, красноармейцам, отчасти крестьянам, а также частям Красной армии, некоторым промышленным предприятиям и «общепольным демократическим организациям».

К середине 1920 г. большевикам удалось достигнуть унификации денежного обращения на большей части Советской республики. Совзнак стал главным орудием расчетов. Но это не означало, что проблема денежных суррогатов была окончательно решена. Население, государственные предприятия и организации продолжали использовать всевозможные дензнаки. По-прежнему повышенный спрос имели деньги дооктябрьских образцов. В конце 1919 – начале 1920 г. реальной угрозой для денежного обращения становится воссоединение РСФСР и Туркестана. В этой Среднеазиатской республике, как нигде на территории бывшей Российской империи, наблюдалось обесценение местных денежных знаков. Благодаря предпринятым НКФ мерам удалось не допустить выхода значительного количества туркбон за пределы региона. В начале 1921 г. туркестанские боны были изъяты из обращения и заменены на рас-

четные знаки РСФСР выпуска 1919 г. Денежная реформа в Туркестане завершила процесс унификации денежного обращения на территории Советской республики.

Денежная политика большевиков на протяжении 1918 – 1920 гг. в первую очередь определялась одной главной задачей – достижением победы в Гражданской войне. И эта задача была в целом успешно решена. Если оценивать денежную политику Советского государства по этому конечному результату, то следует согласиться с Е.А. Преображенским: «В архиве великой пролетарской революции рядом с пушками, винтовками и пулеметами нашей эпохи, разившими врагов пролетариата, на почетном месте будет стоять станок того пулемета Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции»⁴.

Подводя итог бюджетной работы Советского правительства, следует отметить, что разработке «финансового плана» построения нового общества большевики придавали большое значение. Однако создать такой «план» они так и не смогли. Несмотря на значительные усилия, которые прилагались НКФ, ни один бюджет РСФСР за 1918 – 1920 гг. не отражал реального соотношения доходов и расходов республики. Поэтому, рассматривая официальные итоги росписей, можно судить лишь об общих тенденциях в бюджетном хозяйстве Советского государства, но ни в коем случае о действительном положении дел.

Если обратиться к наиболее острой проблеме – перманентному росту дефицита, который в 1918 г. составил 66,6 % и к 1920 г. достиг 86,9 %⁵, то в реальности эти показатели выглядят несколько иначе. Так, по официальным данным, превышение расходов над доходами в июле – декабре 1918 г. достигло 56,3 %, что явилось самым низким показателем по отношению ко всем первым пяти революционным бюджетам. Однако в роспись был включен 10-миллиардный чрезвычайный налог, который так и не поступил в казну в указанный период. Следовательно, дефицит бюджета за вторую половину 1918 г. вырастает до 90,6 %.

⁴ Преображенский Е. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 4.

⁵ См.: Приложение 6.

Вместе с тем следует заметить, что при разработке смет центральные и местные органы стремились значительно завышать и расходы, и доходы, страхуя себя от инфляции и желая получить в свое полное распоряжение столь «дефицитные» денежные знаки. В результате первый бюджет по расходам был исполнен на 1/3, а второй меньше чем на 50 % от запланированных ассигнований.

Складывается весьма своеобразная ситуация при разработке государственных росписей РСФСР: Наркомфин вел борьбу за радикальное сокращение сметных предложений наркоматов, а последние в свою очередь завышали свои расходы, зная, что они все равно будут урезаны, при этом обе стороны не опирались на какие-либо более или менее надежные расчеты. Поэтому и завышение, и сокращение смет происходило чисто «механически».

Декретами СНК от 23 января «О расчетных операциях» и от 4 марта 1919 г. «О финансировании государственных предприятий» вся государственная промышленность была переведена исключительно на содержание казны, а Наркомфин фактически лишился права проведения какого-либо действенного надзора за финансовыми операциями ВСНХ. После этого ввести бюджетный механизм в нормальное русло уже не представлялось возможным.

Не удалось НКФ противостоять и такому явлению, как бескредитные ассигнования. Такой способ финансирования получил самое широкое распространение по всей вертикали советских органов, государственных предприятий и учреждений. Деньги шли на различные нужды независимо от того, были ли данные расходы предусмотрены по смете. Это разрушало основополагающие принципы единства бюджета, которые стремился проводить НКФ. Причем одним из главных нарушителей являлся СНК, который отпускал огромные средства в обход утвержденной росписи доходов и расходов. Если обратиться к опубликованным томам «Дekretов Советской власти», то в каждом из них имеются приложения «Неопубликованные постановления Совета Народных Комиссаров об ассигнованиях (в сокращенном изложении)», которые дают яркое представление об огромных масштабах раздачи Совнаркомом сверхсметных ассигнований.

Серьезные затруднения возникали и при разработке сметных предложений. Работа над ними шла постоянно. Полугодовые бюджеты, на которые перешла республика вследствие сложившихся

чрезвычайных обстоятельств, привели к тому, что ведомства и местные власти вступили в период перманентной работы над сметами. Справиться с такой нагрузкой они не могли не только по обстоятельствам времени, но и вследствие распада и депрофессионализации провинциальных финансовых органов. Поэтому все бюджеты принимались в конце сметного периода и в лучшем случае узаконивали уже произведенные расходы. А последняя полугодовая роспись на июль – декабрь 1919 г. вообще была утверждена через два года. Не изменилась ситуация и при переходе на годовой бюджет. Он был утвержден только через восемь месяцев после окончания сметного периода.

Задержка с разработкой последних двух «революционных» бюджетов свидетельствует о том, что ведомства потеряли мотивацию к скорейшей подготовке своих предложений для росписи доходов и расходов. Во многом это объясняется принятием 24 мая 1919 г. последних сметных правил эпохи военного коммунизма, предоставлявших возможность наркоматам получать кредиты, не дожидаясь завершения процесса утверждения своих сметных предложений. В результате со второй половины 1919 г. ведомства окончательно перешли на временные расходные расписания, по которым шли ассигнования на общегосударственные нужды.

Несмотря на то, что определить реальные параметры первых советских бюджетов крайне сложно, можно с уверенностью отметить главную их особенность – чрезвычайное увеличение расходов при катастрофическом падении доходов. Основными причинами роста расходных статей бюджетов являлись: громадное повышение затрат на оборону в связи с Гражданской войной, расширение государственного сектора в экономике и перевод предприятий на сметное финансирование, увеличение численности чиновничьего аппарата и высокие темпы обесценения рубля⁶. Падение доходов стало следствием распада денежной налоговой системы, нерентабельности национализированной промышленности и инфляции. Дефицит бюджета покрывался исключительно за счет эмиссии. Постоянный рост выпуска дензнаков уничтожал доходные статьи росписи, что влекло за собой повышение расходов. Поэтому бюджеты первых трех лет Советской власти можно назвать бюджетами эмиссионного хозяйства, бюджетами «падающей валюты».

⁶ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 49.

Поначалу громадный рост расходов вызывал серьезное беспокойство у руководства финансового ведомства. И.Э. Гуковский, рассуждая о первом советском бюджете на I съезде совнархозов, говорил: «...или же мы куда-то зарвались и некуда нам деться... Я думаю, тут что-то не так... Во всяком случае, наш бюджет колоссален»⁷. Следующий нарком Н.Н. Крестинский не был столь пессимистично настроен. При нем Наркомфин встает на ту точку зрения, что денежные бюджеты не соответствуют новому трудовому строю и не отражают всех оборотов государственного хозяйства. Важнейшей задачей наркомата становится переход на учет материальных ценностей, а не финансовых ресурсов. Эта идея нашла свое отражение в сметных правилах, принятых 24 мая 1919 г. Деление расходов и доходов на прямые и оборотные должно было способствовать переходу от денежных к материальным бюджетам. Но вследствие противодействия ВСНХ роспись на вторую половину 1919 г. составлялась по старой схеме. В следующем бюджете на 1920 г. уже в полной мере наметился переход от денежных бюджетов к натуральным.

В составе оборотных расходов учитывались взаимные платежи государственных предприятий и учреждений. Они должны были отражать реальное движение материальных ценностей, а не финансовых потоков. К прямым расходам относились действительные денежные затраты государственных предприятий и учреждений. Благодаря постепенному увеличению оборотных расходов и доходов бюджет предполагалось трансформировать из денежного в материальный. Советское правительство на рубеже 1920 – 1921 гг. начинает подготовку к такому переходу.

В октябре 1920 г. СНК образовал межведомственную комиссию для разработки методики осуществления материальных расчетов и подготовки проекта постановления об аннулировании взаимных безналичных расчетов между советскими учреждениями и предприятиями. В ноябре – декабре 1920 г. последовало расширение системы бесплатного отпуска продуктов и оказания услуг в государственном секторе экономики, начал активно обсуждаться вопрос о замене денежного бюджета материальным⁸.

⁷ Труды I съезда СНХ. М., 1918. С. 133 – 135.

⁸ История Министерства финансов России. Т. 2. С. 50 – 51.

26 января 1921 г. Малый СНК принимает решение: 1. В основу построения общегосударственного бюджета положить принцип нетто-бюджета. Ликвидация взаимных расчетов между советскими учреждениями должна достигаться автоматически путем ведомственной и общегосударственной сводки периодической отчетности без каких-либо денежных или материальных компенсаций. 2. Признать необходимым учет материалов как количественно, так и валютно, не предвещая вопроса о характере подлежащей установлению счетной единицы. 3. Безотлагательно приступить к разработке: а) схемы бюджета с установлением по возможности классификации оборотов в трех направлениях: административно-хозяйственном, целевом и территориальном; б) счетной единицы как общего мерила оценки, наиболее соответствующей трудовому строю⁹.

Таким образом, начиная с 1919 г. Наркомфин встал на путь перехода от денежного бюджета к материальному. Впервые новая схема расчетов между государственными учреждениями и предприятиями, основанная на принципе оборотных доходов и расходов, т.е. отражения одной и той же суммы как расхода одного ведомства и дохода другого, появляется в декрете 23 января 1919 г. «О расчетных операциях»¹⁰. Бюджет 1920 г. распространил данную систему на все организации республики. В Наркомфине это считали важнейшим шагом на пути к безденежному хозяйству. По сути постепенный переход к материальному бюджету являлся прямым отражением общей экономической ситуации в Советской России, развивавшейся в русле натурализации хозяйственных отношений.

⁹ Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917 – 1925). М., 1940. С. 103.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 4. С. 315.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Из росписи государственных доходов и расходов на июль – декабрь 1918 г., тыс. руб.

Документ № 1 (конец ноября – начало декабря 1918 г.)¹

<i>Общегосударственные доходы</i>	<i>Исчислены на июль – декабрь 1918 г.</i>	<i>Исчислены по росписи на январь – июнь 1918 г.</i>
Обыкновенные доходы	12 730 194	2 852 727
Дефицит	16 372 000	14 750 000
Итого	29 102 978	17 602 727

<i>Общегосударственные расходы</i>	<i>Предположения на июль – декабрь 1918 г.</i>	<i>Назначено на январь – июнь 1918 г.</i>	<i>Ассигновано в 1917 г.</i>
Обыкновенные расходы	26 843 274	13 038 511	13 196 137
Чрезвычайные расходы	2 259 704	4 564 216	14 675 131
Итого	29 102 978	17 602 727	27 871 268

Документ № 2 (датирован 5. XI. 1918 г.)²

<i>Общегосударственные доходы</i>	<i>Исчислены на июль – декабрь 1918 г.</i>	<i>Исчислены по росписи на январь – июнь 1918 г.</i>
Обыкновенные доходы	12 730 194	2 852 727
Дефицит	16 344 000	14 750 000
Итого	29 074 194	17 602 727

<i>Общегосударственные расходы</i>	<i>Предположения на июль – декабрь 1918 г.</i>	<i>Назначено на январь – июнь 1918 г.</i>	<i>Ассигновано в 1917 г.</i>
Обыкновенные расходы	26 276 199	13 038 511	13 196 137
Чрезвычайные расходы	2 797 955	4 564 216	14 675 131
Итого	29 074 194	17 602 727	27 871 268

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 39 – 42.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 215. Л. 9 – 11.

**Из доклада особого отдела по бюджетной части
Народного комиссариата государственного контроля,
представленного на заседании СНК 3 июня 1919 г.,
о достигнутых сокращениях расходов на второе полугодие 1918 г. ¹**

Сокращено кредитов, %

<i>№ n/n</i>	<i>Ведомство</i>	<i>По центральным учреждениям</i>	<i>По местным учреждениям</i>
1.	Комиссариат путей сообщения	5,2	10,8
2.	Комиссариат торговли и промышленности (общая часть)	93,0	53,0
3.	Управление шоссейных дорог	33,0	2,0
4.	Речной Главвод	73,0	10,5
5.	Морской Главвод	69,0	—
6.	Главное управление таможенного контроля	8,4	25,9
7.	Главное управление пограничной охраны	44,0	—
8.	Комиссариат почт и телеграфов	1,4	21,0
9.	Общая канцелярия Комиссариата финансов	8,6	—
10.	Департамент Государственного казначейства	21,0	2,0
11.	Департамент окладных сборов	4,0	46,0
12.	Главное управление неокладных сборов	17,0	32,8
13.	Комиссариат просвещения	19,0	20,0
14.	Центральная коллегия Красного Креста	27,0	41,0
15.	Комиссариат по делам страхования и борьбы с огнем	7,6	—
16.	ВСНХ	70,8	38,6
17.	Центротекстиль	0,9	—

¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп 1. Д. 292. Л. 73 – 74.

18.	Комиссариат юстиции	1,0	1,9
19.	Комиссариат здравоохранения	64,8	6,0
20.	Комиссариат труда	22,8	17,0
21.	Комиссариат социального обеспечения	15,7	38,7
22.	Комитет государственных сооружений	22,5	6,3
23.	Управление по сооружению железных дорог	8,0	0,63
24.	Комиссариат иностранных дел	4,0	—
25.	Комиссариат по делам национальностей	7,0	—
26.	Комиссариат внутренних дел	—	9,2
27.	Комиссариат по продовольствию	—	14,5
28.	Главный отдел ВСНХ	0,6	—
29.	Комиссариат земледелия	—	17,7
30.	Комиссариат военный и морской	8,0	10,3
31.	Комиссариат внутренних дел общественных и военных организаций	2,0	—

<i>Всего обреза́ровано ведомствами на июль – декабрь 1918 г., руб.</i>		<i>Сокращено кредитов</i>	
		руб.	%
По центральным учреждениям	8 045 858 446	2 873 117 556	35,7
По местным учреждениям	1 089 103 110	363 419 842	33,0

**Из совместного доклада
народных комиссариатов финансов и государственного контроля
«О необходимости сокращения в финансовых сметах
расходов народных комиссариатов», представленного
в Совет Народных Комиссаров 16 января 1919 г.**

Таблица 1

Доходные поступления на январь – июнь 1919 г.
по сметным предположениям на 16 января 1919 г., млн руб. ¹

№ п/п	<i>Источник доходов</i>	<i>Планируемая сумма поступлений</i>
<i>I. Прямые налоги</i>		
1.	Натуральный налог с сельских хозяев	1 850,8
2.	Подоходный налог	400,0
3.	5%-ный сбор с оборота по торговле предметами личного потребления и домашнего обихода	300,0
4.	Промысловые сборы	76,9
5.	Прочие	5,1
Итого		2 632,8
<i>II. Косвенные налоги</i>		
1.	Табачный	201,3
2.	Спичечный	45,0
3.	Чайный	25,0
4.	Таможенный	15,3
Итого		322,2
<i>III. Другие доходы</i>		
1.	Пошлин	97,9
2.	От казенных и национализированных железных дорог	894,0
3.	От казенной сахарной операции	493,4
4.	От эксплуатации национализированного речного флота	300,0
5.	От казенной операции по изготовлению спирта	256,6
6.	От прибыли Народного банка за 1917 г.	250,0
7.	От продажи леса и лесных материалов	164,3
Всего доходов		6 491,1

¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 20.

Таблица 2

Суммы кредитов из назначенных по росписи
государственных доходов и расходов за январь – июнь 1918 г.,
оставшиеся на счетах некоторых ведомств
(по материалам подведомственных касс НКФ), млн руб. ²

<i>Ведомство</i>	<i>Назначено по росписи</i>	<i>Израсходовано</i>	<i>Осталось</i>
Наркомат по военным делам	5 458	2 277	3 181
Наркомат путей сообщения	4 350	1 355	2 995
Фонд национализированных предприятий	2 000	1 004	996
Наркомат внутренних дел	1 087	199	888
Наркомат земледелия	185	68	117
Наркомат просвещения	465	372	93
Наркомат юстиции	129	54	75

Таблица 3

Неиспользованные кредиты по росписи
государственных доходов и расходов за январь – июнь 1918 г.
(по материалам подведомственных касс НКФ), % ³

<i>Ведомство</i>	<i>Израсходовано</i>	<i>Осталось</i>
Наркомат по военным делам	41,7	58,3
Наркомат путей сообщения	31,1	68,9
Фонд национализированных предприятий	50,2	49,8
Наркомат внутренних дел	18,3	81,7
Наркомат земледелия	36,8	63,2
Наркомат просвещения	80,0	20,0
Наркомат юстиции	41,9	58,1

² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 21.

³ Там же. Л. 24.

Таблица 4

Неизрасходованные остатки к 1 декабря 1918 г.
по центральной расходной кассе НКФ
по сметам на июль – декабрь 1918 г., млн руб. ⁴

<i>Ведомство</i>	<i>Назначено по смете</i>	<i>Осталось неизрасходовано</i>
Наркомат путей сообщения	3 650	1 652
Наркомат просвещения	2 436	1 375
Наркомат социального обеспечения	640	339
Морское	416	195
Главвод	612	156

⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 246. Л. 22.

**Предварительные данные по росписи
общегосударственных доходов и расходов на июль – декабрь 1919 г.,
опубликованные 16 февраля 1920 г. в «Известиях НКФ»¹**

***Общегосударственные доходы
по росписи на июль – декабрь 1919 г., млн руб.***

<i>№ п/п</i>	<i>Источники дохода</i>	<i>Сумма</i>
1.	Прямые налоги	851
2.	Косвенные налоги	1 780
3.	Пошлины	132
4.	Правительственные регалии	114
5.	Казенное имущество и капиталы	24 872
6.	Возмещение расходов государственного казначейства	336
7.	Доходы разного рода	520
Итого общегосударственных доходов		28 605
Дефицит		136 089
Баланс		164 694

***Общегосударственные расходы
по росписи на июль – декабрь 1919 г., млн руб.***

<i>№ п/п</i>	<i>Ведомство</i>	<i>Сумма</i>
1.	Всероссийский центральный исполнительный комитет	122
2.	Управление делами Совета Народных Комиссаров	6
3.	Народный комиссариат по иностранным делам	9
4.	Народный комиссариат по национальным делам	30
5.	Народны комиссариат внутренних дел	5 988
6.	Народный комиссариат просвещения	13 324
7.	Народный комиссариат труда	5 295
8.	Народный комиссариат здравоохранения	9 195
9.	Народный комиссариат социального обеспечения	7 537
10.	Народный комиссариат юстиции	668

¹ Известия НКФ. 1920. № 2/18. С. 1.

11.	Народный комиссариат финансов	3 190
12.	Высший совет народного хозяйства	25 613
13.	Народный комиссариат земледелия	2 488
14.	Народный комиссариат продовольствия	25 169
15.	Народный комиссариат торговли и промышленности	208
16.	Народный комиссариат путей сообщения	11 221
17.	Народный комиссариат почт и телеграфов	1 717
18.	Народный комиссариат по военным делам	26 368
19.	Народный комиссариат по морским делам	1 803
20.	Народный комиссариат государственного контроля	425
21.	Центральное статистическое управление	253
22.	По ликвидации аннулированных займов	25
23.	На покрытие расходов по национализированным предприятиям и на операционные расходы ВСНХ	18 500
24.	На расходы в освобожденных местностях	5 540
Баланс		164 694

Приложение 5

Из росписи общегосударственных доходов и расходов РСФСР на 1920 г., тыс. руб. ¹

<i>Общегосударственные доходы</i>	
Прямые	55 457 174
Оборотные	104 147 114
Итого	159 604 288
<i>Общегосударственные расходы</i>	
Прямые	1 037 363 935
Оборотные	177 795 307
Итого	1 215 159 242
Дефицит	1 055 554 954

Приложение 6

Общие итоги бюджетов 1918 – 1920 гг., млн руб. ²

<i>Бюджетные периоды</i>	<i>Расходы</i>	<i>Доходы</i>	<i>Превышение расходов над доходами</i>	<i>Процентное отношение дефицита к общему итогу расходов</i>
1918 г.				
январь – июнь	17 603	2 853	14 750	83,8 %
июль – декабрь	29 103	12 727	16 376	56,3 %
Итого	46 706	15 580	31 126	66,6 %
1919 г.				
январь – июнь	50 703	20 350	30 353	59,9 %
июль – декабрь	164 699	28 609	136 090	82,6 %
Итого	215 402	48 959	166 443	77,3 %
1920 г.	1 215 159	159 604	1 055 555	86,9 %

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1354. Л. 2.

² Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического Интернационала. М., 1921. С. 94 – 95.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Становление денежной политики эпохи «военного коммунизма»	5
1.1. Распад финансового хозяйства России	5
1.2. Поиск выхода из кризиса. Финансовая политика Советского государства весной 1918 г.	27
1.3. Начало полномасштабной Гражданской войны. Формирование факторов, определявших денежную политику большевистского правительства в период «военного коммунизма»	44
Глава 2. Денежная политика Советской власти в конце 1917 – начале 1921 г.	66
2.1. Утверждение эмиссионного хозяйства. Попытка создания новой счетной единицы	66
2.2. Особенности денежного обращения. Проблема распределения денег	99
2.3. Унификация денежного обращения. Денежная реформа в Туркестане	126
Глава 3. Бюджетная политика Советской власти	162
3.1. Разработка и принятие росписей общегосударственных доходов и расходов за 1918 г.	162
3.2. Бюджеты 1919 и 1920 гг.	176
Заключение	204
Приложения	214

Научное издание

Соколов Евгений Николаевич

ДЕНЕЖНАЯ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В 1917 – НАЧАЛЕ 1921 г.

Монография

Редактор *Т.Н. Свитнева*
Технический редактор *М.В. Твердоступ*

Подписано в печать 03.04.2012. Поз. № 08. Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 12,6. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Урицкого, 22